

Дарья Кузнецова

Шешель и шельма

Фэнтези • Любовный роман • Детектив

Annotation

Ловкой мошеннице Чарген Янич долгое время удавалось уходить от правосудия. Но там, где пасует закон человеческий, рано или поздно сработает закон равновесия. И вот она уже в чужих краях, втянута в темную историю, гораздо более опасную, чем все ее аферы. А единственная надежда на спасение связана с циничным следователем Стеваном Шешелем.

Чарген надеется ускользнуть и в этот раз, перехитрив судьбу и сыщика. Но что, если эти двое начнут действовать заодно?

- [Дарья Кузнецова](#)

-
- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ЭПИЛОГ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

o [6](#)

Дарья Кузнецова
ШЕШЕЛЬ И ШЕЛЬМА

ПРОЛОГ

Береги соседа своего, он тебе еще пригодится.

*Беряна, столица Ольбада
7 горейтяка^[1]8151 г.*

— Придержите лифт! — Окрик заставил девушку дернуться.

Рука на рычаге дрогнула, но пассажирка не сразу сообразила, что именно от нее требуется: раннее утро было для Чарген самым мучительным временем суток, и скорость реакции страдала вместе с остальными положительными качествами.

К счастью спешащего, он влетел в крошечную клетушку лифта почти сразу за своим криком. Врезался в стоявшую там Чару, сбил с ног, но сам же успел поймать, не позволив отлететь к стенке. Как девушка не выронила при этом сумку — она и сама не смогла бы ответить. Все-таки сосед слишком твердый и костлявый, чтобы столкновение прошло безболезненно.

— Привет, мышка! Прости, — кривовато улыбнулся он, аккуратно выпустив попутчицу. — Вниз?

— Доброе утро, господин Сыщик! Конечно, вниз, — охотно отозвалась Чара.

Рычаг скрежетнул металлом, створки с лязгом сомкнулись, и лифт медленно поплыл. С пятого этажа он всегда полз еле-еле.

Такое вроде бы уничижительное обращение соседа совсем не задевало Чарген. Наверное, потому, что в нем не было никакого личного отношения или пренебрежения, просто констатация внешнего сходства: острый носик, темные глаза, смуглая, как у всех южан, кожа, темно-русые волосы — вроде бы длинные, вроде бы густые, но очень невыразительные и тусклые.

Черная юбка, белая блузка, серый приталенный жакет, удобные ботиночки на низком каблуке — аккуратная, по размеру, одежда, не цепляющая взгляд ни яркостью, ни нарочитой небрежностью.

Действительно — мышка. Скромная, осторожная, неприметная — не красивая, не отталкивающая, совершенно заурядная, но при

ближайшем рассмотрении миловидная девушка. Обычная. Именно такая, какой должна быть приличная горожанка.

А еще это прозвище давало возможность немного расслабиться: можно не так пристально следить за словами собеседника. Отзываться на «мышку» было гораздо проще, чем на имя.

Над ответным прозвищем даже задумываться не пришлось: профессия и одна из масок мадирского театра спаялись в этом человеке воедино и настолько тесно, как будто старые драматурги списывали Сыщика непосредственно со следователя Стевана Шешеля. Правда, комедийные ампула маски, когда ее надевали на непутевого, ленивого или жадного служителя закона, ему совсем не подходили, но это уже детали. Главное, самого соседа такое прозвище только забавляло и совсем не обижало.

— К тетушке? — Он выразительно кивнул на сумку, которую Чарген, устав держать, поставила на пол.

— Да, поеду, — подтвердила девушка. — Каникулы, в библиотеке сейчас тихо, а ей с огородом надо помочь. Сами понимаете, в деревне рабо... Ой!

На этом месте, обрывая пояснения, лифт вдруг резко дернулся, уронив Чару на соседа, и замер. Мигнув, погас осветительный шар под потолком, и воцарилась мертвая тишина, особенно пронзительная из-за чернильного мрака вокруг и стихшего гудения, с которым ехал лифт.

— Только не это! — простонала девушка, судорожно вцепившись в лацканы пиджака мужчины. Зажмурилась. Темнота неприятно давила, но сейчас — не так сильно, как могла бы. Все же здорово, что сосед решил догнать лифт и разделил с ней приключение, в одиночестве пережить подобное было бы труднее.

— Ты боишься темноты? — сделал Шешель логичный вывод, даже приобнял девушку за плечи — неожиданное, но приятное проявление сочувствия.

— Боюсь, особенно когда тесное пространство. Но главное, меня такси ждет, до дирижабля меньше часа! — пожаловалась Чарген.

Следователь молча отправил куда-то вверх и вбок легкий магический импульс желтого спектра, совсем рядом в темноте тихо ухнуло, заставив Чару вздрогнуть от неожиданности. А через мгновение клетку лифта залил тусклый, слабый желтоватый свет — шар горел еле-еле, но этого было вполне достаточно для успокоения.

— А сдвинуть с места его так не получится? — неуверенно спросила девушка, не спеша покидать надежные объятия и с трудом удерживаясь от того, чтобы воспользоваться случаем и ощупать соседа.

Ее давно мучил вопрос: господин Сыщик под пиджаком крепкий и жилистый или тощий и костлявый? Склонялась к первому варианту, но найти подтверждение этому никак не удавалось.

— Да легко! — отозвался следователь. — Но сыскаря ноги кормят, поэтому они мне еще дороги как память.

— То есть?

— Если лифт грохнется с высоты третьего этажа, кости мы, конечно, соберем, но вряд ли целые, — доходчиво пояснил Шешель. Продолжая придерживать соседку одной рукой — привык уже, что ли? — вторую вытянул в сторону, освобождая из-под манжеты наручные часы. — М-да. Забежал переодеться. Садись, мы здесь надолго. — Он небрежно махнул рукой и, все же выпустив Чару, спиной по стене стек на пол.

— Может быть, позвать на помощь? Или двери попробовать открыть? Вы же сможете, и это, наверное, не так опасно, как...

— Садись, не надо ломать технику, — отмахнулся Шешель. — Или у тебя там в сумке ломик есть? Нет? Мне, конечно, льстит такая вера в мои силы, но руками я эти двери не открою. Даже если бы собирался.

— А что насчет помощи? — Чарген не готова была сдать так быстро и все еще надеялась, что это недоразумение вскоре разрешится.

Опаздывать на дирижабль совсем не хотелось, от этого все планы летели псу под хвост. Она ведь собиралась для начала заехать к маме!

— Кричи, — пожал плечами следователь, невозмутимо глядя снизу вверх.

Чара неуверенно покосилась на двери, потом на соседа. Потом прислонилась к стене напротив соседа и медленно, придерживая юбку, съехала по ней, опустившись на корточки.

— Что, не будешь? — ухмыльнулся Шешель через пару секунд.

— Лучше вы, господин Сыщик, у вас голос громче, — вежливо уступила девушка.

— Жаль, — неопределенно хмыкнул сосед и слегка стукнулся затылком о стенку лифта. Прикрыл глаза.

— Это тоже бесполезно, да? — спросила Чара тихо.

— Сегодня воскресенье, половина пятого утра, — невнятно пробормотал Шешель. — Нормальные люди спят. В здании толстые стены, так что шум на лестнице не побеспокоит жильцов. И лифт у нас новый, тихий, — закончил со смешком.

— Я не успею на дирижабль, да? — вздохнула девушка и тоже сползла на пол. Долго она в прежней позе все равно не высидит, куда уж тут юбку беречь!

— Не успеешь.

Несколько минут они посидели в тишине, которую нарушил жалобный стон. Чарген растерянно покосилась на соседа, который вряд ли мог издать такой звук.

— Что это было?

— Надо было позавтракать, — отозвался следователь.

— У меня есть бутерброды. Хотите? — предложила девушка и полезла в сумку еще до того, как закончила фразу.

— Хочу! — Шешель не стал скромничать, тут же заметно ожил, выпрямился и открыл глаза. Получив внушительных размеров бутерброд из пары поджаристых хлебных треугольников с начинкой между ними, уткнулся носом в хлеб, с шумом втянул запах и выдохнул со сладострастным стоном. Чара при виде этого не удержалась от хихиканья. — Спасительница! Благословите боги мышиную домовитость и запасливость! — нашел он в себе силы поблагодарить и с упоением впился зубами в хрустящий бок бутерброда. Блаженно замычал, закатив глаза, и девушка засмеялась в голос.

— Ешьте-ешьте, вы вон какой худой, вам надо, — с умилением сказала она. Шешель угукнул, не в силах оторваться от еды, которая исчезала с пугающей скоростью. — Господин Сыщик, вы когда последний раз ели? — озадачилась Чарген.

— Не помню, — честно ответил тот, кивком благодаря за следующий бутерброд.

— А спали?.. — продолжила любопытствовать Чара, разглядывая соседа внимательней.

Сейчас, в тусклом тревожном свете, лицо следователя, и в лучшие дни кажущееся слишком худым, даже изможденным, вовсе напоминало обтянутый сухой кожей череп. Темные круги под глазами, тени от скул на впалых щеках — зловещий вид.

— Примерно тогда же, — отозвался Шешель, прожевавший второй бутерброд и встретивший появление третьего с отчетливой нежностью во взгляде. Правда, на этот уже не набросился, как дворовый пес — на кусок парного мяса, даже попытался разглядеть в тусклом свете, что там внутри. — Очень вкусно!

— Вы просто голодный, — улыбнулась Чара.

— Не скажи, — качнул головой следователь. — Это шедевр бутербродостроения! Говорю, как старый холостяк, знающий толк в ленивой еде. — Он прервался на укус, прожевал гораздо тщательней с совершенно блаженным видом. — Чтоб мне посереть, ты точно добавляешь туда какой-то секретный ингредиент! Давай я на тебе женюсь, а? И ты будешь меня кормить!

— Не стоит идти на такие жертвы. — Чарген рассмеялась в ответ. — Можем договориться о сдельной оплате.

Глаза следователя жутковато сверкнули, показавшись белыми бельмами, и в выражении его лица почудилось что-то опасно-хищное. Чарген мысленно ругнулась на себя за то, что непозволительно расслабилась и выбилась из образа, и поспешила сменить тему.

— Что-то случилось? — участливо спросила она. — Вы, мне кажется, обычно выходите из дома несколько позже и в чуть более здоровом виде.

— А, у нас всегда что-то случается. — Он расслабленно махнул рукой, и Чара перевела дух: никаких вопросов и подозрений не последовало. — Газет не читаешь?

— Читаю... А, вы о том артефакторе? — припомнила она последнее громкое дело, о котором уже три дня трубили на каждом углу. Одного из известнейших зеленых магов города убили в собственном доме вместе с женой и сыном-подростком, все перевернули и вынесли кучу ценностей. — Расследуете его смерть?

— Вроде того, — чему-то недовольно поморщился Шешель.

— Надеюсь, у вас получится поймать этих чудовищ. — Хмурясь, Чарген зябко поежилась. — Представить не могу, кем надо быть, чтобы на такое пойти! Ради денег убить ребенка...

— Биологически — человеком, как и мы с вами, что не может не радовать, — спокойно пожал плечами господин Сыщик. — А мораль — понятие субъективное.

— И чем вас это радует? — растерялась она.

— Повадки людей мне неплохо знакомы. Окажись он кем-то другим — это существенно осложнило бы дело, — усмехнулся следователь. В повисшей тишине окинул взглядом темную клетушку лифта, поднялся на ноги, потянулся всем телом и, шагнув, прислонился к стене уже рядом с Чарой. — Подвинься немного, пожалуйста... да, все, достаточно. В сумке ничего хрупкого нет?

— Зависит от того, что вы собираетесь с ней делать.

— Я собираюсь на ней спать, — честно ответил следователь, пытаюсь устроиться на квадратном метре площади поудобнее.

Чарген сначала опешила от такой прямолинейности, но сразу возмутиться не успела, а потом вдруг поняла, что идея не лишена смысла.

— Сейчас, погодите только, я себе куртку достану, а то сидеть холодно. Горешняк в этом году не задался, — вздохнула она.

— А пледа у тебя там, случайно, нет? — со смешком спросил следователь, с интересом заглядывая в сумку. Но скрывать Чаре было нечего, она везла в сумке только пару сменных платьев, белье и еще кое-какие мелочи.

— Увы, нет, — виновато пожала плечами она, наблюдая за тем, как следователь пытается угнездиться в тесноте лифта. — Может, вам не стоит лежать на холодном полу? — все-таки спросила она.

— Не могу спать сидя. Иногда получается, но до обмороков я пока еще не устал.

Наконец он кое-как устроился, подложив сумку под голову и свернувшись калачиком, так что Чаре было некуда даже вытянуть ноги.

— Разбуди, когда кому-то понадобится лифт и нас начнут спасать, — проговорил Шешель сквозь зевок, который даже не попытался прикрыть ладонью. И отключился, кажется, в следующее мгновение, не дожидаясь ответа.

Чарген несколько секунд напряженно прислушивалась: почему-то казалось, что сосед непременно должен храпеть. Но нет, сытый Сыщик оказался пугающе тих, почти как выключившийся лифт.

Это было забавно — вот так сидеть рядом со Стеваном Шешелем, грозой преступного мира Беряны, а порой даже всего Ольбада. Мужчина не особенно распространялся о собственной жизни, но соседи, на чьих глазах он вырос, могли много чего порассказать про

одинокого следователя. И, конечно, рассказали, когда пять лет назад в давно пустующую квартиру въехала новая хозяйка.

Поначалу, обнаружив такого соседа, Чара не на шутку испугалась и задумалась, не поменять ли адрес. Но стало жаль квартиру, где она еще такую найдет! Жилье досталось ей вполне легальным, хотя и неожиданным способом: по завещанию давнего друга матери. Точнее, досталось не совсем ей, а маме, но...

Чарген жила тут под именем и личиной Биляны Белич, мышки, которая являлась дочкой покойной лучшей подруги квартирной хозяйки. Женщины одинокой, больной и сердобольной, которую жиличка регулярно навещала. Так было безопаснее и разумней, чем светить настоящее имя, да и от некоторых проблем оберегало. Например, надежно избавляло от желающих облапошить наивную одинокую дурочку и заполучить хорошую квартиру в престижном районе столицы. Будь она хозяйкой, непременно кто-то попытался бы, а так — что с сиротки-приживалки возьмешь!

А потом Чара оценила иронию ситуации и аккуратно сошлась с легендарным следователем. Ну так, слегка, по-соседски. Здоровалась, скромно и немного смущенно улыбалась, иногда перебрасывалась какими-то общими фразами. Рассказывала про работу в библиотеке, про тетушку, какая она чудесная, добрая и одинокая.

Всем рассказывала. И со всеми сходилась примерно одинаково: глупо недооценивать наблюдательность и внимательность соседей и уж точно не стоит ими пренебрегать. Просто с Шешелем это еще и щекотало нервы.

Но вот так тесно они общались впервые. И Чарген, хотя испытывала любопытство и азарт, все равно сердилась на себя за то, что непозволительно расслабилась и отошла от выбранного образа. Мало того что позорно и непрофессионально, так еще и опасно! Господин Сыщик — въедливый тип, не нужно будить в нем лишние подозрения.

Она еще раз мрачно покосилась на тусклый световой шар, потом — на свернувшегося трогательным клубочком следователя. Со смешком вспомнила его замечание о женитьбе, окинула соседа новым критическим взглядом.

Следователь Чаре нравился. Худой, конечно, как щепка, она предпочитала более ладные фигуры. Но лицо приятное,

выразительное, особенно глаза — холодные, светлые. Взгляд цепкий, бодрит. А еще ей нравились его чувство юмора, обаяние, хладнокровие. И блондинов она любила, хотя никак не могла понять: белобрысый Шешель или это ранняя седина, уж очень странный цвет.

Ну и, главное, это была бы шутка, способная рассмешить богов: она — замужем за высококлассным сыщиком из следственного комитета, вероятным сотрудником контрразведки Ольбада. Даже жаль, что ближайшая свадьба уже запланирована.

И Чара, притулившись в углу, тоже задремала. Спешить ей было уже некуда, такси наверняка уехало, а дирижабль — улетел.

ГЛАВА 1

Замужество как прыжок с парашютом: первый раз страшно, потом увлекаешься

Беряна, столица Ольбада

5 сепеня^[2]8151 г.

Быть «прелесть какой дурочкой», не скатываясь до «ужас какой дуры», — искусство сложное, но жизненно необходимое. Этот бесценный талант Чарген, увы, от матери не передался, пришлось зарабатывать долгими тренировками. Острой на язык Чаре сложнее всего далось именно это, даже смирение и послушание не вызывали столько проблем.

Но если бы мама могла сейчас видеть свою старшую и, безусловно, любимую дочь, очень бы ею гордилась. Чарген, то есть Цветана Лилич, то есть теперь уже, по мужу, Цветана Ралевич, дурочкой была восхитительно очаровательной. Легкое воздушное платье нежно-розового цвета оттеняло светлую фарфоровую кожу, аккуратно заколотые драгоценными гребнями локоны блестели полированным золотом, яркие голубые глаза смотрели на мир с наивным восторгом, заставляя стоящих рядом мужчин невольно приосаниваться и вызывая покровительственные улыбки.

Муж, которого это трепетное создание держало сейчас под локоть, поглядывал на распускающих хвосты приятелей и дальних родственников снисходительно, принимая все восторги на собственный счет. Новым приобретением Павле Ралевич был доволен и даже обоснованно горд: найти такое чудо в Беряне — редкая удача. Совсем юная, нежная пансионерка, скромная, хорошо воспитанная, всего пару месяцев назад прибывшая в столицу из своего пансиона. Невинная, как первоцвет, что Павле подозревал все время их знакомства и в чем с глубоким удовлетворением убедился вчерашней брачной ночью.

Выгодное приобретение, доставшееся очень дешево, которое при минимальном вложении засверкало бриллиантом чистой воды.

Павле Ралевич, сорока пяти лет, совладелец ювелирного дома «Северная корона», опытный зеленый маг и авторитетный артефактор, в деньгах не нуждался, поэтому жениться на кошельке считал глупым. Такая девица будет капризна и избалованна, а он слишком занят, чтобы с ней носиться. Голубой крови Павле тоже не искал: тщеславие не требовало обзаводиться титулом, а в его делах положение не играло роли, аристократы и так держались весьма любезно. Да и девица такая будет либо слишком требовательна, либо... В общем, зачем такие сложности?

То ли дело вот это юное создание! Выгодное приобретение, да.

— А как вы думаете, прекрасная Цветана, ждать нам войны с Регидоном? — внезапное обращение одного из друзей мужа заставило очень к месту вздрогнуть от неожиданности.

Голубые глаза пару раз растерянно моргнули, новобрачная неуверенно улыбнулась и проговорила, смущенно опустив взгляд:

— Простите, сударь, я совсем ничего в этом не смыслю... Павле, как ты считаешь?

— Ждать, — с легкой усмешкой ответил тот. — Через пару десятков лет, когда технические средства позволят. Если сумеем протянуть столько без какого-нибудь бунта.

Чарген испуганно ахнула, теснее прильнула к боку мужа, ненавязчиво прижимаясь к его локтю грудью.

— Павле, какие ужасы ты говоришь! Война, бунт...

— Не бойся, Цветочек, нас это все не затронет. — Ралевич накрыл узкую ладошку своей.

Один из собеседников горячо возразил, что владыка ни за что не допустит подобного, еще один, по выправке — отставной офицер, неодобрительно высказался о настрое хозяина приема. Чара слушала, не забывая испуганно жаться к мужу и растерянно хлопать глазами на мужчин, изображая непонимание. И рассеянно думала, что в этот раз вполне угадала с супругом: его точно не будет жаль.

— Цветочек, пойдя присядь, ты устала. Да и не нужно тебе все это слушать, — обратился к ней Павле.

— Спасибо, дорогой! — благодарно улыбнулась Чара. И хотя предпочла бы еще послушать и «поболеть» за офицера, послушно

ушла к столику с напитками, который стоял возле выхода на балкон.

Прием был очень небольшим. Почему муж решил устроить его на следующий день после свадьбы, Чарген не поняла, но особенно и не расспрашивала: не положено. Шумной компании друзей у Ралевича не водилось, да и вообще тех, кого можно назвать друзьями, большой дружной семьи — тоже. Поэтому сегодня молодоженов окружали деловые партнеры, случайные люди из клуба, который Павле посещал то ли ради статуса, то ли для сбора новостей, да постоянные клиенты ювелирного дома. Разношерстное скучающее общество.

Чара подумала, что ей как хозяйке и виновнице торжества стоило бы блистать и развлекать гостей, раз муж не желает, но от мысли этой отказалась сразу. Где бы вчерашней пансионерке научиться той уверенности, которая для подобного требовалась? Оставалось стоять в уголке, разглядывать гостей и мечтать, чтобы все это поскорее кончилось.

С другой стороны, когда закончится это, снова придется делить с Ралевичем супружескую постель, и неизвестно, что хуже. Любовником супруг оказался скучным и эгоистичным, целовал так, что после хотелось умыться, и смешно сопел. И это тоже не добавляло новобрачной сочувствия и симпатии.

— Скучаете, госпожа Ралевич? — Прозвучавший сбоку голос заставил Чару опять вздрогнуть от неожиданности и встревоженно обернуться. Чтобы тут же расслабиться и смущенно улыбнуться.

Высокий импозантный мужчина, чуть полноватый, с благородной сединой на висках — один из совладельцев «Северной короны». В прошлом сам ювелир, но отошел от дел — проблемы с руками. Холост и очень одинок почти двадцать лет, с момента смерти супруги, не оставившей ему детей. Чарген успела выяснить о нем многое, она какое-то время колебалась между кандидатурами двух совладельцев. Но господин Гожкович понравился ей своей манерой общения, ироничностью и глубокими грустными глазами, поэтому выбор пал на Ралевича.

За последние десять лет она ни разу не сошлась с мужчиной, который был бы ей симпатичен: не хотела повторять ошибок матери и проверять выносливость собственной совести. Все же обманывать приятнее скользких типов вроде нового мужа, а не приличных и порядочных людей.

— Такое количество гостей, и все так строго на меня смотрят! — пожаловалась Чара. — Я страшно боюсь сказать или сделать что-то не так и расстроить Павле.

— Павле сложно расстроить такой мелочью, — одними губами улыбнулся Гожкович. — Позвольте за вами поухаживать. Чего желаете? Вина? Или, может быть, сок?

— Лимонада, если вас не затруднит, — попросила новобрачная, скрывая досаду: выбрать ей хотелось первое.

Вино у мужа было не запредельно дорогим, но хорошим: сорт фенаса, виноградники побережья, Ежарская долина, почти местное. Наглядный пример рачительного характера Ралевица, который не любил переплачивать, особенно за пыль в глаза.

Чара такое очень любила, хотя пробовать его доводилось редко: пить просто так, к обеду или ужину, в одиночестве было скучно и неприятно, хорошо посидеть вечером за бутылочкой — банально не с кем. А когда выдавалась случайная компания — приходилось играть роль, а значит, требовалось сохранять абсолютно трезвый рассудок и остроту восприятия.

Конечно, Гожковича не затруднило. Большой кувшин, зачарованный на охлаждение, мужчина аккуратно взял двумя руками, стекло звякнуло о стекло, плеснула ароматная жидкость и тонкой струйкой полилась в высокий стакан, слегка запотевший от температуры напитка.

— Прощу. — Бывший ювелир протянул наполненный сосуд собеседнице.

Новобрачная приняла его, пригубила ароматный напиток солнечного цвета и немного примирилась с действительностью. Конечно, не белое полусладкое, но весьма недурно.

— Спасибо. У Павле столько друзей, все такие солидные. И дамы... Мне кажется, я никогда не смогу стать на них похожей! — посетовала Чара для поддержания разговора. Не стоять же истуканом.

— А стоит ли кому-то уподобляться? Вы юны и прекрасны, оставайтесь такой подольше. Надеюсь, Павле не загубит такое чудо, — рассеянно закончил он, посмотрев на хозяина приема.

Тот взгляд встретил, отметил почтительное расстояние между своим ценным приобретением и партнером и коротко кивнул. Гожкович улыбнулся в ответ, отсалютовал бокалом.

— Не понимаю, о чем вы. Павле такой замечательный! Я словно попала в настоящую сказку с настоящим принцем!

Собеседник чуть заметно улыбнулся. То ли восторженности Цветаны, то ли ее же фантазии: невысокий, с оплывшей фигурой, невыразительным лицом и залысинами, на героя девичьих грез Ралевич не походил совершенно. Но зато вполне тянул на живого, настоящего принца: они тоже люди, и молодые красавцы среди них попадают не так уж часто. Как и в любой другой профессии.

— Павле бывает... резок. И скор на расправу. Впрочем, простите, не хотел вас напугать, в конце концов это просто слухи.

— Какие слухи? — проявила Чарген вполне подходящее юной девушке любопытство, на которое наверняка и рассчитывал собеседник.

— Говорят, Павле бывает жесток с женщинами, которые его разочаровали. Одна из его любовниц, например, бесследно исчезла.

— Вы говорите гадости! — Свежеиспеченная госпожа Ралевич обиженно насупилась, а под конец даже добавила слезы в голос. — Павле не такой! Он хороший и добрый, а вы — злой и лицемерный! Как вы можете, вы же его друг?!

— Я лишь хотел выразить надежду, что вы будете с ним счастливы. Прошу простить меня, если допустил бестактность. — Он склонил голову. — Вы, разумеется, совсем не похожи на остальных женщин, вы ведь теперь его жена. И еще раз извините, надеюсь, я не слишком вас расстроил.

Партнер поклонился и отошел, а Чарген нервным жестом пригубила лимонад и нашла взглядом супруга. Тот продолжал увлеченный разговор с прежней группой мужчин, в сторону жены не смотрел и, кажется, не заметил произошедшего между ней с Гожковичем обмена любезностями. Поэтому Чара предпочла сделать вид, что ничего не случилось.

Хорошо, что никто не горит желанием познакомиться с ней поближе. Можно немного расслабиться и, например, спокойно обдумать состоявшийся разговор.

Неприятные слухи об артефакторе, упомянутые сейчас партнером мужа, Чара слышала, но не очень-то им верила. Вспыльчивость и жестокость совершенно не вязались и с рациональностью Ралевича, и, главное, с его почти полной бесчувственностью. Он мог бы причинить

боль и даже убить, тут Чарген излишних надежд не питала, но — руководствуясь холодной логикой и собственной выгодой.

Кроме того, Чара видела двух отставных любовниц мужчины, злых и обиженных на Ралевича за его скупость, и вполне допускала, что слухи такие могли распусть именно они из-за чрезмерной прижимистости артефактора. Он не просто не баловал женщин подарками, но не давал даже денег на карманные расходы, поэтому отношения с особами, рассчитывавшими на прибыльное место содержанки обеспеченного мужчины, долго не длились.

Чарген вполне понимала обиду этих любовниц и то, что в объятия Ралевича их толкали неизменный женский оптимизм и уверенность, что уж они-то сумеют добиться от скупердяя какой-то выгоды. Сочувствовала им, но наступать на те же грабли не планировала, поэтому схему с «доением» любовника отбросила сразу, с Ралевичем стоило действовать совершенно иначе.

Тем не менее слух о жестокости Чара тоже брала в расчет, допуская его правдивость. В конце концов, даже очень рассудительные и сдержанные на вид люди могут таить в душе подлинных, жутких чудовищ.

Впрочем, на ее планы эта вероятность не влияла. Чарген не собиралась жить с этим человеком до старости, надеялась управиться за месяц-другой и потому о вероятной жестокости Ралевича в отдельных ситуациях задумывалась мало. Вряд ли он начнет кидаться на нее на ровном месте на второй день супружества, а ни малейшего повода к агрессии Чара давать не собиралась. Глупенькая, наивная, не смеющая сказать мужу и слова поперек, послушная, как заводная игрушка, — вряд ли такая Цветана успеет познакомиться с гипотетическими темными сторонами личности мужа.

Сейчас Чарген волновало другое. Зачем Гожкович заговорил об этом? В альтруизм и заботу о здоровье юной девы не верилось совсем, да и проявлять их стоило заранее, до свадьбы. Хотел посмотреть на реакцию? Надеялся рассорить? Вряд ли, он проницательный человек, должен понимать, насколько полностью молодая жена зависима от мужа и — как минимум пока — предана ему.

Странно. Непонятно и потому очень подозрительно.

Но вскоре к Чарген подошел муж, и посторонние размышления пришлось отложить до лучших времен.

— Павле! Хочешь, я чего-нибудь тебе налью? — предложила она радостно.

— Не стоит утруждаться, Цветочек, — отмахнулся тот и плеснул себе брады. — Как тебе прием?

— Так много людей, все такие яркие, солидные... Это так сложно!

— Ничего, со временем привыкнешь. Если хочешь, можешь пойти к себе и лечь спать пораньше. Завтра у нас дирижабль.

— Дирижабль? — ахнула Цветана.

— Полетим отдохнуть, — пояснил Ралевич и вопросительно вскинул брови. — Ты не рада?

— Что ты! Это замечательно, побыть немного только с тобой! Просто ты так занят, у тебя столько работы, и мне стыдно, что я отвлекаю тебя и из-за меня ты вынужден пересматривать планы...

— Могу себе позволить, — покровительственно улыбнулся муж. — Так что, ты хочешь остаться или поднимешься к себе?

— Если ты не возражаешь, я бы лучше легла пораньше.

— Прекрасно. Тогда позволь тебя проводить.

Со вспыхнувшим от неожиданных новостей раздражением удалось справиться быстро и, кажется, незаметно, а возможностью сбежать с этого приема под благовидным предлогом Чарген воспользовалась с облегчением.

Как же несвоевременно Ралевич решил устроить себе отпуск! В столице было бы куда проще: и заветный сейф под боком, и видеть дражайшего супруга предстояло реже. Здесь, в доме, он предпочел отвести молодой жене отдельную спальню, и Чара, внешне изобразив печальную покорность, внутри искренне порадовалась такому подарку. А в гостинице постель наверняка будет общей, и все внимание мужа окажется посвящено Цветане...

Ну да и ладно, потерпит. Никто ведь не обещал, что будет легко!

Уже засыпая на широкой кровати, застеленной хрустящим от свежести бельем, Чара позволила себе немного рассеянности и фантазий. Что когда-нибудь — уже совсем скоро, наверное, сразу после Ралевича, — она все же согласится с матерью. Старшие выросли, и нет столь острой нужды в деньгах, поэтому можно завязать с этим опасным и неприятным делом. Ангелар, например, взрослый серьезный мужчина, хороший юрист, который неплохо зарабатывает и

помогает семье. Да, придется пожить скромнее, но даже младшие поймут.

И тогда Чара сумеет начать новую жизнь. Свою. Никаких больше ролей, никаких масок и имен, никакого сбора информации об обеспеченных холостяках столицы. Никаких опасений лишней раз привлечь внимание стражи. Подработка, учеба в университете, о которой она давно уже мечтала. Под своим именем, со своим лицом. Если сумеет вспомнить, как оно выглядит...

От последней мысли настроение привычно испортилось, и Чара поступила так, как поступала много раз до этого: постаралась расслабиться и отвлечься. Перевернулась на другой бок и вскоре уже спокойно и крепко спала — так, как положено юной девушке с кристально чистой совестью.

Утро началось рано, с визита горничной, которая пришла помочь с одеждой и волосами. Вещи в дорогу слуги собрали без участия молодой хозяйки, что Чарген вполне устраивало. А то обстоятельство, что муж спозаранку умчался по каким-то важным делам, наказав ждать его возвращения, и вовсе радовало: завтрак в одиночестве был приятней его компании.

Время до возвращения супруга пришлось коротать за вышивкой, в нынешней роли вариантов было немного. Чара не особенно любила это занятие, но иголку держать умела и резкого отвращения к ниткам, к счастью, не питала. Возможной альтернативой служило чтение чего-то необременительно-развлекательного, но рукоделие подходило куда лучше: пусть муж лишней раз порадуетя трудолюбию и скромности жены.

Не говоря уже о том, что книги в этом доме хранились в кабинете, совать в который нос лишней раз было опасно. Нельзя давать ни малейшего намека, будто Чару интересует содержимое этой комнаты! Нет, это территория мужа, на которую приличная жена посмеет шагнуть только по его приглашению. Или тогда, когда будет уверена, что дражайший супруг не явится в самый неподходящий момент и слуги не увидят лишнего. Сейчас явно не тот случай.

Правильно перестраховывалась: Ралевич вернулся вскоре после завтрака. Собранный, деловой, с легкой нервозностью во взгляде и движениях. Очаровательно наивная Цветана этой детали, конечно, не

заметила, просияла улыбкой при виде мужа, а вот Чара насторожилась. Особенно когда муж почти без прелюдии заявил:

— Цветочек, у меня есть подарок для тебя. Соревноваться с твоей красотой он, конечно, не способен, но оттенить, надеюсь, сумеет. Пойдем. Мне хочется, чтобы ты надела его сейчас.

— О, Павле! Не стоило, — показательно смутилась супруга, пряча счастливую улыбку.

— Стоило, Цветочек. Ты достойна того, чтобы тебя баловать, — сладко улыбнулся Ралевич.

Чара мрачно подумала, что после такого оскала нужно бы бежать без оглядки. Увы, позволить себе подобного она не могла и смиренно последовала за мужем в кабинет, уповая на удачу. В конце концов, может, ей почудилось, а подарить он решил какой-нибудь пустяк. Много ли надо, чтобы порадовать наивную простушку?..

Не повезло. В черной лаковой шкатулке — простой, без изысков, призванной не отвлекать от содержимого, — обнаружился по-настоящему роскошный подарок. Широкий браслет — кружевная тончайшая скань белого золота с россыпью бриллиантов. Настоящих, за это Чара готова была поручиться, не подходя к артефакту.

«Не подходить к артефакту» было вообще отличной идеей, и Чарген с большим удовольствием воплотила бы ее в жизнь. Любой нормальный человек воплотил, потому что незнакомый артефакт потенциально опасен, а Чара понятия не имела, каково назначение этой штуки. На глаз определить не могла, но ничего хорошего от Ралевича не ждала: до крайности скардный тип, дарящий такую драгоценность нелюбимой супруге на второй день совместной жизни, выглядел более чем подозрительно. Что он задумал? И с какой целью, во имя богов, создана эта драгоценность?!

По спине пробежал нервный холодок и осел в затылке.

— Какая красота! — зачарованно выдохнула Чара, ослепленная блеском бриллиантов. — Боги! Павле, но это...

— Иди сюда. — Ралевич с улыбкой протянул ей руку, взял в другую браслет. — Я хочу, чтобы ты его надела и не снимала.

— Но он такой красивый! Я недостойна... — промямлила Чарген, однако покорно протянула кисть.

Застежки артефакт, как и большинство подобных ему предметов, не имел, Павле надел его на тонкое женское запястье, не размыкая.

Сложное воздействие зеленого спектра Чара заметила, но оно было слишком запутанным и коротким, чтобы разобраться в плетении.

Ощущение, что на руке сомкнулись кандалы, заставило внутренне поежиться. Чара уставилась на артефакт, очень надеясь, что удастся изображать восхищение: юная глупышка не может смотреть на драгоценный подарок как на ядовитую змею, готовую ужалить.

— Прекрасно. Я знал, что тебе подойдет, — улыбнулся Ралевич. Нервозность из его взгляда никуда не делась, что не добавило радости и Чарген.

— Павле, это... прекрасно! — прошептала она и, мысленно выругавшись, поспешила повиснуть на шее мужа с благодарным лепетом.

Следовало срочно взять себя в руки, пока он не заметил подвоха. Конечно, он сам слишком встревожен и погружен в какие-то посторонние мысли, но мало ли! Это явно не тот случай, когда можно позволить себе рисковать, даже в мелочах.

— Носи его не снимая, — проговорил Павле, мало успокоенный и такими восторгами жены. — Это артефакт.

— О! А какой?

— Он укрепляет здоровье и защищает от болезней. Ты, мой цветочек, такая нежная и хрупкая, я беспокоюсь. — Ралевич одарил молодую жену еще одним сладким оскалом.

— Павле, ты такой заботливый!

Чара готова была спорить на свою руку вместе с проклятым браслетом, что он солгал, прямо и грубо, не ожидая от глупенькой Цветаны и намека на подозрения.

Целительская магия имела два цвета: красный — прямое управление живой материей, и фиолетовый — ее изменение. Оттенков, положенных целительской игрушке, в артефакте не было и близко, уж за это Чарген готова была поручиться. Да, она самоучка без хорошего образования, но привычную, знакомую магию совершенно точно бы углядела, пусть и без подробностей.

Нет, в сплетении золотых нитей мерцали желтизна и зелень, управление и изменение неживого. Чего? Как именно? Чара не могла оценить даже примерно, только понимала, что вещь наверняка исключительно сильна. Хотя бы даже из-за количества бриллиантов — самого мощного камня в артефакторике.

— Будем надеяться, тебе не придется проверять его действие на практике, — отозвался Ралевич. Странно, но показалось, в этот раз он был вполне искренен. Надо ли говорить, что подобное Чаре совсем не понравилось! — Одевайся, мы скоро отправляемся.

Молодая жена упорхнула, то и дело поднося к лицу обновку, чтобы полюбоваться. Безумно сложное, запутанное плетение — вот так с ходу не удавалось припомнить, когда за свою долгую насыщенную жизнь мошенница видела хоть что-то подобное. Безумно, невозможно дорогая игрушка! Увы, не стоило и пытаться ее снять, для этого требовалось точно знать, куда и как приложить силу. А даже если бы Чарген знала ответ на этот вопрос, все равно бы не справилась: магия этих цветов была слишком ей чужда.

Пока дошла до гардеробной, пока переделалась в легкое дорожное платье с коротким рукавом — нужно же похвастаться обновкой! — Чарген успокоилась и взяла себя в руки.

Что бы ни делал этот браслет, он как минимум не мешал ее собственной магии и никак на нее не влиял. Даже к лучшему, что он не целительский, а завязан совсем на другое направление. Меньше риск конфликта, да и не так страшно: он точно не действует на разум и не заставит болтать лишнее.

Ну а то, что драгоценность не снимается... Кисть — не голова, есть простой фокус, которым при необходимости можно воспользоваться. И удрать. Желательно — прихватив ценную игрушку с собой. Для этого, правда, нужно разжиться экранированным ящичком, чтобы артефакт невозможно было отследить.

Узнать бы, что на самом деле делает это произведение ювелирного и магического искусства, но как? Спрашивать мужа бесполезно, как и о том, зачем он вообще нацепил эту драгоценность на молодую супругу. Точно ведь не подарок, иначе не стал бы врать и о его назначении. Но что?!

Чарген никогда не имела развитой интуиции, компенсируя отсутствие этого полезного чувства осведомленностью. Не требовалось обладать ею и теперь, чтобы понять: Чара влипла в дурную историю и по-хорошему стоило бы сбежать прямо сейчас, не дожидаясь развития событий и плюнув на артефакт. Но до смерти было жаль потраченных на этого человека времени, сил и средств.

Три месяца она аккуратно собирала информацию и готовила маску, разыскивая подходящую девушку с подходящей биографией, отдала круглую сумму за левые документы. Целый месяц проживала в тесной убогой комнатухе, терпела скучные ухаживания жадного, неприятного типа, опускала глазки и томно вздыхала. Да она вчера вытерпела первую брачную ночь с этим неуклюжим индюком! И хотя девственность ее была изрядно потрепана и восстановлена магическим путем, но больно и противно было по-настоящему. А теперь что — она сбежит поджав хвост при первых признаках опасности?! Нет уж, без куша хотя бы в горстку хороших камней она не уйдет!

Преисполненная решимости, Чарген бодро спустилась вниз, где уже ждали вещи. Ничего, она и поездку эту выдержит, зато потом Ралевич, пусть и вопреки собственным желанием, щедро отблагодарит жену за проведенное вместе время...

В автомобиле супруг был задумчив и погружен в какие-то деловые бумаги, куда Чара, преодолевая собственное любопытство, ни разу не заглянула. Сидела, таращилась в окно и теребила роскошный браслет на руке, то и дело на него поглядывая и искренне жалея, что на улице слишком тепло и глухое платье с длинными рукавами смотрелось бы неуместно. Боги с ним, с истинным предназначением артефакта, но тут ведь издали видно, что он стоит баснословных денег. А ну как грабители позарятся? С рукой ведь оторвут, им плевать будет, что он не снимается...

Дорога через город получилась долгой. Улицы оказались заполнены машинами, да еще, как назло, по пути попало несколько аварий, так что до воздушного порта добрались за несколько минут до отправления. К счастью, носильщик подвернулся быстро и оказался расторопным, до посадочной площадки добежать успели. Ралевич, похоже, отлично знал, от какой именно причальной вышки отходит нужный рейс, поэтому спешил через вокзал целенаправленно. И на месте, судя по искренней радости и горячим благодарностям носильщика, расщедрился на хорошие чаевые, что тоже было на него не похоже.

Чару опять охватила тревога. Куда они летят, что происходит?!

Увы, на глаза по дороге не попало ни одного указателя, в вокзал они забежали через какой-то боковой неприметный вход и почти сразу попали в руки воздушной стражи, проверявшей документы на нужный

рейс. Судя по всему, супруги Ралевич оказались последними пассажирами.

Паспорта проглядели наскоро, но сердце Чары в этот момент привычно подпрыгнуло к горлу: вдруг обман вскроется? Но нет, подделка оказалась хороша.

От здания вокзала к каждой из вышек тянулась линия узкоколейной железной дороги, опутавшей всю территорию порта плотной сетью. Пассажиров по ней возил почти игрушечный паровозик с небольшими, словно детскими вагонами. Сходство подчеркивалось их яркой сочной раскраской. Семь штук, каждый выкрашен в свой цвет спектра — прелесть.

— Чему ты улыбаешься? — спросил Ралевич, когда они расселись и маленький черный локомотив тронулся. После проверки документов муж заметно повеселел.

«Тоже, что ли, с фальшивым паспортом летит?» — рассеянно подумала Чара.

— Такой симпатичный паровозик, и вагончики очень милые, — искренне ответила она.

— Все же ты совсем еще ребенок, — снисходительно хмыкнул он.

Спорить Чарген не стала, только беспечно засмеялась и приникла к окну, чтобы не смотреть на спутника. И хотя время для нее имело обычай растягиваться от беспокойства, именно сейчас оно изменило этой традиции: путь до причальной вышки оказался издевательски коротким и быстрым, как и подъем наверх, и посадка в дирижабль.

Каюта была просторной и по-настоящему роскошной, Ралевич явно не поспешил. Две комнаты, гостиная и спальня, своя уборная и даже душ. Чарген даже не пришлось изображать восхищение и удивление, потому что летать в таких условиях ей никогда раньше не доводилось. Кресла в общем салоне обычно вполне хватало, зачем переплачивать за несколько часов? Она, конечно, слышала, что богачи путешествуют в других условиях, но знать и видеть своими глазами — разные вещи.

Когда они оказались в каюте, Ралевич окончательно расслабился и повеселел. Точно ведь чего-то боялся всю дорогу... Из-за этого артефакта? Или у него безо всякого артефакта какие-то проблемы? Боги, да кому мог понадобиться этот тип, кроме аферистки вроде Чары?!

— Какая красота! — проговорила Чара, оглядываясь. — Но зачем нужна спальня?..

— Перелет длинный, почти трое суток. Как тут без кровати?

— Трое суток? — ахнула Чарген. — Но куда мы летим?!

— В Норк.

— Куда? — переспросила потрясенно, хотя и с первого раза прекрасно расслышала.

— В Норк, столицу Регидона. Ты же никогда там не была? — усмехнулся Ралевич.

— Нет, никогда, — пробормотала она. — Мы полетим над океаном?..

— Бояться нечего, дирижабль — самый надежный транспорт, — убежденно отмахнулся Ралевич. — А на Норк стоит посмотреть, прекрасный город. В сравнении с ним Беряна — сонная провинция. Каждый раз, когда туда возвращаюсь, чувство, что приехал в деревню. Иди сюда, Цветочек, ты же не очень устала с дороги? — довольно улыбнулся он.

— Не очень, — вынужденно призналась она, ласково улыбнулась и шагнула к мужу.

Сложнее всего оказалось побороть порыв вцепиться ему в горло. Чтоб ему посереть, этому индюку, куда он ее тащит?! Да уж, теперь точно не сбежишь, не в океан же головой вниз! И что ей делать в этом проклятом Регидоне, если она не знает языка даже на уровне «да, нет, спасибо»?!

А старику Марчелису надо сказать большое спасибо за отличную работу: если его подделку даже здесь, на паспортном контроле не разглядели, она ничем не хуже оригинала. Вот было бы весело, если бы Чару прямо в порту взяли под локотки за подлог документов!

Растерянность и негодование вскоре сменились откровенной злостью. Нет уж, она доиграет свою роль милой влюбленной глупышки и постарается вытрясти из Ралевича как можно больше.

А еще — сосредоточится на поисках компромата. И если что-то попадется, не станет тратить силы и время на шантаж, а с огромным моральным удовлетворением передаст куда следует, пусть с муженьком следственный комитет разбирается. А что-то ведь непременно попадется, потому что... Легальные дела не бывают

настолько внезапными, не прикрываются свадебным путешествием, не вызывают у опытного дельца столько волнения.

Нет, Ралевич влез в огромную кучу редкой дряни, и хорошо, если без политического душка. И она — вслед за ним.

Впрочем, ладно, не стоит тратить силы и нервы на панику, сбежать никогда не поздно. Она и в Регидоне, если что, не пропадет, уж как-нибудь выкрутится. Тут главное — отобрать свой паспорт у муженька, а то он так и держит его у себя с самой свадьбы. Причем Чара бы совсем не удивилась, что держит намеренно.

Во всей сложившейся ситуации Чарген пока видела единственный жирный плюс: «жертву» она в этот раз выбрала исключительно удачно. Просто потому, что с каждой минутой общения Ралевича все больше хотелось не только лишиться крупной суммы, но вообще пустить по миру без медяхи в кармане.

ГЛАВА 2

Покойники порой доставляют больше проблем, чем живые

Дорога получилась отвратительно длинной, тоскливой и трудной. В дирижабле Чаре некуда было деться от общества мужа, который тоже не имел полезного занятия и все время посвящал супруге. Единожды приняв твердое решение, Чарген продолжала уверенно играть роль и обхаживать мужа, однако мысленно считала минуты до приземления. От улыбки уже начало сводить скулы, а единственной отдушиной оставались мечты и фантазии. Сначала — о мелких гадостях на уровне соли в чай супруга, потом — о куда более крупных, вроде цианида, туда же.

Нет, он совершенно точно не отделается от нее легко! Чара пока еще не знала, что такого плохого сделает мужу, но была уверена — обязательно сделает. Не убьет, конечно, ввязываться в серьезные преступления она не собиралась, но есть ведь куча вещей гораздо хуже смерти. Тюрьма, например.

Весть о прибытии в Норк Чарген восприняла с огромным облегчением. А сходя под руку с мужем по широкой винтовой лестнице причальной вышки, она вдруг отчетливо поняла: устала. Не только сейчас и от Ралевича, но вообще от такой жизни. Слишком много ворчит, слишком много ругается, нет того азарта, который был поначалу и даже еще в прошлом году, с предыдущей жертвой, чтобы горячил кровь. Ралевич, конечно, неприятный тип, но разве другие вызывали симпатию? Нет, дело совсем не в нем. Ну о чем можно говорить, если она всерьез рассматривает вариант пожертвовать деньгами и сделать подарок СК?!

Да и удача начала отворачиваться слишком демонстративно, и игнорировать подобные намеки — последнее дело. Давно уже нет стремления доказать всему миру, что она сможет, какое подстегивало поначалу, нет безысходности и нужды в деньгах, а теперь вот и азарта не осталось. Так есть ли смысл рисковать дальше? Пора пожить для себя, решено. Осталось только вернуться домой...

Норк не вызвал у Чары симпатии с первого взгляда, начиная с собственно погоды, которой он встретил гостей из Ольбада, вынудив дирижабль садиться сквозь низкие тяжелые тучи. Они укрыли город и все его окрестности толстым серым одеялом, лишь самую малость не цепляясь брюхом за вышки. К счастью, грозы не ожидалось, да и ветер был слабым, так что причалило воздушное судно без проблем.

Пассажиров и их вещи до вокзала довезли несколько автобусов, выкрашенных в угрюмый темно-зеленый — не чета радужным вагончикам в Беряне. Да и само здание воздушного вокзала Чарген не понравилось все по той же причине: слишком тускло и мрачно, и это впечатление не получалось списать на собственное плохое настроение.

Большое пустое пространство, похожее на железнодорожный дебаркадер, — темный свод из чугунных арок, крытый чем-то серым. Через него спешили во всех направлениях люди, прорва людей, и почему-то подавляющее их большинство тоже было серым. Серые плащи всех оттенков на женщинах, серые костюмы на мужчинах — каждый в отдельности был, наверное, не так уж плох, но все вместе создавало давящую, тяжелую атмосферу. Вкрапления коричневого, темно-синего и темно-зеленого совсем не спасали — окружающая серость, кажется, наползала на них туманом и стремилась подмять под себя.

Раздражали грязные цвета и суета, нервировали крики шмыгающих в толпе торговцев всякой мелочью. В Беряне такие тоже были, но они сидели в симпатичных маленьких будочках с вывесками вдоль стен вокзала, а не путались под ногами.

И дело было, конечно, не в возрасте, о котором говорил Ралевич: в тридцать четыре при ее стиле жизни сложно оставаться ребенком даже в глубине души. Может быть, в Чарген была слишком сильна горячая ромальская кровь, доставшаяся от отца, или для этого вполне хватило бы ольбадской, или примеси мадирской с материнской стороны — не важно. Но Чара искренне любила яркие цвета и отчасти поэтому любила Беряну и даже ее жителей, несмотря ни на что.

А здесь... Даже в своем скромном светло-голубом плаще золотоволосая Цветана выделялась на фоне окружающих. И при необходимости смешаться с толпой ей тоже пришлось бы посереть. В прямом смысле.

Чара проводила тоскливым взглядом единственное попавшееся яркое пятно, женщину в апельсиново-оранжевом плаще. Та поймала ее взгляд и, понимающе улыбнувшись, подмигнула. Тоже, наверное, ольбадка. Стало немного легче, а потом они наконец выбрались наружу.

Воздушный порт, как и положено, находился в стороне от города, и вокруг большой площади раскинулись поля, обведенные кромкой леса. Тоже темные, кажущиеся сонными без солнца, но при взгляде на этот простор, на рассыпанное по одному из полей стадо бело-рыжих коров Чара испытала облегчение. В мрачной пещере дебаркадера начало казаться, что цветов в мире попросту не осталось, и расхожее выражение «чтоб мне посереть» заиграло новыми, особенно жуткими красками.

— Павле! — привлек внимание окрик, и к ним подбежал мужчина лет тридцати пяти. — Чуть тебя не пропустил. А это что за прелестный цветок? Позвольте вашу руку, мэм!

Чарген вопросительно посмотрела на мужа, на всякий случай сцепив ладони за спиной и не спеша что-то там позволять странному типу, даже не подумавшему назваться.

— Это мой племянник, Хован Живко, представитель «Северной короны» в Регидоне. Цветана — моя жена. — Сказано все это было с какими-то очень странными интонациями. Как будто Ралевич имел в виду совсем другое, и собеседник это другое понял.

Племянник расплылся в довольной улыбке и все же припал к руке, дольше уклоняться от этого ритуала на ее месте было бы странно и нелепо. Однако, к облегчению Чары, долго мусолить ее ладонь мужчина не стал, да и губы у него оказались сухими и теплыми, а не мерзко скользкими, как успело нарисовать ее подстегнутое окружающей серостью воображение.

— Очень приятно, — с ласковой улыбкой соврала Чарген.

Нельзя сказать, что новый знакомый сам по себе вызывал сильные отрицательные эмоции. Наоборот, на первый взгляд он показался гораздо более приятным человеком, чем Ралевич, и вполне мог оказаться таковым на самом деле. Дело опять было в муже и той истории, в которую он впутал Чарген. В дирижабле от этого удалось отвлечься, а теперь тревожные мысли одолели с новой силой.

Артефактор явно продолжал тянуть Чару все глубже, и та готова была видеть подтверждение этому даже там, где его не существовало.

Хован же... Мужчина как мужчина. Худощавый, среднего роста, с порывистыми и как будто немного нервными движениями. Лицо узкое, располагающе-никакое, глаза карие — типичный ольбадец. Чара решила, что из него получился бы прекрасный мошенник на доверии, причем безо всяких магических ухищрений, к каким приходилось прибегать ей самой: лицо приятное, но описать его словами не сможет даже опытный следователь, а к составленному по описанию портрету подойдет пять ольбадцев из десяти и примерно каждый восьмой уроженец соседних провинций.

Одет он тоже был неброско, по местному обычаю. Черный костюм в тонкую белую полоску, в руке — черная шляпа с полями. Темные короткие волосы тщательно прилизаны, словно мокрые, и блестят. Пожалуй, Чарген больше всего не понравилась в нем именно прическа, какой щеголяли многие регидонцы вокруг: такое ощущение, что волосы грязные, засаленные. Непонятно, кому вообще такое может нравиться?!

— Павле, а у тебя есть брат или сестра? — спросила Чарген, когда они пошли к автомобилю.

— Нет. Хован — сын моего кузена, ты видела его на приеме.

— Прости, там было столько новых лиц, — покачалась она, хотя кузена вспомнила, они с Ралевичем были очень похожи.

Пока усаживались в машину — тоже черную, и Чара чувствовала, что скоро возненавидит этот цвет вместе со всеми оттенками серого, — Живко болтал о погоде и прочих пустяках. Рассказывал, куда стоит сходить в городе, и список на две трети состоял из ресторанов, баров и подобных заведений. Это показалось странным: вряд ли здесь не имелось других достопримечательностей, все же столица, большой город. То ли Хован любил поесть, то ли — выпить. Последнее вызывало сомнения, на пьяницу и кутилу он совсем не походил.

Живко устроился за рулем и, когда машина тронулась, обратился к Ралевичу на незнакомом Чаре языке. Видимо, на местном. Муж ответил легко — кажется, регидонский он знал отлично.

— А что он сказал? — с любопытством захлопала глазами женщина.

— Не обращай внимания, Цветочек, отдыхай и наслаждайся поездкой. Мы о работе, — отмахнулся артефактор.

Чарген едва не скрипнула зубами от досады. Ну почему его понесло именно сюда?! Она прекрасно знает пять основных языков Ольбада, еще на нескольких умеет объясняться и способна понять суть сказанного. Но, как назло, совсем не те!

Регидонский произошел от одного из малопопулярных теперь на континенте языков, на котором сейчас разговаривали в единственной провинции, Алвии, и то не на всей ее территории. Впрочем, даже зная она алавийский, это вряд ли помогло бы: насколько Чарген помнила, за время независимого существования Регидона местный язык ушел от прародителя далеко.

Но она все равно пыталась прислушиваться и краем глаза следила за мимикой мужа. Вдруг удастся что-нибудь заметить и понять хотя бы так? Увы, Чара улавливала только отдельные имена и слова, но картина не складывалась даже в общих чертах, и вскоре это занятие окончательно надоело.

Не получалось и наслаждаться поездкой, что советовал Ралевич. Когда поля оказались позади и машина въехала в Норк, вернулись мысли о серости и беспросветности этого угрюмого места. Что в нем нравилось Ралевичу, Чарген так и не поняла, и это только добавило неприязни к мужу.

Улицы оказались зажаты и похоронены между высоченных домов-небоскребов — квадратных, темных, таких же однотонных, как и местное население. Чарген не страдала клаустрофобией как таковой, но здесь явственно ощущала близость приступа, почти задохнулась, с тоской вспоминая поля возле воздушного порта.

Дома давили, они словно склонялись над копошащимися на улицах людьми. Казалось, еще немного — и потянут длинные каменные руки, чтобы раздавить. Машин на улицах было огромное количество, все гудели, ползли еле-еле, и это лишь усугубляло неприятные впечатления.

Возненавидеть кого-то с самого момента знакомства Чаре ни разу не доводилось: она привыкла считать, что люди слишком сложные и разные и при желании в каждом из них можно найти что-то хорошее. Даже в Ралевиче. Но вот искать хорошее в Норке ей совершенно не хотелось, и Чарген понимала: с этим местом у нее именно она,

ненависть с первого взгляда. Причем Чарген не удивилась бы взаимности этого чувства, город казался живым и от этого еще более неприятным.

В просторном зеркальном фойе явно недешевого отеля, расположенного в одном из небоскребов и, кажется, занимавшего его целиком, опять стало легче. Чара не любила такой вот напыщенной, грубой роскоши — позолота, претенциозные хрустальные люстры в духе Исторического театра, багряные ковровые дорожки, предупредительные слуги в мундирах. Но после растекающейся за стенами серости глубокие, насыщенные цвета и блеск радовали глаз и дарили отдых.

Номер оказался больше ее собственной квартиры, которую Чарген всегда считала очень просторной. Обстановка тоже впечатляла роскошью, но без такого обилия золота и хрусталя, как в холле, и на новом месте мошенница осматривалась с облегчением. Дверь номера открывалась в пышную гостиную-столовую, оттуда можно было попасть еще в одну гостиную, на этот раз — совмещенную с гардеробной. Две двери по левой стороне вели в отдельные спальни, каждая со своей ванной, и Чара почти искренне возжелала расцеловать Ралевича за такой выбор. Справа дверь имелась всего одна, и вела она в кабинет. Вновь посоветовав жене отдыхать, муж со своим родственником заперся именно там.

Чара попросила чаю и осталась во второй гостиной наблюдать, как немолодая горничная раскладывала их багаж. Конечно, с куда большим удовольствием и пользой она бы послушала, что происходит за закрытой дверью и о чем говорят мужчины, но, увы, оставалось лишь терзаться догадками и делать вид, что ей это неинтересно.

Надолго гость не задержался, и буквально через несколько минут мужчины вышли в гостиную. Ралевич закрыл кабинет, заявил, что на некоторое время отлучится по делам «Северной короны», и опять посоветовал жене отдыхать. Та ласково оскалилась в ответ, желая супругу провалиться и не возвращаться больше никогда, а вслух — сладко пожелала хорошего дня, наступив на горло собственному стремлению поинтересоваться, как все происходящее сочетается в голове дражайшего супруга со «свадебным путешествием».

Горничная продолжала возиться с вещами, пытаться незаметно вскрыть при ней кабинет Чара не стала и, как послушная жена, начала

отдыхать. В первую очередь — от мужа, для чего идеально подходила горячая ванна. Пока та наполнялась, мошенница сидела на бортике, тоскливо глядя в окно и жалея, что не прихватила с собой никаких книг. И что Ралевич закрыл кабинет и у нее пропадает такой чудесный предлог туда забраться.

Чарген, безусловно, понимала, что валяться в номере просто так — почти преступная трата времени, которое стоило бы посвятить выяснению деталей происходящего. Но она пока не имела представления, откуда начать, и это нервировало. Чужой город, чужая речь, чужие люди вокруг, и никого знакомого. А перед совершением любых решительных действий стоило успокоиться.

Получилось, и даже слишком: Чара банально задремала, пристроив голову на краю ванны. Наверное, сказались несколько напряженных дней рядом с Ралевичем, когда ни на минуту не удавалось расслабиться.

Проснувшись она в итоге от холода, вода успела остыть. Ругаясь сквозь стучащие зубы, схватилась за лейку душа и вынула пробку. Мытье заняло немного времени, потому что голову она мыть поленилась, благо на дирижабле проблем с водой не было. И все равно после душа Чарген почувствовала себя свежей, отдохнувшей и бодрой. Набросила халат, обернула голову полотенцем. Несколько секунд смотрела в гардеробной на собственное расслабленное отражение и решила одеться. Вдруг муж вернется уставшим? Не стоит соблазнять его собственной наготой и доступностью, глядишь, удастся этой ночью спокойно, без неприятных ощущений, выспаться.

Платье выбрала вполне подходящее к местным реалиям, темное: в черно-зеленую клетку, чуть ниже колен, прямое и с длинными рукавами, оживленное только белым воротничком и манжетами. Волосы собрала в тугий узел и сама себе показалась похожей скорее на строгую учительницу, чем на неземное юное создание. Да, из образа она выбилась, но вполне могла сказать, что пыталась последовать местной моде, чтобы драгоценному Павле было рядом с нею не стыдно.

Только обуваться не стала, предоставленные гостиницей тапочки были хоть и велики, но все равно гораздо уютнее туфель. После чего всерьез задумалась, чем бы заняться теперь, и наконец заметила то, на что стоило обратить внимание с самого начала: дверь кабинета была

слегка приоткрыта. Бесшумно проскользнув по паркету к двери, Чара настороженно прислушалась. Неужели Ралевич уже вернулся?

— Павле? — тихо позвала она, взявшись за ручку.

Ответила тишина, и Чара решительно толкнула дверь.

Потянуло сквозняком, шторы надулись парусами, на безупречно чистом столе зашевелились листы в единственной тонкой и без того разворошенной стопке. Артефактора не было. Пришел и ушел?

Чарген, поминутно оглядываясь на вход, подошла к окну, которое при ближайшем рассмотрении оказалось дверью на небольшой балкон. Совсем неинтересный и неприятный, не вяжущийся с общим видом номера. Вид оттуда отрывался на стену соседнего здания, расположенного, по ощущениям, совсем близко, да и было на нем пусто и уныло, только жалась в углу одинокая урна с намертво въевшимися следами пепла. Чара припомнила, что про запрет курения в номерах их предупреждали в фойе.

Сбоку к балкону примыкала бесконечная пожарная лестница. Чарген представила себе спуск с нынешнего двадцать какого-то этажа, и от одной только мысли об этом закружилась голова. Захлопнув дверь, чтобы не просквозило после ванны, все же на улице было свежо, она вернулась в комнату. Подошла к столу, с интересом заглянула в документы, лежащие в открытой папке, тонкой и безликой. Переложив пару листков и заинтересовалась еще больше: это были какие-то схемы и вычисления, явно магической направленности.

Уж не тот ли артефакт, который красовался на ее руке?..

Проглядев длинные сложные формулы и ни строчки в них не поняв, Чара тихо ругнулась сквозь зубы. Было бы у нее нормальное образование, все это оказалось бы куда понятнее! Впрочем, если бы у нее было нормальное образование, вряд ли она бы находилась здесь.

Потом на глаза попал эскиз, подтвердивший догадку: на нем был набросок того браслета, который «подарил» ей муж.

Чарген замерла, закусив губу. Соблазн был велик. В документах явно содержались ответы на все ее вопросы об этом украшении. Показать бы их компетентному специалисту, и тогда...

Проклятье, ну почему Ралевич не мог потащиться куда-нибудь поближе, а не в Регидон?! Там эти знакомые у нее были!

В этот момент Чара задала себе вопрос, который следовало бы задать раньше: а почему вообще такие ценные бумаги дорогой — во

всех смыслах — муж бросил на столе? Мог бы и в сейф убрать, вон он. Или, что вероятнее, взять с собой. Значит, он точно уже вернулся и в любой момент может сюда войти.

Показалось или через приоткрытую дверь кабинета действительно слышались негромкие шаги?

Чарген поспешно сложила листы как были и устремилась к выходу, пока ее не застигли на месте преступления. По дороге взгляд зацепился за кофейный столик между парой кресел, спрятавшийся у стены за дверью. На столике стояла початая бутылка игристого и два бокала. Неужели мужчины что-то праздновали? Так Павле вроде терпеть не может эту, как он выражается, «шипучку»...

— Павле? — окликнула она снова, уже громче, выходя в гостиную с гардеробом. Дверь в следующую комнату тоже была приоткрыта и даже не захлопнулась от сквозняка. — Ты вернулся?

Муж не отвечал, хотя Чара вдруг пронзительно-остро ощутила, что в соседней комнате кто-то есть. По спине скользнул холодок дурного предчувствия, но мошенница тут же разозлилась на себя за эти глупые чувства, решительно толкнула дверь и шагнула через порог.

— Вы?.. — ахнула она, но тут же опомнилась и исправилась: — Вы кто такой? Что вы здесь делаете?!

Стеван Шешель, следователь следственного комитета города Беряна, на мгновение прекратил обыскивать шкафы и тумбочки, бросил на Чарген оценивающий взгляд через плечо. В своем сером костюме, белобрысый, он очень походил на местного уроженца, и, если бы она не знала этого человека, точно приняла бы за регидонца.

— Веселая вдова? — кривовато усмехнулся господин Сыщик. — Только без воплей.

— Вдова? Да что такое вообще... — Чара сделала несколько шагов к следователю и снова замерла, потому что заметила ноги лежащего на полу тела, которое до сих пор скрывала от нее длинная скатерть круглого обеденного стола. — Это вы его?.. — пробормотала потерянно, подходя еще ближе.

Ралевич лежал навзничь, раскинув руки и пялясь в потолок остекленевшим взглядом. Полы расстегнутого пиджака раскинулись, открывая густо залитую кровью рубашку. Из груди трупа торчала рукоять ножа. Кажется, для бумаг.

— Не люблю присваивать чужие подвиги, так что и хотелось бы, но — нет. А не вы ли?..

Чара мотнула головой, не в силах отвести взгляд от покойника.

Ощущение было до безумия странным. Всего несколько часов назад она разговаривала с этим человеком, мысленно ругала, питала искреннее отвращение и даже прикидывала, как можно быстро и надежно отправить его к богам. Но ведь это было не всерьез! Да, он неприятный, даже противный, и наверняка совсем непорядочный, но... за что его понадобилось убивать?!

Вид мертвеца вселил страх. Не перед ним самим, а перед тем, кто это сделал, и причиной, по которой Ралевича убили. Точно ведь влез в какие-то темные дела, и как бы те, кто это сделал, не попытались добраться до... как Шешель сказал, веселой вдовы.

Следом за страхом шла досада, легкая жалость и странное чувство неловкости. Как будто она сказала про мужа какую-то гадость, неприятную ему и не предназначенную для его ушей, а он случайно услышал.

И главное, Чара никак не могла понять, что ей нужно сейчас сделать. Постараться задержать Шешеля, не поверить ему? Вызвать местную стражу? Или удрать подальше, пока не началась тщательная проверка документов, пока подлог не вскрылся и пока в этом преступлении не обвинили ее?..

— Где бумаги твоего мужа? — выдернул ее из суетных метаний голос следователя.

— Вы не ответили, кто вы такой и что здесь делаете! — опомнилась Чара.

— Спокойно, я из следственного комитета Беряны, Стеван Шешель. Можешь не представляться, тебя я и так знаю. Так...

— И почему я должна вам верить? — перебила Чарген.

Сбросив оцепенение, она почувствовала, что вместе с ним ушли суетные опасения и непонятные, непривычные эмоции в адрес покойного мужа. А их место занял знакомый азарт, вызванный появлением Шешеля. Оказалось очень приятно точно знать, кто он такой, догадываться, зачем сюда пришел, но делать вид, что первый раз его видит.

— Не верь, — легко согласился он. — Бумаги где? И «Щит»?

— Какой щит? Да я сейчас стражу вызову! — пригрозила она и пошла к телефону.

— Вызывай, — легко согласился господин Сыщик и привалился плечом к шкафу, даже не думая ее задерживать. — Я отболтаюсь, в конце концов, у меня правда нет резона убивать Ралевича, а вот повесить этот труп на тебя — слишком заманчиво, чтобы они отказались от этой версии. Он еще теплый, слизистые даже не начали сохнуть. Я наверняка спугнул убийцу, а вот тебя или нет — большой вопрос. Так где бумаги? — добавил он с удовлетворенной улыбкой, видя, как Чара замерла, не донеся руку до трубки аппарата.

— Ты уйдешь, а меня все равно посадят?

Изображать дальше вежливость, когда сам мужчина и не начинал этого делать, она посчитала глупым. К тому же они так давно знакомы, что перейти на «ты» подмывало постоянно. Почему бы не воспользоваться моментом? Главное, вернуться обратно потом, когда снова влезет в шкуру мышки Биляны Белич.

Хотя с чего бы ей возвращаться? Чара ведь решила завязать, зачем ей эта тусклая девица!

С ответом Шешель замешкался — кажется, не ждал от растерянной вдовы такого резкого перехода к хладнокровной рассудительности. А потом стало поздно, разговор прервали: распахнулась входная дверь, и в гостиную решительно вошли трое. Все в костюмах и при шляпах, все рослые и крепкие, светлокожие и светловолосые, как большинство регидонцев, и все — с оружием.

Мгновение немой сцены, когда старые и новые действующие лица сознавали присутствие друг друга. А потом один из пришельцев что-то резко скомандовал. Кажется, приказал убить, потому что все трое одновременно подняли оружие. Чарген испуганно зажмурилась и вскинула руки в нелепом, инстинктивном защитном жесте, прекрасно понимая, что от пули это не спасет. Вообще ничего не спасет.

Хлопки выстрелов прозвучали одновременно, на удивление тихо, вместе с ними — какой-то непонятный перестук за спиной, вскрики. Со звоном лопнула стеклянная дверца одной из полок, что-то влажно просвистело и тяжело, мягко грохнулось об пол. Чара приготовилась к боли, но почему-то той не последовало. Вместо этого еще через долю секунды прозвучали два новых хлопка, заставивших дернуться.

Еще мгновение тишины — ни боли, ни приближающейся смерти. Неужели?..

— «Щит»! — Резкий голос Шешеля отвлек ее от попыток осознать себя по-прежнему живой, твердая рука крепко стиснула плечо, сильно встряхнула, так что клацнули зубы. — Ну!

— Какой щит?! — Чара распахнула глаза и уставилась на следователя. — Мне больно! Кто все эти люди, что происходит?!

— «Щит», артефакт. Где он? Он на тебе?

— Не знаю... Вот? — зацепившись за понятное слово, Чарген подпернула рукав и продемонстрировала браслет. Сыщик перехватил предплечье, вывернул его так, чтобы удобнее было рассматривать.

Чарген пришлось последовать за собственной рукой и прижаться грудью к локтю следователя, чтобы избежать травмы: хватка у того оказалась железной.

— Мне больно! — вскрикнула она, запоздало трепыхнувшись.

Получила от Шешеля в ответ недовольный взгляд, но захват тот, однако, ослабил.

Опомнившись, она поискала взглядом нападающих, но те уже неподвижно лежали на полу. Кажется, тоже были мертвы, как и Ралевич.

— Снимай, — велел следователь, опять привлекая к себе внимание.

— А как? — с совершенно искренним недоумением спросила Чарген. — Я не знаю, его Павле надевал...

Следователь тихо ругнулся, и надежда на освобождение от этих красивых кандалов умерла, не успев родиться: похоже, правильного воздействия он тоже не знал.

— Ладно. Тогда второй вопрос: где документы? Должно быть описание!

— Там, в кабинете, — не стала дальше упираться Чара.

— Прекрасно, тут еще и кабинет есть! — вздохнул Шешель и, не выпуская запястья мошенницы, поспешил в соседнюю комнату.

— Это ты их? — спросила Чарген, нервно массируя руку, когда в кабинете следователь наконец отпустил ее, чтобы быстро пролистать лежащую на столе папку.

— Одного. Двух ты рикошетом. Правда, только ранила, я добил. — Говоря это, следователь аккуратно сложил бумаги,

старательно завязал веревочки. Уперся ладонями в стол по обе стороны от папки и смерил Чару немигающим, острым взглядом. — Как бы его с тебя теперь снять?

Чара нервно поднесла руку к груди, второй обхватила запястье с браслетом. Шешель смотрел так, словно прикидывал, в каком месте пилить: ограничиться рукой или уж сразу начать с шеи. Конечно, вряд ли он прибегнет к членовредительству, все-таки следователь и законопослушный человек...

Наверное. Должен быть. Чарген очень на это надеялась.

Но ни до чего додуматься они оба опять не успели и продолжить разговор — тоже. Кто-то громко забарабанил во входную дверь и закричал на плохом ольбадском, интересуясь, все ли у постояльцев нормально.

Чарген нервно захихикала, следователь опять выругался.

— Сейчас я открою и постараюсь оглушить их, потом пойдем вниз, надо отсюда выбираться. Главное...

— Тут есть пожарная лестница, — перебила его Чара, кивнула на балкон.

Шешель подскочил к двери, распахнул ее, выглянул.

— Иди сюда.

— Но я в тапочках! А паспорт?.. — проямлила Чарген неуверенно.

Тратить время на уговоры и объяснения следователь не стал, опять схватил ее за запястье, выволок на балкон. Там задернул шторы и постарался плотнее прикрыть за собой дверь, после чего потащил спутницу к лестнице. Проклятые тапки так и норовили соскользнуть, и Чара мысленно отругала себя за тягу к уюту: ну что ей стоило все-таки надеть туфли?!

Хотя могла ведь и халат полениться снимать...

Сваренные из тонких круглых труб или прутьев ступеньки больно били по пяткам и пальцам, холодили стопы, тапки скользили по металлу, норовили сорваться с ног и подворачивались. А следователь настойчиво тянул за собой, не давая ни секунды передышки.

Чарген обуревала злость, окончательно вытеснившая остатки страха. Хотелось грязно ругаться и кричать, но дыхания и без того не хватало, да и голова от бега по лестнице начала кружиться. И оставалось только мысленно проклинать мужа, который даже умереть

спокойно не мог, хотя бы на родине, обязательно было доставлять ей столько проблем!

Через несколько этажей тапка все-таки слетела, причем совсем, неудобно отскочив куда-то в сторону и проскользнув между перилами лестницы. Чара все же не сдержалась и выругалась вслух, не останавливаясь, скинула и вторую. Правда, намного легче от этого не стало: теперь подворачиваться начали уже собственные ступни, вскоре совершенно окоченевшие от холодного и сырого металла.

Какой бы бесконечной ни казалась лестница, но до вожденной земли они все же добрались. Только здесь Чара разрешила себе обернуться, запрокинуть голову и взглянуть на лестницу в поисках погони. Которой почему-то не было.

— Они что, не заметили нас? — сипло, задыхаясь, спросила она следователя.

— Это ненадолго. — Тот, все так же на буксире, потащил ее за запястье дальше, вокруг здания.

Идти босиком по асфальту было ненамного приятнее, чем по ступенькам, но хотя бы не так больно. Зато гораздо противнее: узкая щель проулка между соседними небоскребами оказалась грязной и замусоренной, хозяева, очевидно, предпочитали не тратить много сил на уборку там, где все равно никто из гостей не ходит.

Обогнув здание, беглецы завернули на задворки отеля. Здесь тянулась еще одна улица, заметно уже той, что вела к парадному крыльцу, но все же поприличней покинутого переулка. Тут располагался черный ход здания, и прямо сейчас из небольшого потрепанного фургона выгружали ящики, кажется, с овощами. Занимались этим трое парней в потрепанных мешковатых штанах и майках, на которых Чара в другой ситуации с удовольствием полюбовалась бы подольше: крепкие, плечистые — картинка!

Кроме грузчиков людей здесь было немного, пара случайных прохожих да наблюдающий за разгрузкой тип в белом фартуке — наверное, помощник повара. Так что солидный господин в костюме и шляпе, который садился в одну из машин, припаркованных на другой стороне улицы, сразу бросился Чарген в глаза.

— Гожкович! — ахнула она и поспешила спрятаться за Шешелем. Хоть и тощий, но все-таки он был повыше ее и уж точно шире в плечах. Про ширину юбки она в этот момент не подумала.

— Партнер твоего мужа? — сообразил следователь, в этот момент оценивающе разглядывающий фургон. Повернул голову, но предмет обсуждения уже захлопнул дверцу, и рассмотреть его стало невозможно. — Это исключено, он не собирался никуда лететь. Ты уверена?

— Не знаю, — тут же засомневалась Чара. — Но очень, очень похож!

— Ладно, пес с ним. Пойдем. — Решив что-то для себя, Шешель потянул ее в сторону, через дорогу, к ряду припаркованных автомобилей, и зашагал вдоль них, то и дело заглядывая в окна и оборачиваясь на здание отеля.

Потом остановился и торопливо стащил пиджак, продемонстрировав спрятанную под мышкой кобуру. Держащие ее ремни охватывали костистые плечи следователя, контрастно выделялись на фоне белой рубашки и придавали худощавой фигуре неожиданно грозный вид. Гораздо более опасный, чем пистолет в руке, который Шешель достал из крепления.

Следователь отточенными движениями, явно не в первый раз, одним ему понятным образом намотал пиджак на руку с оружием. Еще раз воровато оглядевшись, коротко, почти без замаха ударил рукоятью по боковому стеклу. То хрустнуло, пошло трещинами, но устояло, а вот пары следующих ударов уже не выдержало.

Открыв дверь, следователь убрал оружие и нырнул в салон, перебрался на водительское место.

— Садись быстрее! — окликнул Стеван совершенно деморализованную увиденным Чарген, не отрываясь от непонятной возни в районе приборной панели и под ней.

Чара взяла небрежно сброшенный на пассажирское место пиджак, поспешно вымела им осколки на улицу. Шешель глянул на это искоса, но только хмыкнул себе под нос и ничего не сказал.

— Мы угоняем машину, — пробормотала себе под нос Чарген, с облегчением опускаясь в кресло. Захлопнула дверь, постаравшись сделать это тихо. — Нет. Ты, следователь С К, угоняешь машину! Я схожу с ума...

— Наоборот, наконец выглянула в настоящий мир, — усмехнулся Стеван в ответ. Под его руками что-то щелкнуло, скрежетнуло, а через мгновение автомобиль звонко затарахтел мотором. — Надеюсь, этой

развалюхи хватит хотя бы на несколько кварталов. Опусто стекло, осколки же торчат, видно. И улыбайся, что ли! У тебя такой вид, как будто я тебя похитил.

— А разве нет? — огрызнулась Чарген, но ручку стеклоподъемника покрутила и смахнула все тем же пиджаком осколки. Даже расслабленно облокотилась на дверь, немного высовываясь в окно с таким видом, словно ей жарко.

— Можешь идти на все четыре стороны, только артефакт отдай.

— Сними и забирай!

— Пока могу забрать только с рукой, чем и занимаюсь, — отмахнулся господин Сыщик. Чихающий автомобиль, кажется, мечтал заглохнуть, но пока держался и исправно катился по улицам. — Сама понимаешь, единственная альтернатива пока — отрезать тебе кисть.

— Спасибо, она дорога мне как память! — недовольно проворчала Чара.

— Я почему-то тоже так подумал, — усмехнулся Шешель. — Поэтому будь пайнкой, и все закончится хорошо. Больно не будет.

— А ты сам разве не можешь его снять? Ты же, в отличие от меня, знаешь, что это такое!

— Я следователь, а не артефактор, — пожал плечами Стеван. — И вообще не маг. Так, несколько полезных фокусов знаю, но и только. Машину вот завести без ключа могу.

— Слушай, ты точно следователь? — возмутилась наконец Чара. — Угоняешь машины с пугающей легкостью, тех троих прикончил — не поморщился... Может, и Павле ты убил? Хотя бы вот даже из-за этого артефакта?..

— Может, но вряд ли, — возразил он. — Во-первых, у меня есть пистолет, и зачем бы при этом пользоваться неудобным ножом для бумаги с его вычурной гардой и фигурным навершием? Об него, по моему, скорее сам покалечишься, чем кого-то убьешь. Во-вторых, таким оружием бить в грудную клетку — плохая идея. Рукоять неудобная, упор условный, лезвие тоже не пойми из какой стали. Об ребра сломать — как нечего делать. Гораздо удобнее и эффективней целить в горло, оно меньше защищено. Но это уметь надо.

— Избавь меня от этих подробностей! — опомнилась Чарген, ошарашенная поворотом разговора. — Ты... Ты вообще нормальный? Как следователь может рассуждать о подобных вещах?!

— Со знанием дела, — со смешком отбрил Шешель и тему менять отказался, продолжив рассуждать вслух. То ли так подначивал растерянную спутницу, то ли ему правда нравилось теоретизировать: — Хотя, скорее всего, его сначала ударили в живот, полагаю, повредили печень. Но вряд ли он умер сразу, последний удар в сердце был, похоже, попыткой добить. Бестолковой, но убийце повезло попасть между ребрами. Удары слишком слабые, непрофессиональные, это скорее женская рука, чем...

— Я его не убивала! — резко возразила женщина.

— Может быть. Но ты, знаешь ли, не очень похожа на скромную и нежную Цветану Лилич, на которой твой муж женился.

— Я выросла в пансионе, — поморщилась Чарген, мысленно показывая собеседнику язык.

Она лишь в первый момент растерялась и не поняла, как держаться с этим типом, но, пока бежали, успела обдумать линию поведения. И прийти к выводу, что выбирать какую-то чересчур чуждую роль необязательно, более того, слишком сложно и чревато неприятностями. Она все же не настолько профессиональная актриса, чтобы сжиться с ролью в экстремальных обстоятельствах. Конечно, Чарген очень надеялась, что самое страшное позади, но почему-то совсем в это не верила. А при том обороте, который приняли события, слишком легко проколотся в самый неподходящий момент, который непременно настанет, и очень скоро.

Нет уж, гораздо удобнее подобрать что-то близкое, естественное, по возможности, оставаться самой собой. К тому же найти подходящее объяснение такого поведения оказалось несложно, оно буквально напрашивалось само собой.

— Про что я и говорю. — Следующий взгляд следователя получился острым, оценивающим.

— Ты, видимо, плохо представляешь, что это такое, — усмехнулась она. — Нежные воздушные создания в таких местах не выживают, это ведь приют, только называется иначе. Змеиный клубок строгого режима, где защитить некому. Хочешь жить — быстро научишься показывать зубы. И прикидываться трепетным цветочком, чтобы на тебя уж точно не подумали. Это скорее на тюрьму похоже, чем на родной дом.

— А как же влюбленная овечка? — насмешливо покосился на нее следователь. Кажется, поверил. — Неужели все так банально и дело в деньгах?

— Ты его видел? — скривилась Чарген. — Самодовольный обрюзглый старикашка. Не знаю, как меня не стошнило от его поцелуев.

— Вот сейчас было обидно, — расхохотался Шешель.

— Тебе-то почему?

— Он старикашка, а я всего на пять лет моложе.

— Ну, ты гораздо симпатичней. Тощий, правда, но обаятельный, — поделилась наблюдениями Чара, старательно давя улыбку.

Это оказалось по-особенному, удивительно приятно: говорить ему то, что думала именно она, а не должна была думать в этот момент выбранная маска. Чарген вообще редко удавалось говорить то, что думает, откровенничать она могла только с матерью, но обычно и желания такого не возникало. Вот только господин Сыщик отличался от всех остальных: он был гораздо интересней и сложнее. И с ним было гораздо интересней. И... сложнее, да.

— Спасибо, утешила, — фыркнул следователь. — Но ты меня порадовала.

— Чем?

— Я чуть было не уверовал в чудо, когда поглядел на общение Ралевица с молодой женой. Ты отличная актриса.

— Жизнь заставила, — пожалала плечами Чара. — А вообще, мне интересно, неужели вот такие вроде бы умные, но страшненькие скучные типы с единственным достоинством — большими деньгами... Неужели они правда верят, что молодая красавица может влюбиться именно в них? Ладно, бывают мужчины, которые эффектны и в возрасте, тот же Гожкович, если ему немного похудеть, будет ничего. Он обходительный, галантный, с великолепными манерами, с ним приятно разговаривать. Бывают харизматичные, которые вызывают восхищение независимо от возраста и внешнего вида. Или, например, опытные хорошие любовники. Но вот у такого, как Павле... У него же есть только деньги. Но он ведь поверил в мою влюбленность!

— Самонадеянность свойственна всем людям без исключения. Многие считают себя лучше и умнее других. Ты вот сейчас тоже.

Почему ты решила, что он поверил в твою влюбленность? — спросил Шешель.

— А почему нет? — Чара беспечно пожала печами. — Зачем ему еще жениться?

Хотя тут Чарген уже лукавила: она прекрасно понимала, к чему следователь клонит. И даже была с ним внутренне согласна. Просто для ее плана не имело значения, принимает Ралевич любовь Цветаны за чистую монету или нет, ей требовался доступ к телу. То есть к сейфу.

— Трахать смазливую молоденькую жену, которая не требует лишнего, гораздо приятнее, проще и удобнее, чем морочиться с любовницами или платить профессионалкам, например, — предположил следователь.

— Ну да, может быть. Зато мне теперь достанутся его деньги, верно?

— Верно. Если в завещании не указано другого. — Улыбка у сыщика вышла крайне глумливой и мерзкой, только этого было недостаточно, чтобы Чару проняло. Она и без замечаний следователя не рассчитывала на эти деньги. А вот Цветана...

— Чтоб ему посереть, — проворчала она. — Индюк старый!

Она бросила рассеянный взгляд на собственные ноги, от которых всю дорогу старалась отвлечься болтовней. Очень хотелось осмотреть их и оценить повреждения, которые точно были: в стопах после лестницы пульсировала тупая, ноющая боль, кожу слегка саднило — кажется, успела поцарапаться, и не один раз. Но машину сыщик выбрал скромную, было в ней очень тесно, да еще и темно. Не только из-за смыкающихся над головойзданий и туч — на город явно опускался вечер.

И не залечишь же! Там наверняка кровь, и, если под грязью обнаружатся чистые гладкие пяточки, следователь может заинтересоваться, он наблюдательный.

— Да ладно, не кисни, — усмехнулся вдруг Шешель. — Будешь себя хорошо вести, может, владыка тебя пожалует.

— А при чем тут он? — озадачилась Чарген и внутренне подобралась.

Упоминание владыки было не к добру, но напрямую относилось к тому, во что она вляпалась. Господин Сыщик явно не из тех, кто станет

бравировать высокими знакомствами ради красного словца, и если он помянул правителя, то совершенно сознательно и по делу.

Следователь пару секунд помолчал, кажется, решая, стоит откровенничать или нет, но потом все же пояснил:

— По результатам расследования Ралевич, скорее всего, будет обвинен в измене. Посмертно. Все имущество отойдет стране. Его часть в «Северной короне» владыка, вероятно, отдаст в управление наиболее достойному доверия из оставшихся партнеров, а из остального движимого и недвижимого имущества какую-то часть вполне может пожертвовать юной вдове, которая старательно оказывала содействие следствию. Ты же окажешь?

— Каким это, интересно, образом?

— Я не уверен, что получится снять артефакт здесь и сейчас, — честно ответил следователь. — Я в них не понимаю ни грамма, ты тоже, а в человеческих ресурсах я здесь здорово ограничен. Можно, конечно, вывихнуть тебе палец и попробовать снять эту игрушку, но я не уверен, что это поможет и что она от этого не испортится, а образец хотелось бы доставить в хорошем состоянии. Поэтому твое добровольное сотрудничество будет полезно.

— Не надо мне палец... вывихивать, — поежилась Чара. — Я согласна помогать. Все равно мне как-то надо вернуться домой, а у меня теперь даже документов нет.

— Разумно, — похвалил Шешель.

— Нам долго еще ехать? И куда мы вообще направляемся? На угнанной машине до Беряны?

— Заманчиво, но — нет. Боюсь, она столько не протянет, — с совершенно серьезным лицом ответил следователь, многозначительно похлопав по рулю. — Попросим кое у кого помощи. Как минимум переночуем и поедем. Сейчас еще немного отъедем, потом пройдемся пешком.

Чарген страдальчески скривилась, но жаловаться не стала. Какое-то время они петляли по серым одинаковым улицам молча, под тархтение мотора. Причем казалось, что петляют они совершенно бессистемно, а когда в очередной раз проехали приметный перекресток, предположение превратилось в уверенность.

— Стеван, ты что, заблудился?

— Это было бы забавно, — усмехнулся он. — Почему ты так решила?

— Мы уже проезжали это место.

— Наблюдательная. Нет, все под контролем. Нужно убить время и сделать вид, что машину бросили, когда кончился заряд. Немного осталось.

— От кого мы так старательно удираем?

— От всех, — ответил он. Помолчал. — А у тебя железные нервы, девочка из пансиона. Мне начинает казаться, что сотрудников для комитета ищут не так и не там.

Чарген раздосадованно прикусила губу, благо уже стемнело, и Шешель не мог этого видеть. Вот тут она, конечно, прокололась. Просто... закатывать истерику только ради поддержания легенды, когда каждая минута на счету, было хотя и профессионально, но слишком рискованно. А сейчас уже поздно. И что делать? Врать про тяжелое детство до пансиона? Увы, нет, в биографии настоящей Цветаны такого не было, а господин Сыщик вполне мог изучить ее на досуге.

— Ну уж какие есть, — пожалала она плечами.

От дальнейших объяснений Чару спас заглохший автомобиль. Шешель что-то неразборчиво проворчал себе под нос и на инерции докатился до обочины, благо улица была пустынной, где и затормозил.

— Все, приехали, дальше ногами.

— Долго? — обреченно спросила Чарген, открывая дверь.

— Полчаса. Час. Как пойдет.

Дверь поддавалась с большим трудом и со скрипом, как будто за время пути успела приклеиться или приржаветь, пришлось навалиться всем весом. Шешель тем временем выбрался с другой стороны, огляделся. По пустынной улочке за это время проехала пара машин, прохожих на узком тротуаре не было совсем. Свет давал единственный на весь переулок фонарь на высоте четвертого этажа, только освещал он, скорее, сам себя, чем дорогу.

Мошенница ступила на темный асфальт, морщась от неприятных ощущений в потревоженных ногах. Предстоящая пешая прогулка босиком удручала.

Зато сейчас хотя бы не нужно бежать. Мама вон по огороду босиком ходит, говорит, полезно, да и у Чары детство было по большей

части босоногим. А асфальт, если подумать, даже лучше лесной тропинки: все-таки он относительно ровный, пусть мелкие камушки под ногами и мусор не добавляли удовольствия. Главное, чтобы битых стекол не было, но тут стоило уповать только на везение.

— Откуда ты так хорошо знаешь город? Часто здесь бываешь?

— Нет, внимательно изучил карту и запомнил, где находится все нужное. Тут все просто и прямолинейно, это не Беряна, — улыбнулся Шешель. — Пойдем.

— Я не убивала Ралевича, ты его не убивал, — заговорила Чара через несколько шагов. — Но кто-то же это сделал! Те, кто пришли за артефактом?

— Зависит от того, кто это был, — рассеянно отозвался он, на ходу надевая пиджак. — Я не знаю, кому именно твой муж хотел продать разработку и кто был в курсе будущей сделки. Местная разведка не пошла бы на убийство, им это не надо. Клань могли, но тогда я бы не спугнул преступника, а лежал там с дыркой в голове. Впрочем, они и за нож для бумаг не взялись бы, профессионалы...

— Клань? — уточнила Чара. — Что это?

— Как можно было лететь в чужой город и ничего о нем не узнать? — попенял следователь, выразительно цокнув языком.

— О том, куда лечу, я узнала в дирижабле, — проворчала Чарген. — Расскажи, все равно идти долго.

— Ладно. Значит, слушай, расклад такой...

ГЛАВА 3

Первое впечатление обманчиво, но его чаще всего хватает

Не зря Норк не понравился Чаре с первого взгляда. Со второго он не нравился еще больше, а с третьего, более пристального, вызывал навязчивое желание вернуться домой вот прямо сейчас.

Официальная власть в городе значила не так уж много. То есть что-то и для кого-то она, конечно, решала, но в основном для простых граждан, работяг, которые жили и работали в этих бесчисленных огромных зданиях. Реальная же власть находилась в руках кланов — больших группировок, каждая — со своим главой, которые управляли денежными потоками. И преступный мир, и вполне законопослушные предприятия — все находилось в одних и тех же руках.

Норк был поделен на сферы влияния, насколько Стеван знал, пятью крупными кланами. Была еще парочка мелких, но почему их не смяли и не сожрали более сильные соседи и почему вообще их именно столько, он мог только предполагать, потому что в этот вопрос никогда не углублялся, необходимости не было.

— Вот те трое, которые стреляли, точно из какого-то клана, — добавил Шешель. — Правда, из какого — понятия не имею, их не так-то просто различить, это знать надо.

— Какой ужас, — поежилась Чара. — Как они тут живут?

— Да как обычно, — спокойно отмахнулся следователь. — То есть оно, конечно, криво все и очень далеко от идеала, но не настолько плохо, как ты думаешь. По сути, это те же удельные местечковые князья из периода раздробленности Ольбада. Вся полнота власти в руках единственного человека, мало связанного законами, так что жизнь его подданных полностью зависит от личных качеств правителя. От них всегда многое зависит, но здесь — особенно.

— Князья преступников казнили.

— Это если преступники не работали на них, — усмехнулся Шешель. — Ну смотри, такая проблема, как наркотики. В Беряне их нет? Да если бы! Мы с ними боремся, и очень старательно и по всем

фронтам, но полностью эту заразу не изведешь никогда. Здесь же весь поток наркотиков очень жестко контролируется главами кланов. И если в одном месте это выливается в полное беззаконие, то в другом — все, может, несправедливей, чем у нас. Например, у одного из глав есть жесткий принцип: никаких наркотиков детям. И если у нас, несмотря ни на какие законы, никто от этого не застрахован, то здесь можно быть уверенным: принцип будет выполняться. Потому что закон официальный всегда гораздо мягче вот такого неофициального, да и поди поймай, кто этим занимается! А здесь один раз поймали распространителя за руку, перерезали полсотни причастных, включая тех, кто знал, но не заявил, и в следующий раз желающих уже не найдется. Жестоко? Жестоко. Работает? Работает.

— Слушай, ты точно следователь, а? — покосилась на него Чара. — Ты должен быть справедливым и благородным! Законы защищать!

— Пфф! — пренебрежительно фыркнул он. — В мои должностные обязанности входит расследование преступлений, в крайнем случае — их предотвращение и защита мирных граждан. А благородство — это к старой аристократии, вот им по статусу положено.

— Что, и действительно такие существуют? Ну прям настоящие благородные аристократы?

— Случается, — усмехнулся Шешель.

— Покажешь, когда вернемся? — невольно вырвалось у Чарген. — Я думала, они только в сказках и встречаются...

— Покажу, — неожиданно спокойно согласился он. — Я нескольких знаю. Кое у кого — вообще случай клинический, до полной сказочности.

— Как это?

— Сказочные идиоты, — рассмеялся Стеван. — Да нет, про идиотов — это шутка, конечно, — вдруг исправился он. — Но степень благородства — действительно почти как в сказках. — Шешель хмыкнул, пару секунд помолчал, а потом с иронией продолжил: — А вообще, знаешь... Да чтоб мне посереть! Если подумать, их, благородных, в Беряне не так уж мало. Правда, в основном в офицерской среде: они там могут себе это позволить.

— А ты что, нет?

— В лучшем случае порядочность, — хмыкнул Шешель. — И то по большим праздникам.

Чарген так и не поняла, когда следователь был серьезен, а когда — шутил. Но уточнять на всякий случай не стала, ну его.

Вместо этого она страдальчески пробормотала, опять вляпавшись в какую-то грязь в потемках:

— Да когда мы уже придем?!

— Топай, топай. В конце тебя ждет горячий душ, еда и, возможно, какая-нибудь обувь. Если повезет.

— Если повезет? А куда мы вообще идем? Почему нельзя официально попросить помощи, ты же следователь!

— Посольство далеко, и прямо перед ним нас и поймают, потому что одинокой девушке в чужой стране действительно больше некуда обратиться за помощью и там тебя будут ждать. Официальные каналы вообще очень плохи тем, что их легко отследить. Не хватало еще нам подергать за хвост местную контрразведку! Так что тихо воспользуемся неофициальными.

— Ну ладно, а почему мы идем по темным подворотням? Неужели тут нет другой дороги? Или это обязательная часть неофициальных каналов — должно быть грязно, темно и противно?

— Интересная идея, — хмыкнул Шешель. — Нет, просто по освещенным улицам ходит местная стража, которая наверняка нами заинтересуется.

— А если нами заинтересуются какие-нибудь грабители? Это что, лучше? — не поняла Чара.

— С ними проще договориться, — заявил Шешель.

— Ты это серьезно сейчас?

— Стражу можно предложить только деньги, а если вдруг попадется честный — то вообще ничего. А против грабителя у меня есть пистолет.

— Думаешь, у него нет?

— Цветочек, ты же умная девочка. Ну как можно настолько прямо и грубо ставить под сомнения достоинства и способности своего кавалера? — с веселым укором протянул Стеван. — Кавалер расстроится, будет переживать, станет только хуже.

— Ты не кавалер, ты мой билет домой. А документы надо проверять!

— Не отходя от кассы, так что ты в любом случае опоздала, — отмахнулся следователь. — Но все же какой потрясающий цинизм в столь юном возрасте! Начинаю думать, что Ралевичу повезло так быстро и легко умереть.

— Я не собиралась его убивать! — возразила Чарген. — Вообще никак — ни быстро, ни медленно.

— Какие твои годы, вы только поженились! — усмехнулся Шешель. — Что, неужели планировала так и жить долго и счастливо с этим... как ты его назвала, индюком?

— Нет, — проворчала она, ощущая, что ступает на очень тонкий лед. — Я надеялась найти вариант получше и тогда развестись. В крайнем случае родить ему наследника, а потом подливать какое-нибудь средство, чтобы отбить всякое желание делить со мной постель.

— Страшная женщина! — с отчетливыми нотками восхищения проговорил следователь.

Показалось или правда поверил? Чара очень надеялась на второе.

— Я никого не просила подбрасывать меня при рождении в приют.

Шешель в ответ как-то неопределенно хмыкнул, и разговор на этом прервался. Повисшее молчание вызвало у Чарген противоречивые эмоции. С одной стороны, следователь перестал задавать вопросы и нервировать перспективой разоблачения. И это, безусловно, было хорошо, потому что Чару и так навязчиво преследовало ощущение, что он давно догадался о ее обмане, просто сейчас, пока они в одной лодке, ему не хочется тратить время и нервы на препирательства.

Но с другой стороны, сам этот разговор, манера общения собеседника приводили ее в восторг. Хотелось говорить и говорить, без разницы, о чем, можно вообще без предмета, только ради процесса пикировки.

Зря она беспокоилась, что забудет, какая она под всеми своими масками. Вот в этом легком, непринужденном общении вся шелуха удивительно легко слезала. Может, потому, что у Чарген не было достаточно времени, чтобы хорошо продумать линию поведения с этим человеком, может, дело было в каких-то особенных свойствах его

характера. Может, у него талант такой — вытаскивать из окружающих людей подлинную суть? Наверное, очень полезное качество в работе.

И вроде от понимания этого следовало быть еще больше настороже, но не получалось.

«Точно пора завязывать, теряешь квалификацию», — укорила себя Чара.

А потом тесный переулок загородила массивная фигура какого-то человека. Лица его видно не было, только контур, слабо подсвеченный фонарем в конце прохода между домами. Чарген с трудом сдержалась от неуместного хихиканья: а она ведь предупреждала!

Тип что-то отрывисто гавкнул на регидонском, и мошенница отступила за спину следователя — не то в инстинктивной попытке к бегству, не то во вполне сознательном стремлении не мешать отстреливаться. Но первому ответил замечанием и смешком второй, перекрывший путь к отступлению.

— Вроде не черноглазая, — со смешком уронил себе под нос Шешель. Чарген подавила повторный нервный смешок. Как раз черноглазая, да еще с ромальскими корнями — идеальный предмет деревенских суеверий!

А следователь тем временем совершенно спокойно ответил громиле на его языке, не испытывая затруднений и даже, наверное, без акцента. И Чара поняла, что ее это совсем не удивляет. Ну да, такой, как он, вряд ли потащился бы в другую страну, не зная языка. Тем более по делу, а не на экскурсию.

Здоровяк ответил как будто с неохотой, недовольно и недоверчиво, Шешель продолжал стоять на своем и то ли доказывать что-то, то ли объяснить.

Обмен репликами занял от силы минуту, в которую Чарген успела неоднократно проклясть чужую страну с ее чужой речью. Она все ждала, ждала, пока господин Сыщик схватится за оружие... А громиле вдруг что-то буркнул — и растворился в тени, освобождая дорогу.

— Пойдем. — Следователь опять взял ее за запястье и потащил дальше.

— Что ты им сказал?! — Выдержки Чарген хватило ровно на десять шагов, за которые Шешель успел выпустить ее руку, удостоверившись, что отставать она не собирается. Или его больше интересовало отсутствие преследователей?

— Что мы спешим, да и денег у нас нет, зато есть важное дело. Они оказались вежливыми, пожелали хорошей ночи и отправились искать более состоятельных клиентов, — так легко и уверенно, на одном дыхании выдал Шешель, что Чара готова была поручиться: ответ он продумал заранее, то ли пока разговаривал с громилой, то ли потом.

— Стеван! — обиженно окликнула она. — Ну тебе сложно, что ли? Или хочешь, чтобы я тебя поугovarивала? Ну хочешь, поцелую?

— Мне нравится эта идея, — вдруг согласился тот. Остановился почти под фонарем, повернулся к ней, сцепил руки за спиной. — Целуй.

Чарген пару секунд в растерянности смотрела на Шешеля, пытаясь угадать, какой именно он ждет реакции. То есть как, с его точки зрения, должна отреагировать на подобное предложение Цветана Ралевич, в девичестве Лилич. Смутиться? Чмокнуть в щеку? Так она вроде бы не давала повода посчитать себя робкой или застенчивой... Тогда что?

Но гадать быстро надоело, поэтому она, приподнявшись на носочки, для устойчивости оперлась ладонями о плечи следователя и быстро коснулась губами тонких сухих губ.

Внутренне Чарген напряглась, ожидая, что Шешель попытается припугнуть ее или проверить реакцию еще каким-то способом, например, обнимет и постарается продлить поцелуй. При этом она, правда, спокойно признавала, что не имеет ничего против и даже отчасти хочет такой вот... проверки. Все-таки сосед давно был ей симпатичен, а уж после Ралевича — и вовсе мужчина мечты. Покойного мужа вообще хотелось вытеснить из памяти как можно скорее и по всем фронтам. Его слюнявые поцелуи — особенно.

Но ничего такого Шешель, конечно, не сделал. Только усмехнулся и странно вскинул брови — Чарген не поняла, какую эмоцию это должно было выражать.

Он даже дразнить ее дольше не стал, развернулся и зашагал дальше, на ходу отвечая на заданный вопрос:

— Просто я подготовился к поездке. Точнее, договорился с главой одного из кланов, который, по оперативной информации, не имел отношения к Ралевичу. Мы сейчас не на его территории, но я знаю, что и как говорить, чтобы подобная шушера не рискнула лезть. Говорю же,

в этой их системе есть определенные плюсы. — Он пожал плечами и добавил после короткой паузы: — Если не пытаться честно работать в местной страже.

— И какой ценой договорился? — подозрительно спросила Чарген.

А то, может, и ей нет никакого смысла нервничать и скрывать свою истинную личность? Признается, что на самом деле она мошенница и аферистка, а он легко отмахнется и назовет все это мелочами жизни и недостойными внимания фактами биографии. Ну а что? Если он так легко воспринимает договоры с преступниками, почему бы не расширить это правило еще и на нее?

«Какая же ерунда в голову лезет!» — раздраженно одернула себя Чара.

— Свел с нужными людьми, — отозвался Шешель. Выдержал театральную паузу, которую она смиренно выслушала, и продолжил: — У него есть некоторые легальные интересы в Ольбаде, а у меня — много знакомых.

— И это все?

— А что еще надо было? Принести вассальную клятву или ритуально зарезать пару младенцев? Так и я его просил о мелочи. Можно сказать, мы дали друг другу рекомендации в определенных кругах.

— Нет. Я совершенно не так представляла себе работников следственного комитета...

— Я уже понял.

— А про пистолет ты зачем говорил?

— Они могли и не внять предупреждению.

— И ты бы их убил, — с расстановкой проговорила Чарген — утвердительно, потому что спрашивать тут было не о чем. — Все-таки в голове не укладывается. Ты же положительный герой, спасающий, ты не можешь так спокойно убивать!

— Ну и чушь же у тебя местами пытается уложиться в голове! — рассмеялся в ответ Стеван. — Лучше выкинь это все поскорее и не подбирай больше бяку. Тебе точно есть семнадцать?

— Точно, — буркнула она.

— С чего это я вдруг стал положительным, да еще героем?

— Да не в этом дело! — нервно отмахнулась Чара. — Не придирайся к словам. Просто... Вот я понимаю, когда убивают в приступе ярости, или страха, или отчаяния, когда это какой-то порыв, самозащита. Даже хороший человек может сорваться и совершить плохой поступок. Но не так хладнокровно и расчетливо, это... неправильно! Неужели все следователи так себя ведут? И в Беряне...

— Нет, — оборвал ее Шешель. Но ничего не пояснил, а вдруг сообщил: — Ты забавная.

— Может быть. Что — нет?

— Нет, в Беряне мне чаще всего не приходится прибегать к такому способу решения проблем. Там у меня есть *законные* средства, а здесь — нет, потому что я буквально в тылу врага и нахожусь здесь нелегально. Но даже дома при задержании случается стрелять на поражение.

— Я понимаю, но... Неужели тебя это совсем не беспокоит? Говорят, убить человека очень сложно, даже сознательно, даже при необходимости!

— А, вот ты о чем! Издалека зашла, — хмыкнул он. — В общем, да, так и есть.

— Но?

— Но бывают исключения. Считаю, я просто немного сумасшедший. — Он выразительно покрутил рукой у виска.

— Ладно, а что забавного во мне?

— Хотя бы то, что ты старательно пытаешься считать и называть меня хорошим. Так непривычно, даже приятно, — протянул следователь таким тоном, что Чаре очень захотелось его стукнуть. — Неужели для этого достаточно пообещать вернуть домой и не отрезать артефакт вместе с рукой?

— А как называют обычно? — Последний вопрос спутника Чарген предпочла посчитать риторическим.

— Сволочью, — с отчетливой гордостью сообщил Шешель. — Я даже подумываю сменить имя, потому что это слово я слышу гораздо реже, особенно в сочетании с фамилией. Ты чего? — озадачился он, когда спутница издала какой-то странный сдавленный звук.

— Звучит, — с новым смешком пояснила Чара.

— Смешно? — спросил он, бросив на нее взгляд. Движение головы Чарген заметила, а вот прочитать выражение в сумраке, к

сожалению, не смогла.

— Смешно, — подтвердила покладисто.

— Все-таки ты очень забавная, — тихо заметил Стеван.

Откуда такой вывод, Чарген не поняла, но спрашивать уже не стала, вместо этого поинтересовалась более насущным:

— Нам долго еще идти? Я ног не чувствую. Давно.

— Нет, уже почти на месте, — обрадовал следователь. — Еще пара минут.

Только теперь Чара наконец обратила внимание, что город вокруг изменился. Причем, кажется, в лучшую сторону. Освещения не прибавилось, но зато дома уменьшились до четырех-пяти этажей, стояли они теперь реже, перемежаясь двориками, да и под ногами, кажется, стало чище. Правда, асфальт стал хуже, попадались ямы и лужи, но их Чарген действительно почти не замечала. Даже страшно стало, не отморозила ли она себе ноги совсем. На улице вроде не очень холодно, да и дождь, к счастью, так и не начался, но...

— Здесь приятнее, чем было среди небоскребов. Это какой-то элитный район?

— Наоборот, — усмехнулся Шешель. — Обычный, жилой. Это там была элита, где небоскребы. Центр города.

— Что ж у них в элитных местах такие грязные подворотни?

— А те, кто чем-то там владеет, по подворотням не ходят. Нам сюда.

— Насколько же подробно ты изучил карту города? — озадаченно качнула головой Чарген, сворачивая к нужному входу. — Ты тут ориентируешься так, словно пол жизни прожил!

— Я вообще талантливый, — отмахнулся он.

Нужная квартира оказалась на первом этаже. После преодоленного расстояния такая мелочь, как отсутствие необходимости ползти по лестнице без лифта куда-то на самый верх, показалась Чарген маленьким счастьем.

Тесная лестничная площадка на три квартиры, тусклый осветительный шар в потолке — унылое зрелище, заставившее Чару в очередной раз ностальгически вспомнить свою уютную квартирку в тупике Пропавших Капитанов, семнадцать. И вяло ругнуть Ралевича. Покойник, конечно, и все-таки его немного жаль, но... вот зачем он связался с Регидоном?!

Шешель шагнул к левой двери — обшарпанной, когда-то давно выкрашенной в зеленый цвет, уже изрядно облезлый и полинявший, — пару раз стукнул кулаком. Зашипел от боли, ругнулся, потряс рукой и еще пару раз ударил ногой.

Впустили их далеко не сразу. Голос из-за двери сначала долго что-то выяснял у Шешеля — настолько долго, что это успело надоест не только Чаре, но, кажется, и самому следователю. Слов Чарген, конечно, не понимала, разговаривали на регидонском, но отчетливо слышала зазвучавшее в голосе спутника раздражение.

Человек за дверью в конце концов сдался и загромыхал замками. Один, второй, третий... На пятом Чара сбилась, а подозрительный хозяин жилья продолжал скрипеть и щелкать. Она рассеянно подумала, что с такими мерами предосторожности он должен хранить дома как минимум ящик золота.

Но замки закончились, и дверь открылась — на удивление тихо, без скрежета. Чарген уважительно хмыкнула, оценив толщину преграды: ободранная деревяшка была прикреплена поверх, кажется, сплошной железной плиты. Точно золото-бриллианты должны быть!

— Он что, штурм собирается пережить? — не выдержав, шепотом спросила Чара, когда они с Шешелем прошли в тесную прихожую.

— Никогда не знаешь, что доведется пережить, девушка, — с акцентом, но на очень неплохом ольбадском ответил маленький сухонький старичок. — И доведется ли! Направо, в кухню. Не разувайтесь, у меня не убрано.

— Я бы с радостью, — недовольно буркнула себе под нос Чара, шагая за следователем. За спиной опять защелкали замки — один, второй, пятый... Кажется, все-таки девять.

Кухня, судя по всему, была большой, но поверить в это мешало обилие хлама. Друг на друге громоздились шкафы и полки разного цвета, формы и степени сохранности — от пола до потолка, вдоль всех стен. Даже над обеденным столом, приткнутым в углу, висели две полки, причем одна загоразживала другую и не позволяла до конца открыть дверцу.

Однако осветительный шар в потолке горел ярко, столешница, в отличие от пола, была чистой, а жестяная мойка — девственно пустой, без горы грязной посуды. На широченном подоконнике зеленели

настоящие джунгли из растений в горшках, и вообще в этом необычном месте оказалось до странности уютно.

На вынутый сыщиком из-под стола табурет Чара опустилась с подозрением, сначала внимательно осмотрев поверхность, однако та тоже оказалась чистой. Шешель плюхнулся на свое место не глядя.

— Так чего вам, кроме переночевать? — В кухню прошаркал, постукивая палкой, все тот же старик. Тяжело опустился на стул, стоявший в стороне от остальных, у мойки.

Сутулый, почти лысый, с бельмом на левом глазу, в теплом потертом халате поверх неопределенно-серой застиранной рубашки... Хозяин квартиры совсем не походил на агента и надежного человека, к которому мог бы обратиться за помощью сыщик из Ольбада, зато прекрасно вписывался в свое жилье. Только такой вот грустный одинокий старичок и мог жить в подобной норе.

— Девушке показать, где можно вымыть ноги, желательно подобрать хоть какую-нибудь обувь. Поесть чего-нибудь, побольше. И взглянуть на один артефакт. Для начала. Я же правильно понимаю, кое-что вы в них понимаете?

— Кое-что. Позвольте вашу лапку, мэм, взгляну на размер. Ай, крошечка какая! — поцокал языком старик, когда Чара вытянула к нему ногу. Женщина недовольно поморщилась, разглядывая при ярком свете слой грязи, брызги которой доходили до колен. — Поищем, поищем, но вряд ли. Не обувной же магазин, да.

— И бинты какие-нибудь дайте, — попросил Шешель, тоже с интересом разглядывая женскую ногу.

— Пойдемте, мэм, я покажу ванную. Горячей воды нет, можно нагреть. Если сэр...

— Я так справлюсь, — со вздохом отмахнулась Чара. Было, конечно, заманчиво понежить измученные ноги в горячей воде, но гораздо сильнее хотелось смыть грязь, не дожидаясь окончания возни с водой.

Ванная выглядела так, словно ее целиком перенесли из какого-то другого, более... богатого места и втиснули в эту квартиру. Соседство сказалось, лишило горячей воды и батареи бутылочек с ароматными средствами для получения удовольствия от мытья, но не сломало дух прежней красоты. Вычурный, в прекрасном состоянии антикварный шкафчик под мраморной раковиной, бронзовые краны, отделенный

изящной ширмой туалет, огромная ванна на мощных лапах, отделка мрамором трех цветов — в отеле, где поселился Ралевич, все выглядело скромнее.

Кран, когда его открыли, взвыл голосом раненого медведя. Чарген от неожиданности шарахнулась, а остававшийся в кухне Шешель через мгновение возник на пороге с пистолетом наготове.

Один только хозяин оставался невозмутим. Подождав, пока кран проплюется ржавчиной и вода потечет нормальной, ровной струей, старик с размаху стукнул по трубе своей палкой. Чара опять вздрогнула, а кран странно булькнул — и вой захлебнулся.

— Мыло вот, полотенце. — Хозяин тростью указал на неприятного вида сероватый брусок, лежавший на краю раковины, и достал из шкафа под умывальником серое полотенце такого вида, словно им долго мыли пол. Но Чарген было уже все равно, лишь бы отмыться, поэтому она только понимающе кивнула. Мужчины вышли.

Много времени мытье ног и рук в ледяной воде не заняло, прочие удобства совмещенной с уборной ванной работали исправно, а полотенце, несмотря на непрезентабельность, оказалось восхитительно чистым. Дольше Чара сидела, обернув ноги мягкой от ветхости тканью и пытаясь согреть их после прогулки и мытья. Хотела рассмотреть, чтобы оценить повреждения, но уставшая спина плохо гнулась, да и свет здесь горел слишком тускло. Прибегать же к магии, пусть только для диагностики, она не рискнула, мужчины могли заметить.

Впрочем, даже холод и боль не умаляли удовольствия от долгожданного ощущения чистоты. Очень хотелось принять душ, но на такой подвиг именно сейчас Чара была не способна: ни с ледяной водой из крана, ни с ведром подогретой на плите. Последнее особенно пугало, стоило подумать о поливании на себя из ковшика и попытках промыть таким способом волосы.

Происходящее все сильнее напоминало Чарген ее собственное детство, и напоминание такое сложно было назвать приятным. Тогда и мыться приходилось абы как, и обуви не было, даже зимней, да и еды особо тоже — им приходилось выживать, порой буквально чудом. Но мама оказалась сильной и стойкой, чтобы выдержать все. Сохранить ребенка — ее, Чару, — потом найти способ добыть деньги. Незаконный, но в то время это ее уже не остановило. С деньгами стало

легче. Потом родился Ангелар, с которым восьмилетняя Чара возилась, пока мама искала новую «жертву» и источник дохода.

Именно тогда, ребенком, она пообещала себе, что у Гера будет хорошее, настоящее детство. И начала фанатично, очень старательно учиться, чтобы поскорее вырасти и суметь помочь маме с деньгами.

В кухню Чарген вернулась, аккуратно ступая на цыпочках — пол действительно оказался грязным, а никакую обувь ей не дали, даже временную. Двигалась на запах — одуряющий, напрочь лишаящий воли запах еды. Старика на кухне не нашлось, у плиты возился Шешель. Пиджак его висел на спинке стула, рукава белой рубашки были небрежно закатаны, а вот кобура оставалась на месте, и все вместе это выглядело... странно. Как будто он не еду готовил, а страшный яд для врагов.

Но даже если яд, пахло сногшибательно. Наверное, потому, что Чарген последний раз ела на дирижабле перед посадкой в Норке, то есть почти сутки назад.

Чаре подумалось, что, если господин Сыщик всегда столь регулярно питался, это исчерпывающе объясняло его худобу. Где уж тут набрать веса! И сама она, наверное, за время общения с ним сбросит пяток килограммов — не то от беготни, не то от голода, не то от нервов. И это плохо, потому что собственная фигура ее устраивала — уже хотя бы потому, что устраивала тех мужчин, с которыми приходилось иметь дело.

— Бинты, — заметив ее появление, Шешель кивнул на появившийся на столе деревянный ящичек, выключил плиту под сковородой и под как раз закипевшим чайником.

Пока следователь заваривал чай или что-то вроде, Чара знакомилась с содержимым домашней аптечки. Знакомство не порадовало: пузырьков и баночек там была уйма, но подписаны все оказались на регидонском. Бинты-то она, конечно, опознала, но хотелось бы намазать под них что-нибудь целебное...

— Или уже не надо? — озадачился Стеван, заметив, как она вяло перебирает бутылки.

— Надо. Но я не понимаю по-регидонски, сейчас как чем-нибудь намажу...

Следователь окинул ее выразительным насмешливым взглядом, тщательно вытер руки полотенцем и с грохотом подтащил стул со

своим пиджаком поближе.

— Ладно, не мучайся, окажу тебе первую помощь, — решил он и уселся. — Давай сюда свои страшные раны.

Кокетничать и изображать невинную деву прошлого века, для которой прикосновение постороннего мужчины ах как стыдно и ой никак не возможно, Чарген не стала. Положила ноги добровольному помощнику на колени и расслабленно откинулась на дверцу шкафа.

Удерживая правую стопу за пятку, Шешель приподнял ее повыше, повернул так, чтобы попадало больше света, принялся с интересом разглядывать.

— Больно? — спросил, пару раз нажав на какие-то точки.

— Больно, — поморщившись, согласилась Чара. — Все плохо?

— Да нет, не очень, — спокойно пожал плечами следователь, поворачивая ступню, помял. Чарген морщилась, но терпела — хоть было больно, но еще и приятно, руки у него оказались очень теплыми, а после ледяной воды и вовсе казались горячими. — Если ты не орешь и не плачешь, значит, ничего серьезного нет, — подытожил он, опять пристроил ее ногу на собственном колене и выбрал один из пузырьков.

— А вдруг я терпеливая?

— Да какая бы ни была терпеливая, когда мнут перелом или сильный ушиб — взвоешь, — хмыкнул следователь.

Он взял кусок ваты, намочил густой, резко пахнущей жижой грязно-зеленого цвета и принялся смазывать стопу целиком. Множество мелких царапин сразу начало жутко саднить, но Чарген лишь скрипнула зубами, со свистом втянув сквозь них воздух, и прикрыла глаза.

Шешель неопределенно хмыкнул, поднял ногу за пятку и подул на ранки, почти как мама в детстве. Чара тут же распахнула глаза и уставилась на него в растерянности, недоверчиво. Однако следователь сохранял прежнюю невозмутимость, словно ничего такого он сейчас не делал. Наложив поверх мази тонкий слой ваты, он принялся сноровисто бинтовать. Ловко, быстро, плотно, но нетуго — у самой Чарген бы точно так аккуратно не вышло.

— И ты еще удивляешься, почему я считаю тебя хорошим! — не удержалась от улыбки Чара. Немного склонила голову к плечу и вот так, искоса, принялась наблюдать за следователем — спокойным, расслабленным. Каким-то... удивительно домашним сейчас, вот в этой

рубашке с закатанными рукавами. — Даже, наверное, замечательный, хотя и стараешься этого не показывать, — тихо заметила себе под нос, но собеседник, конечно, услышал.

— Никому об этом не рассказывай, — отозвался Шешель и взялся за вторую ее ногу. — А вообще, можешь и рассказать, все равно не поверят.

— Значит, ампула циничного и язвительного сыщика — плод долгой работы? — задумчиво спросила Чарген. — От кого прячешься?

— погоди, дай-ка угадаю... Сейчас ты начнешь рассказывать мне про детские травмы, их последствия для моего скорбного разума и способы их преодоления, — усмехнулся следователь. — Откуда вы все берете эти глупости? И почему я обязательно должен прятаться?

— Ну... как-то не вяжется вот это все с прежним образом. — Она широко повела рукой.

— Мне оставить тебя разбираться с лекарствами самостоятельно? — Стеван насмешливо вскинул брови. — Имей в виду, если ты на самом деле настроена поговорить о моих несчастьях и проблемах, я так и сделаю.

— Ну проблемы или нет — этого я не знаю, все-таки я не врач, — тут же пошла на попятный Чарген. — Но я не вижу другой причины, которая могла бы подтолкнуть тебя к оказанию вот такой помощи, кроме искреннего человеческого сочувствия. Да и до этого... ты, конечно, порой поступаешь и высказываешься очень резко, но отвечаешь на вопросы, заботишься, оберегаешь. По-моему, это совершенно нормально и очень по-человечески. Сложно, знаешь ли, тебя с таким отношением ко мне считать плохим...

— Милое дитя, я, конечно, согласен, что большинство людей — порывистые идиоты, которые сначала делают, а потом думают, и то не всегда, — с иронией проговорил Шешель, опять берясь за бинт. — Но причислять себя к этому большинству категорически не согласен. Да и о твоих способностях был лучшего мнения. А если подумать?

— Не знаю. Я устала и не могу думать, — проговорила она, вновь прикрывая глаза. — Объясни, раз ты и до этого не считал зазорным рассказать мне, что происходит.

— Это логично и разумно, — спокойно отозвался Стеван. — Я же объяснял: мне нужно доставить артефакт в Ольбад в целостности и сохранности. Артефакт привязан к тебе, значит, либо тебя надо убить и

забрать его, либо везти вас вдвоем. Убить — слишком радикально, я к таким мерам стараюсь прибегать только в крайнем случае. А если не убивать, то разумно добиться от тебя добровольного всестороннего содействия: здесь и так слишком много проблем и противников, чтобы записывать в них еще и тебя.

— Ну и как все это объясняет твою заботу? Ты же знаешь, что я и так никуда не денусь, — некуда мне бежать.

— Легко. Исполнительному дураку или человеку военному достаточно просто приказать, а ты явно натура деятельная и решительная. И боги знают, что ты решишь, если не будешь понимать, что происходит. Если обращаться с тобой плохо и грубо, запугивать и обижать, ты вполне можешь попытаться удрать при первой же возможности, уже хотя бы для того, чтобы избавиться от неприятного общества мерзкого сыскаря. Ну и зачем мне целенаправленно усложнять себе жизнь, если гораздо проще проявить к тебе немного необременительной заботы и человечности?

— Вот видишь, ты только что аргументированно подтвердил, что и правда хороший, — не удержалась от улыбки Чара. — Уже хотя бы потому, что понимаешь, почему людям нужна забота и что такое человечность.

— Ах вот оно что! — насмешливо протянул следователь. — У нас с тобой, значит, расхождение в терминологии.

— Почему?

— Потому что у нормальных людей хорошим считается тот, кто помогает искренне и от души, а не ради собственной выгоды.

— Словоблудие, — недовольно проворчала Чара. — Выгода в любом случае есть, хотя бы моральная — от осознания собственной доброты, а у тебя выходит честнее.

С этим спорить Шешель уже не стал, только тихо рассмеялся в ответ. За время разговора он успел закончить с ногой пациентки, убрать аптечку и начать накрывать на стол. Что, впрочем, особых усилий не потребовало и много времени не заняло. Следователь выставил сковородку, одну тарелку и две разновеликие посуды под чай: для Чары — изящную широкую чашечку, для себя, кажется, вообще бульонницу. Когда он отвернулся, чтобы взять чайник, Чарген спешно поменяла емкости местами.

Обнаружив подмену, Стеван насмешливо вскинул брови, поманил Чару — или кружку? — пальцем. Чарген в ответ тряхнула головой и покрепче вцепилась в добычу. Ну не станет же он с ней драться из-за посуды, правда? А она не любит маленькие чашечки, какое в них удовольствие...

Следователь весело фыркнул в ответ на этот демарш и достал себе еще одну бульонницу: посуды у хозяина имелось с запасом.

— Что это? — опасливо спросила Чарген, когда Шешель снял со сковороды крышку. Внутри было не очень однородное красно-коричневое месиво с вкраплениями зеленого, белого и желтого.

— Хрючево, — хохотнул он, явно довольный произведенным эффектом.

— Как-как? — изумилась Чара.

— Хрючево, — охотно повторил Стеван. Слово ему явно нравилось. — Берется все съедобное, что есть в холодильнике, смешивается, заливается соусом и разогревается на сковороде. Будешь? — Прозвучало с явной надеждой на отказ, но Чара мужественно протянула тарелку. В конце концов, альтернативы все равно нет, а это... вряд ли Шешелю хочется ее отравить, он вон и сам есть собрался. Да и запах... Запах же не подделаешь!

Впрочем, не исключено, что у господина Сыщика просто луженый желудок, который и щбенку переварит. Если разогреть и залить соусом.

Щедро плюхнув на тарелку несколько больших ложек слизистой субстанции, следователь принялся есть прямо со сковороды, с интересом наблюдая за Чарой. Та еще раз напряженно покосилась на него, на свою тарелку. Прикрыв глаза, настороженно принюхалась, но лишь в очередной раз отметила, что запах у «блюда» в разы лучше вида: он вызывал не ожидаемое отторжение, а голодные спазмы и желание поскорее набить живот.

В тот момент, когда Чарген зачерпнула немного мерзкой массы и все же поднесла ко рту, Шешель сдерживался от смеха, кажется, только благодаря голоду: прерывать еду ради такого пустяка он был не готов. Но по живому, выразительному лицу ясно читалось огромное удовольствие, которое следователь получал от замешательства жертвы своих кулинарных талантов.

Чара мрачно подумала, что им обоим повезло в этом смысле. Наверное, если бы Стеван все-таки не сумел смолчать и как-нибудь съехидничал, а в его способности метко съязвить она не сомневалась, вся эта неаппетитная бурда оказалась бы у него на голове. А они оба — без ужина.

Наконец последнее решительное движение, и...

Земля не разверзлась, потолок не упал, и даже не возникло желания срочно выплюнуть и помыть рот с мылом. Больше того, с интересом зачерпнув еще ложку и прожевав странную кашу, Чарген поняла, что это вкусно. Правда вкусно. А с приправой из голода — так и вообще шедевр кулинарного искусства!

Шешель, наблюдая за ней, продолжал посмеиваться, но молча. А когда Чара прикончила свою порцию и протянула ему тарелку, взглядом прося добавки, только показательно трагически вздохнул, однако едой поделился.

В итоге они молча умяли на двоих всю немалую сковородку и взялись за подостывший чай.

— И что у нас сегодня было в холодильнике? — благодушно спросила Чара. Сытость ощутимо давила на веки, и хотелось уже лечь спать, но раз пока не предлагают — можно немного поболтать.

— Мудро.

— Что — мудро? — не поняла она.

— Спрашивать после еды. Да обычный набор. Каша, яйца, немного сыра, немного зелени, колбасы и даже фарша. Мне сказали — брать, что найду, но у него там в основном какие-то творожки и каши на воде. — Стеван скривился еще сильнее, чем сама Чара при виде его кулинарного уродца. — Надеюсь, я не доживу до возраста, когда придется так питаться.

— С таким питанием можешь быть уверен, не доживешь, — усмехнулась Чарген.

— Вот же неблагодарная женщина! А уплетала за милую душу!

— Я не про качество, а про регулярность. Кстати, о нашем хозяине. А где он вообще?

— Спать ушел. Да и нам тоже пора.

— Погоди, а как же артефакт? Он даже не взглянул!

— Взглянул на бумаги. — Шешель кивнул на лежащую на краю стола знакомую папку, которую всю дорогу нес за пазухой. — Сказал,

что он слишком стар и глуп для таких сложностей и в лучшие годы бы не разобрался, а лезть в такие материи с его дилетантским подходом — чистое самоубийство. В общем, как и ожидалось, ничем он нам не помог. Пойдем покажу комнату.

— Может, посуду помыть? — предложила Чара, покосившись на мойку.

— Можешь и помыть, — пожал плечами следователь, сгружая туда же кружки. — Но здесь горячей воды тоже нет.

— Но нехорошо как-то, старый человек, больной...

Шешель искренне рассмеялся и заверил ее:

— Не обманывайся внешностью, в бесплатных помощниках он не нуждается. Порядок тут наводит одна женщина, соседка, которой платят весьма щедро.

Спальня оказалась самым приятным местом в квартире. Большая удобная кровать, чистое белье, единственный шкаф, похоже, антикварный. Чистые, явно хорошие и нестарые обои в приятных зелено-золотых тонах, шторы — закроешь дверь и сразу забудешь, где находишься. Перед кроватью выстроилось в ряд несколько пар обуви, от откровенно детских, с вышитыми бабочками, до вполне женских. Ботинки, туфли, даже одни сапоги. Разной степени поношенности, со следами ремонта — не очень аккуратного, но старательного.

— Он ограбил свалку? — озадачилась Чара, оглядывая богатство.

— Именно.

— Я вообще-то пошутила...

— А я — нет, — улыбнулся следователь. — Он... не знаю, как это по-научному называется. Немного мусорщик. Собирает на помойках негодные вещи, чинит, использует.

— Странно, здесь не настолько грязно, — растерянно огляделась Чарген.

— Потому и говорю — «немного». Ему просто нравится чинить вещи, это не маниакальная страсть, поэтому откровенную гниль и дрянь не тащит. Во всяком случае, пока. Очень полезная для прикрытия привычка, кто заподозрит такого безобидного чудаковатого старичка? В общем, располагайся и выбирай, все как минимум чистое.

— Ага, — без воодушевления кивнула мошенница и, когда следователь вышел, заперла дверь на крепкую щеколду и с интересом

стала перебирать носки. Их было семь, из них три детских гольфа. Все разные, где-то со следами штопки, но действительно негрязные.

С минуту Чара посидела на краю постели, разглядывая обувную батарею и уговаривая себя хотя бы посмотреть предложенные вещи. Вариантов нет, все равно ведь придется, не босиком же ходить.

— Избаловалась ты, подруга, хорошей жизнью! — вслух укорила она себя. — В детстве праздник бы был, такой выбор, а тут нос воротись...

ГЛАВА 4

Правда как лекарство: очень важно соблюдать дозировку

В итоге выбор пал на, кажется, мальчишеские простые ботинки с очень облезлыми носами, но зато на вид вполне крепкие. Широкие, больше, чем нужно, но на носок поверх бинта — почти впору. Чара прошла в них по комнате, привыкая и прикидывая, сумеет ли ходить долго и не натрет ли ногу. Ботинки оказались удивительно тяжелыми, напоминали копыта и ощущались совершенно чужими, так что ходить в них еще предстояло привыкнуть — она то слишком задирала ноги, то цеплялась за пол.

После трех кругов это надоело, Чарген решила отложить тренировки на завтра и села разуваться, но отвлек стук в дверь.

— Цвета, открой, это я. — Негромкий голос следователя успокоил ее еще до того, как Чара успела встревожиться.

— Что-то случилось? — спросила, впуская сообщника.

Тот повел себя странно. Огляделся в задумчивости, повесил пиджак на спинку кровати, подошел к окну.

— Ты чего запираешься?

— Ну... Привычка. Что случилось-то?

— Пока ничего. А должно было? Давай батарею эту куда-нибудь уберем, шею же свернуть можно, — предложил Стеван и тут же ногой небрежно отгреб ботинки от кровати к стене, после чего сел и начал разуваться.

— Ты планируешь спать тут? — наконец сообразила Чара.

— А, вот ты о чем! Не хочу расстраивать, но других комнат тут нет. Но если хочешь, можешь лечь на полу, — легко предложил он.

— Да вот еще, — проворчала она и последовала примеру следователя — тоже села и взялась за шнурки. — Я чур у стенки! Ты же не будешь ко мне приставать?

— А что, надо? — искоса глянул Стеван, аккуратно поставил ботинки на пол поближе к изголовью и принялся тщательно расправлять рукава рубашки.

— Пока нет, мы еще слишком мало знакомы. — Скинув обувь, Чарген забралась на постель, накрытую большим одеялом. Одним.

Впрочем, если Шешель действительно собирался спать в рубашке и брюках, то это не стало бы проблемой, даже будь она на самом деле Цветаной.

— А-а. Ну если вдруг понадобится, ты меня предупреди, что-нибудь придумаем.

— Проинформирую заблаговременно, не волнуйся. Даже письменно — если найду бумагу и ручку. Вот же... Подушка тоже одна, — тоскливо вздохнула Чарген.

— Она большая, попробуем разместиться, — оптимистично решил Стеван и поднялся, чтобы выключить свет.

У них действительно получилось устроиться удобно и совершенно пристойно — если бы это кого-то волновало. Шешель с блаженным стоном вытянулся на спине, Чара свернулась клубочком на боку, почти не касаясь соседа и рассеянно разглядывая его слабо белеющий в темноте профиль.

Она попыталась представить, как отреагирует следователь, если сейчас она его обнимет. То есть она, конечно, не станет, потому что Цветана Лилич через несколько часов знакомства не стала бы, но все равно интересно. Пошутит? Промолчит? Невозмутимо обнимет в ответ? Заманчиво. Может, попробовать ночью, вроде как во сне?..

— Говорят, если спать на одной подушке, увидишь общий сон, — проговорила она едва слышно. Следователь в ответ только неопределенно угукнул, и, не дождавшись более связного ответа, Чарген продолжила: — Ты обещал рассказать, что вообще происходит, когда мы доберемся до места.

— Обещал, — выдохнул он. — Давай завтра. Пока есть возможность, лучше поспать.

— Ладно, — сжалась Чара.

Вспомнился господин Сыщик, свернувшийся калачиком на полу лифта. Он ведь не только ест, он еще и спит явно от случая к случаю! Разве можно лишать хорошего человека редкого отдыха только ради собственного любопытства? Да и прав Шешель, им действительно стоит поспать. Если получится...

Стеван-то опять отключился мгновенно, если судить по дыханию, и это вызвало легкую зависть. Чарген хоть и приятно было лежать в

постели, потому что ныли ноги от непривычно долгой дороги, и расслабить наконец спину оказалось настоящим наслаждением, но так быстро заснуть она даже не надеялась: слишком одолевали мысли. А поскольку поделиться ими было не с кем, оставалось мучиться в одиночестве.

Немного думалось о Шешеле и иронии судьбы, столкнувшей их теперь, в таких условиях. И было одновременно страшно любопытно и просто страшно — чем для нее обернется более близкое знакомство? Повезет ускользнуть или нет? Сумеет она не проколоться или попадетсЯ? Проклятый азарт, совсем неуместный в этих обстоятельствах и с этим человеком! И Чарген плюнула бы на все, потихоньку сняла браслет — с ее магическими талантами это не составляло труда, а сохранится он или придет в негодность, плевать, — и удрала, как и предчувствовал следователь, если бы не одно «но», занимавшее основную часть ее мыслей.

Предположение подтвердилось: влезла Чара в очень мерзкую историю, связанную именно с этим артефактом. Спрашивать о его действии даже не стала, и так понятно: Шешель называл браслет щитом, а скрикошетившие пули были куда красноречивее слов. Сколько может стоять такая игрушка? Сам-то браслет как ювелирное изделие — уже целое состояние. А с учетом его уникальных магических свойств... Как жаль, что Чара не сможет получить этих денег. Тут бы шкуру спасти, не до выгоды!

Магия оставляет меньше следов, она как хороший яд — исчезает вскоре после смерти, и определить воздействие можно только по косвенным признакам. Дольше ее следы сохраняются на вещах, но здесь все упирается в умение и желание зачистить следы. Зато от магии можно защититься, от любой. От какой-то сложнее, от какой-то проще, но так или иначе блокируется любое воздействие.

Куда сложнее — с огнестрельным оружием. Можно сделать пуленепробиваемое стекло или какую-то другую преграду, но оградить от пули человека, находящегося среди других людей, до сих пор считалось невозможным. Но исследовательская мысль не стоит на месте, и вот кто-то придумал способ. Почему вот так? Почему столь перспективная вещь существует в одном экземпляре, и даже, кажется, нет других записей, кроме этой папки? Чара и предположить не могла.

Но ничего удивительного, что за такую ценную игрушку готовы бороться любыми средствами и что следователь помчался за ней на другой континент. Странно только, что Ралевича не задержали сразу, если были подозрения. Подозревали не одного его? Не успели перехватить? Да и как выглядел этот артефакт, следователь явно не знал, пока не увидел браслет. Знают ли другие? Чарген очень надеялась, что нет.

Она тихо повернулась на спину, стараясь не разбудить своей возней соседа, подтянула рукав. Бриллианты сдержанно, едва заметно мерцали — то ли ловили отблески света, падающего из окна с раздвинутыми шторами, то ли так проявляла себя магия.

И проблема в том, что, даже если Чара снимет браслет, вряд ли это спасет ее от постороннего внимания. Это дома можно было легко раствориться в толпе и поминай как звали, а в этом чужом месте, где она не знает совсем ничего, начиная с языка... Без Шешеля рискует головой, а с ним — только свободой. Даже если сменить внешность, это не поможет, здесь слишком опасно для одинокой женщины, это не родная Беряна.

И то, рискует с ним — это слишком громко сказано. Ну что следователь сможет предъявить, даже если заподозрит? Городские легенды о ловкой мошеннице, которая окручивает богатых мужчин на протяжении десятков лет? Он даже может предположить, что дело это «наследственное» — раньше занималась ее мать, теперь вот она. Деньги, на которые жили мать и братья с сестрами? Поди найди обезличенный счет, а потом докажи, что это не добровольная помощь отцов. А улики у него нет, были бы — давно бы поймал! Вот и выходит: единственное, что он может ей предъявить, — это обман Ралевича и подлог документов. Которые еще для начала надо вернуть.

Воспоминания о документах тоже не добавляли хорошего настроения. В паспорте есть ее фотография, значит, она есть у тех, кто его видел. И это лицо есть. Так что, пока имеется такая возможность, его непременно надо замаскировать. Конечно, идеально было бы сменить личину, но демонстрировать следователю такие возможности не хотелось — это же буквально прямое признание в подлоге, а так он еще, может, и не догадается. Кроме того, существует множество способов изменить внешность и без магии, которыми Чара тоже

владела. Ими не обмануть человека, с которым постоянно живешь, а вот избежать случайных взглядов не так уж трудно.

Да она невольно уже замаскировалась, потому что строгая молодая женщина с пучком мало походила на воздушное создание, приехавшее с Ралевичем, которое и на фотографии в паспорте было таким же нежным и юным, в облаке белокурых локонов. Конечно, опытный глаз так просто не обманешь, но все же лучше, чем ничего. Но надо спросить хозяина, вдруг среди его запасов найдется, например, парик?

Тревожные мысли окончательно спугнули сон, да и выпитый чай не желал надолго задерживаться, поэтому Чарген решила пройтись до уборной. Обуваться, наступив на горло паранойе, не стала, чтобы не громыхать ночью по коридору и не спотыкаться в темноте, сбегала босиком. Потом, не спеша ложиться, остановилась у окна, разглядывая темный спящий двор. Деревья, кусты, скамейки, качели...

Она уже собралась отойти от окна, когда заметила быстрое движение — тень человека метнулась от куста к кусту. Увиденное насторожило: кому бы могло понадобиться скрываться ночью в пустом дворе? Чарген присмотрелась внимательнее.

Вон отблеск фонаря скользнул по начищенной пуговице человека, стоящего за деревом. Вон над краем еще одного куста проступает подозрительно неподвижный и геометрически строгий силуэт головного убора. А вон машина стоит очень неудобно, посреди дороги, и раньше ее точно не было...

— Стеван! — Чарген поспешила к следователю, тронула его за плечо. Пусть лучше посмеется и назовет ее трусихой, но... Дремавшая доселе интуиция, что ли, проснулась и запаниковала?

— Ну что тебе? — проворчал он сипло, не открывая глаз.

— Посмотри, там что-то странное на улице происходит, какие-то люди бегают...

Если первую часть фразы следователь слушал неподвижно, явно мечтая избавиться от мешающего спать явления, то после второй едва ли не подпрыгнул. Мгновение — он уже возле окна, чуть сбоку, пристально вглядывается в темноту.

Через пару секунд Шешель грязно выругался и отступил в глубину комнаты.

— Интересно, как именно нас нашли? — мрачно спросил он. — Неужели правда в артефакте есть какая-то ниточка? Тогда становится все веселее...

Набросив пиджак, Шешель сунул сообщнице в руки обе пары обуви — свою и ее. Сгреб груды забракованной и закинул в пустой шкаф, потом потащил Чару в кухню. Не включая свет, ощупью нашел остаток бинта и ваты и принялся торопливо, также ощупью, заматывать женское запястье с браслетом. Закончив, зачем-то сунул под кран.

— Что ты делаешь? — растерянно спросила наконец Чарген.

— Использую подручные средства, чтобы заглушить артефакт от поисков, — слегка отжав повязку, следовательно потянул Чарген за собой, не забыв прихватить отложенные ею ботинки.

— Мокрой тряпкой?!

— Мокрой тряпкой и магией, попрошу заметить! — возразил он, втаскивая спутницу в новую, незнакомую комнату.

Захламленное до потолка помещение с узким проходом в лабиринте шкафов и пирамид, выстроенных из ящиков и коробок, оно производило гнетущее впечатление. Пахло пылью, затхлостью, ветхостью. Вещи несчетной армадой душили еще сильнее, чем Норк — своими небоскребами. Казалось, что какой-нибудь из шкафов вот-вот упадет и погребет под собой или выскочит из-за этих нагромождений какое-то сказочное чудовище. Хорошо хоть глаза привыкли к темноте, а почти напротив окна висел фонарь, так что на предметы Чарген натыкалась... умеренно.

— Мы будем тут прятаться? — опешила Чара. — И что, вот это и твоя мокрая тряпка помогут?

Сразу за этим донесся приглушенный стенами и толстой дверью грохот и какие-то крики на местном языке.

— Посмотрим, — отмахнулся Шешель. Остановился у огромного платяного шкафа, открыл, сунул Чаре в руки свои ботинки. — Обувайся, пока я открою.

— Откроешь что?

Но отвечать следовательно не стал, опустился перед шкафом на корточки и принялся там что-то щупать. Чарген тяжело вздохнула, но поставила обе пары обуви на пол и сделала, что велели. Благо носки

она, когда разувалась, сунула внутрь ботинок, так что не осталась сейчас без них.

Открывал Стеван, как оказалось, самый настоящий тайный ход. Пол шкафа приподнялся, обнаруживая темный лаз.

— Давай вперед. Осторожно, там крутая лестница. Во всяком случае, меня предупреждали, что шею свернуть — раз плюнуть, а от этого «Щит» не спасет.

Пока Чара, уговаривая себя не паниковать, втискивалась ногами вперед в узкий лаз, тщательно следя, чтобы юбка ни за что не зацепилась и не порвалась, следователь обувался. На лестничной площадке продолжали громыхать, старик по-прежнему не подавал признаков жизни, а воспоминание о толщине двери немного грело — так просто ее не сломают.

Лестница оказалась действительно очень крутой, а темнота внизу — плотной, густой и сырой. Чарген спускалась в нее как в воду — медленно, с трудом, чувствуя, как холод обнимает тело, поднимаясь выше и выше. Когда голова скрылась в люке и остался только чуть более светлый прямоугольник наверху, Чара непроизвольно задержала дыхание. Сердце отчаянно заколотилось в горле, но оставалось только крепче стиснуть зубы. Не до страхов сейчас. Тем более она тут не одна, вон и Шешель шипит и ругается, втискиваясь в лаз, потом долго громыхает и шуршит там чем-то, а потом...

А потом темнота стала крошечной, и Чара изо всех сил вцепилась в край лестницы, зажмурилась и постаралась сосредоточиться на звуках, которые издавал следователь.

Он быстро спустился, опустился на корточки, тихо ругаясь себе под нос — наверное, завязывал ботинки. Повисшую после этого тишину нарушили странные тихие звуки — крак! крак! — и зажмуренных век коснулся теплый свет открытого огня. Чарген ощутила это настолько остро, отчетливо, как будто ее выпустили в солнечный день. Судорожно вдохнула — и только теперь поняла, что так и не дышала все это время. Засипела, закашлялась, заставила себя открыть глаза.

Подсвечивая зажигалкой, Шешель оглядывал небольшую и, казалось, совершенно пустую комнату без выхода.

— Ты чего? — спросил озадаченно.

— Темноты боюсь, — призналась нехотя.

— Ну... должны же они были когда-то начаться?

— Кто?

— Проблемы с тобой, — усмехнулся следователь, отвернулся к стене, а через мгновение часть ее со щелчком открылась. — Давай руку, чтоб не потеряться, и пойдем. Быстрее, зажигалки надолго не хватит, — предупредил он.

Последнее замечание подействовало лучше всех уговоров, и Чара ухватила за предложенную ладонь.

— Как в приключенческой книжке, — заметила она, при виде открывшегося выхода и огня заметно повеселевшая. — Тайные ходы, подземелья... Тут где-то должен быть скелет в цепях.

— Обычный подвал жилого дома, — отмахнулся Шешель. — А тайные ходы... В его деле без этого никак, должен быть какой-то путь отступления.

— А у этого старика не возникнет проблем? Имею в виду, из-за нашего появления и побега.

— Тебе бы лучше о своих проблемах подумать, — проворчал он и перехватил ее за запястье — то самое, мокрое, на котором под слоем ваты оставался браслет.

— А все-таки?

— Он сдает комнату на ночь или на час. Ничего не знает, — пояснил все-таки Стеван и предостерег от дальнейших вопросов: — Молчи, выходим.

Теплое сырое подземелье, по которому тянулись трубы разных размеров и в стенах которого то и дело попадались железные двери непонятного назначения, закончилось еще одной точно такой же, незапертой. Несмотря на затрапезный вид, она даже не скрипнула, когда Шешель потянул за ручку. Снаружи нашлась лестница — вполне надежная, каменная, ведущая на свежий воздух.

Огонек зажигалки погас, но это уже не тревожило: на улице было всяко светлее, чем в подвале, а еще на открытом пространстве Чару не пугала даже крошечная темнота.

Следователь выходил очень медленно. Сначала немного поднялся по лестнице, очень внимательно взгляделся в окружающее пространство и только потом потянул спутницу дальше, пошел быстрым решительным шагом. Чарген поминутно запинаясь и никак

не могла приноровиться к тяжелым ботинкам, но спешила изо всех сил и только тихо-тихо ругалась себе под нос.

— Куда мы сейчас?

— Нужна машина, — бросил Шешель. — Нужно убираться поскорее.

— Из-за поиска?

— В том числе.

— А почему мы не поехали в воздушный порт сразу, еще вчера? — спросила Чара.

— Не было подходящих дирижаблей.

— А какие нам подходят?

— Те, где надежные знакомые капитаны, или те, куда никто не рискнет сунуться, — пояснил Шешель.

— А такие бывают?!

— Редко. Дипломатические. Но их в ближайшую неделю не предвидится, зато во второй половине дня — проверенный почтовый. Попробуем спрятаться в порту, там много артефактов, поводку создадут помехи. Если он, конечно, есть и дело действительно в нем.

— А как еще нас могли вычислить?

— Могли вычислить не нас, могли следить за квартирой. Это даже больше подходит, слишком долго они думали и собирались штурмовать. Пока пытались выяснить, кто пришел, пока приняли решение... За браслетом приехали бы сразу, а это похоже на обычную операцию стражи.

Чарген открыла рот, чтобы спросить, чем подобное обернется для старика-хозяина, но, подумав, закрыла. Господин Сыщик все-таки прав: им сейчас точно не до сложностей этого человека, который, надо думать, прекрасно знал, на что шел. Да и помочь ему они не смогут, не в том положении.

Они успели миновать соседний дом. До широкой центральной улицы, где можно было поймать такси, оставалось минут пять, когда дорогу заступила пара темных фигур. Ближайший фонарь находился у них за спиной, поэтому лиц не было видно, но зато явственно читалось наличие в руках оружия.

— Госпожа Ралевич, вас хотят видеть, — на неплохом ольбадском заговорил один из мужчин. — Не советую глупить. Мы уважаем клан

Лиссота и не хотим ссориться, речь о делах между нашим кланом и мертвым ольбадцем, — обратился он уже явно к Шешелю.

Тот обернулся через плечо. Последовав примеру, Чара обнаружила еще троих типов с оружием. Напомнила себе о браслете, но все равно нервно подалась ближе к Стевану.

— Не могу отказать, когда так вежливо просят, — с непонятной интонацией сказал следователь. — Почему бы не поговорить с хорошим человеком?

— Как раз ваше присутствие совсем необязательно, — возразил незнакомец, явно старший в этом отряде.

— Моя любимая женщина пережила большую трагедию, я не могу бросить ее в такой момент, — заверил следователь и приобнял спутницу за талию. — Верно, дорогая?

— Разумеется! — включилась та, с готовностью придвинулась к Шешелю еще, прижалась к его груди. — Я никуда не поеду одна! Мне... Мне так страшно! После всего, что случилось, и Павле...

— Следуйте за мной. — Старший, очевидно, решил, что спорить в этой ситуации себе дороже, и зашагал вдоль улицы.

— Что будем делать? — напряженным шепотом спросила Чара.

— Разговаривать, раз предлагают. — Шешель, снова перехватив ее за руку, двинулся за главным.

Чарген опять обернулась через плечо, на следующих за ними на некотором расстоянии мужчин, и молча стиснула зубы. Идти с этими типами никуда не хотелось, но выбора, похоже, не осталось. Если бы был другой выход, следователь наверняка им бы воспользовался, а здесь... Чаре приходил в голову единственный альтернативный вариант — драка, но риск был слишком велик. Да, ее защитит артефакт, но в нее, наверное, и стрелять не станут, если она нужна живой!

И даже этот единственный вариант Чарген отбросила почти сразу. Становиться причиной смерти господина Сыщика совсем не хотелось, да и... Если его не станет, как ей попасть домой? У нее-то знакомых капитанов дирижаблей нет! Так что тут дело не только в совести, но и в практичности, а если эти два увесистых камня на одной чаше весов, опасения их вряд ли перетянут.

Машина — длинная, черная — ждала за углом, водитель скучал за рулем. Старший в шайке открыл заднюю дверцу, пропуская гостей

вперед.

Внутри оказалось очень просторно. Сиденья располагались по кругу, образуя единый диван, прерывавшийся только дверью. Шешель потянул Чару в дальний угол сразу за водителем, следом по одному нырнули громилы. Хлопнула передняя дверь — туда тоже кто-то сел. В просторном салоне стало тесновато, и, хотя никто не пытался сесть рядом с пассажирами, Чарген все равно придвинулась поближе к спутнику.

Тот или понял намек, или сам проявил инициативу, но сообщницу обнял и покрепче прижал к себе. Чара опять охотно прильнула к его груди, как и положено испуганной наивной девочке. Хотя вот именно сейчас требования маски и собственные желания друг другу не противоречили.

Чарген будто невзначай провела ладонью по груди Стевана под пиджаком, скользнув рукой на плечо, удовлетворяя любопытство. Конечно, стоило бы осмотреть повнимательней и без рубашки, но она все же окончательно склонилась к версии, что следователь именно жилистый, а не тощий: мышцы на костях явно присутствовали, это ощущалось. Имела она как-то дело с по-настоящему тощим типом, и внешне это было похоже, но тактильные ощущения отличались радикально. Взглянуть бы на него без одежды!..

Чара сама себя отругала за неуместные мысли и стремления и сама же себе логично возразила, что они, может, доживают последние минуты, что же теперь, не воспользоваться случаем? Тем более Шешель сам заявил этому типу, что они любовники, это еще и для дела полезно.

— Мне все интереснее, чему же там учат, в этих ваших пансионатах, — интимно прошептал ей на ухо Стеван и поцеловал в висок — вроде как утешил.

Очень хотелось ответить, но Чара не стала. Вряд ли у нее получилось бы так же незаметно, а зачем привлекать внимание окружающих странными разговорами? Вместо этого она немного съехала вниз по сиденью и пристроила голову на твердом плече следователя, обняла его поудобнее — за талию, под пиджаком. Папки с документами там не оказалось — наверное, спрятал за спину.

Потом, неожиданно даже для себя, дотянулась губами до заманчиво близкой шеи и слегка прихватила тонкую кожу над

воротником рубашки. Обнимавшая ее рука чуть сильнее напряглась, прижав крепче, и Чара спрятала довольную улыбку. А у господина Сыщика, оказывается, чувствительная шея. Интересно...

Чарген рассеянно подумала, что, пожалуй, стоит его соблазнить. И загадала обязательно попробовать, если они все-таки переживут это приключение. Он же ей давно нравится, кажется привлекательным, так почему не позволить себе немного вольности? Конечно, очень сложно на глаз определить, насколько мужчина хороший любовник, но чувствительную шею Чара считала хорошим признаком.

Ну а что? Она ведь ничего не теряет. В худшем случае просто удовлетворит любопытство, в лучшем — еще и удовольствие получит, очень кстати после Ралевича-то. Вот у него шея была ужасной: толстой, оплывшей и равнодушной.

Конечно, вместо всех этих посторонних рассуждений стоило бы подумать о деле. Прикинуть линию поведения при встрече с хозяином этих громил, сосредоточиться, постараться вспомнить все, что она знала о покойном муже. Вот только Чарген слишком устала и слишком отчетливо понимала, что проку от таких рассуждений не будет совершенно. Она понятия не имела, что нужно от нее главе одного из местных кланов или его ближайшему соратнику. Вроде не похоже, что он знал об артефакте, иначе подручный говорил бы о другом. Или глава знал, как все обстоит, а мелкой шушере такие подробности не сообщают?

В любом случае мошенница решила, что куда полезней собраться и успокоиться, чем нервничать и трястись. А поскольку объятия Шешеля действовали в этом смысле благотворно, то зачем искать другие варианты?

Куда ехала машина, Чара даже не пыталась отследить. Да и ее спутник, похоже, тоже был больше сосредоточен на происходящем внутри автомобиля. Взгляд его вроде бы рассеянно блуждал по сидящим напротив мужчинам, но в подлинность этой расслабленности не верилось.

Много времени дорога не заняла. Машина замедлила ход, повернула и вскоре остановилась. Выбравшись наружу последней, опираясь на вежливо предложенную следователем руку, Чарген озадаченно огляделась: появилось ощущение, что они больше не в Норке, а вдруг вернулись в Ольбад, в ближайший пригород Беряны.

Небольшой особняк, утопающий в зелени сада, возле которого выгрузили вынужденных гостей, отлично вписался бы в те места.

Видимо, и здесь существуют уютные, живописные кварталы. Просто не для всех.

В дом их впускали... странно. Сначала вошли двое громил, потом предложили пройти Чарген, потом, после паузы, позвали следователя. Чара растерялась, но ее спутник оставался невозмутим, даже выглядел сейчас заметно более спокойным, чем во время поездки.

Обставлен особняк оказался дорого, красиво, но совершенно безлико. Похоже, хозяину было плевать на такие мелочи, и он не пытался проявить хоть какую-то фантазию. И нанятым людям не позволил. Хотя это характеризовало его с лучшей стороны: в попытках выделиться люди порой доходят до странного, Чарген всякого насмотрелась.

Или же, как вариант, это был нежилой дом. Учитывая предполагаемую личность человека, к которому они шли, не стоило удивляться всяческим предосторожностям и причудам. Не исключено, что живет глава клана где-то еще, а здесь только решает вопросы. Зачем для этого, правда, такой большой дом и не проще ли устроить контору где-нибудь в центре — тут фантазия Чары уже пасовала.

Путь закончился в очень просторном, темном и почти пустом кабинете, только дополнительно утвердившем Чарген во мнении, что дом нежилой. Сумрак едва разгонял единственный осветительный шар почти у самого входа. Под ним полукругом стоял пяток кресел, повернутых к тонущему во мраке дальнему концу кабинета.

Там, между двумя окнами, задернутыми плотными фиолетовыми шторами, возвышался большой и, кажется, очень тяжелый письменный стол. По бокам от него, в дальних углах, чернели глыбы шкафов. Но больше всего внимания привлекал странный для кабинета пол — белый, гладкий, мраморный. Он сильно диссонировал с остальной отделкой — темными потолком и стенами, обшитыми до середины деревянными панелями. В общем сумраке казалось, что ярко-белый мрамор даже немного светится.

В целом помещение производило неприятное, давящее впечатление. Здесь совершенно точно никто не работал — слишком уж тяжелая атмосфера, как тут можно сосредоточиться на бумагах! Да и стол слишком пустой, даже письменного прибора не видно. Чарген

разглядела только какую-то темную пирамидку прямо перед сидящей в кресле смутной фигурой. Такое неудобное пресс-папье? Или это артефакт? Вероятно, но какой?

— Садитесь, — велел сопровождающий, а громилы рассредоточились по периметру. — Артефактов и оружия не было, — обратился он к хозяину кабинета почему-то по-ольбадски.

Лишь чудом Чара в этот момент удержалась от растерянного взгляда на этого типа. Что, правда нет? А как же...

— Идиот, — устало проговорил сильный мужской голос из-за стола. — У него кобура под мышкой. Не все оружие в арке звенит... Стой уже, после поговорим, — одернул он подручного, качнувшегося к посетителям. — Считайте это жестом доброй воли, — обратился хозяин к гостям. — Можете называть меня господином Смитом. Госпожа Ралевич, у меня были определенные договоренности с вашим покойным супругом. Он должен был привезти мне деньги, он клялся, что их привезет. Но их нет.

— Я ничего не знаю о делах Павле, он меня в них не посвящал! — Голос очень кстати дрогнул. А что случилось это от злости на покойного мужа, которому Чарген мысленно послала проклятие... К счастью, мысли читать невозможно, а собеседник вряд ли мог что-то понять по лицу.

— И денег не брали? — без выражения продолжил господин Смит.

— Конечно нет! И я его не убивала, но разве объяснишь это страже?!

— И даже ваш любовник не имеет к этому отношения?

— Я не убивал Ралевича и никогда ничего такого не планировал, — ровно подтвердил Шешель.

— Понимаете, — поспешно затараторила Чара, придвинувшись в кресле ближе к спутнику и обеими руками схватившись за его руку. — Павле полностью устраивал меня как муж, но в постели с ним было ужасно! Я не собиралась его убивать и разводиться тоже не собиралась, ну просто Стей... мы давно уже, ну... в отношениях, с Беряны еще, — «добрососедских», с иронией добавила про себя. — Мы только спим вместе! Ну, для здоровья... Я не знаю, кто убил Павле и где ваши деньги, правда!

— Вот так всегда и случается, когда женятся на молодом теле без мозгов, — рассеянно проговорил господин Смит.

Многое бы Чарген отдала, чтобы увидеть сейчас его лицо и понять выражение.

— Вы женаты? — спросила она заискивающе.

И, кажется, угадала, потому что собеседник ответил с отчетливой гордостью:

— Уже тридцать лет с одной женщиной. Она мой друг и помощник.

— Это так замечательно! — похвалила Чарген совершенно искренне. — Я бы тоже очень хотела прожить всю жизнь с единственным любимым мужчиной, — вздохнула она. — Семья — это святое! Только вот не повезло пока...

— Вы еще юны, какие ваши годы, — заметно более благодушно заверил собеседник. — Ищите сверстника, мой вам совет, а не деньги.

— Я уже так пожалела, что согласилась на предложение Павле! — заверила Чара. — Но он так красиво ухаживал, и мне казалось, из этого выйдет что-то хорошее...

— Кто мог убить вашего мужа? — спросил господин Смит, очевидно вспомнив, зачем они вообще встретились.

— Я не знаю, — пожалала она плечами. — Но, может быть, его племянник? Он встречал нас. Как же его... Хован! Хован Живко. Он мне не понравился, неприятный тип, такой ухоженный скользкий хлыщ. И еще мне показалось, что я видела господина Гожковича, он партнер моего мужа. Он вроде бы не должен был находиться здесь, и я не знаю, точно ли это был он, но мы видели его возле отеля, когда оттуда уходили.

— И зачем же вы ушли? Почему не дождались стражи?

— Боюсь, они не поверили бы, что не я убийца и что Стеван тут ни при чем, — вздохнула Чара, окончательно освоившись в новой роли и новом обществе.

— Это уж точно, — согласился господин Смит. — А вы, Стеван? Работаете на Лиссота?

— Я сотрудничаю с ним исключительно по легальным делам, — твердо ответил Шешель. — Я работаю в Ольбаде, а сюда сейчас приехал вслед за Цветаной.

— И именно поэтому носите с собой пистолет, который не определяется датчиками? — явственно усмехнулся хозяин дома.

— В этом городе лучше иметь под рукой надежное оружие.

— И пользоваться им вы, конечно, умеете? И пустите в ход?

— Я служил в армии, — уверенно ответил следователь. — Стреляю хорошо. Если надо — воспользуюсь.

— Слова мужчины, — рассеянно похвалил Смит. — Госпожа Ралевич, мне неприятно об этом говорить, но долг вашего мужа...

— Я все выплачу, как только получу наследство! — поспешила заверить Чара. — Только я... Мне же надо вернуться домой для этого.

— Не думайте, что в Ольбаде у вас получится спрятаться от этого обещания. — Особенной угрозы в голосе не прозвучало, но несерьезно отнестись к этим словам не получилось бы при всем желании.

— Конечно, только... нужны же, наверное, какие-то документы, да?

— А говорите, ничего в делах не понимаете, — усмехнулся Смит. — Не волнуйтесь, к вам придут. Со всеми нужными документами. Отвези молодых людей в город, куда скажут, — обратился он все к тому же помощнику.

— Просто отвезти? — уточнил тот.

— *Просто* отвезти, — с нажимом повторил хозяин кабинета.

— До свиданья, — вежливо проговорила Чарген, поднимаясь.

— До свиданья, — отозвался Смит. — Да, и все-таки... — окликнул он, и гости напряженно обернулись на пороге. — В следующий раз выходите замуж по велению сердца.

— Я сама очень этого хочу, — серьезно заверила его Чарген и вышла вслед за мужчинами.

Всю дорогу до автомобиля проделали в молчании. Чара думала о состоявшемся разговоре и все больше недоумевала. Изначально она боялась, что везут их с целью убить, и гладкий мраморный пол, с которого удобно смывать кровь, только добавил тревог, пусть она и старалась обо всем этом не думать. Или уж по меньшей мере начнут угрожать физической расправой, и Шешель в связи с этим здорово рисковал лицом и ребрами.

А тут вдруг мирно поговорили о жизни, и их спокойно отпустили домой. Неужели он так легко поверил, что она ничего не знает про деньги?

Обратно с «гостями» поехали двое, тот старший и один из молчаливых громил, оба уселись в другом конце салона, пристально, с очень странным выражением разглядывая выпущенных на волю ольбадцев. Во всяком случае, Чара очень надеялась, что их не застрелят в спину. Ведь грозился же этот Смит прислать кого-то и предъявить счет!

Под взглядами конвоиров было очень неудобно, и Чарген опять подвинулась ближе к спутнику. Запоздало сообразила, что он может этого не оценить — парочку-то разыгрывать больше не нужно. Да еще она может мешаться, потому что у него с этой стороны кобура, и хотя на первый взгляд нет никакой опасности, но...

Додумать эти сомнения она не успела, потому что Шешель вроде бы даже с охотой обнял, прижал к своему боку и проговорил едва слышно:

— Мне определенно все интереснее, чему еще учат в этих пансионах.

— Ой, ладно, ну не нравится — могу отодвинуться! — проворчала Чара с очень искренней обидой в голосе.

— Да сиди уже, я про другое, — хмыкнул следователь. — А вот где ты так наострилась определитель лжи обманывать?

— А там он был?!

Чарген на мгновение замерла, а потом медленно-медленно выдохнула, судорожно пытаясь дословно вспомнить, что именно говорила и где могла проколоться. Она вообще-то всегда старалась врать как можно меньше, а уж если врать — то без конкретики, потому что именно в деталях легче всего запутаться. И впору было благодарить мамину науку и богов за то, что привычка проявила себя и сейчас тоже.

— Еще скажи, это нечаянно получилось! — Шешель хмыкнул возле самого уха мошенницы, пощекотав дыханием, и в ответ на это по спине рассыпалась горсть мелких мурашек. Ощущение Чаре понравилось.

— Я вообще стараюсь не врать! — шепотом возмутилась она, решив, что в этом случае лучшая защита — нападение. — И именно этому нас учили в пансионе!

— И в каких же мы с тобой отношениях с Беряны?

— Уважительных! — быстро нашлась Чарген. — Я очень уважаю следственный комитет и стражу, а ты... А ты сам сказал, что наводил обо мне справки!

Говорила она тихо, мотор гудел, и оставалось надеяться, соседи по автомобилю ничего не слышат.

— Боги! Ты неподражаема! — Следователь рассмеялся, прикрыв свободной ладонью лицо. — Я думал, такое только в водевилях бывает...

Чарген облегченно перевела дух: кажется, поверил.

Но доверие к определителю лжи объясняло, почему господин Смит так быстро их отпустил. В конце концов, на прямые интересующие его вопросы она ответила максимально конкретно и однозначно — никаких денег не брала, о делах и долгах мужа ничего не знала, никого не убивала. Такую прямую ложь артефакт распознал бы сразу, тем более Чара совсем не настраивалась на борьбу с ним.

Тут Шешель угадал: как обмануть определитель лжи, Чарген действительно знала. Мама когда-то сумела достать исправный артефакт, и они долго тренировались, изыскивая способы: разумная и осторожная Йована Янич прекрасно знала, что может попасться, и старалась предусмотреть все. Чаре тогда было пятнадцать, она сидела с младшими, когда мама выходила на охоту, и еще только училась — магии и тонкостям сомнительного ремесла. Пока, конечно, в теории и не задумываясь всерьез о том, чтобы пойти по ее стопам, но игралась с определителем с удовольствием.

— Стеван...

— Стей. Раз уж мы с тобой теперь так близки. — Шешель фыркнул от смеха, опять щекотнув дыханием ухо Чарген, и выразительно похлопал ладонью по ее бедру.

И Чара не просто вновь пообещала себе все-таки соблазнить господина Сыщика при удобном случае, но уже была совершенно уверена, что это получится. Уж слишком охотно он ее обнимал, чтобы всерьез ожидать от него сопротивления или хотя бы внятных протестов.

— Стей, — легко согласилась она, — но кому в итоге...

Однако договорить не успела.

ГЛАВА 5

Когда пытаешься обманывать всех, главное — не обмануть еще и себя

Где-то рядом раздалось несколько как будто совсем нестрашных, негромких хлопков. Чарген осеклась и собралась уже спросить, что это было, но водитель вдруг выкрутил руль и ударил по тормозам. Пассажиров швырнуло к боковой стене.

Чаре повезло больше всех: они с Шешелем оказались в нужном углу, а она еще и сверху. Правда, головой попала следователю в челюсть, но не так сильно, как могла бы.

Водитель что-то крикнул на регидонском. Громилы внутри, матерясь, пытались разобраться в конечностях и схватиться за оружие. Что именно матерились — было понятно и без знания языка, по интонациям. Стеван тоже сдавленно ругнулся, отодвинул спутницу и достал пистолет, после чего левой рукой схватился за пострадавшее лицо, ощупывая челюсть.

Сопровождающие высыпались из салона, и через открытую дверь выстрелы зазвучали отчетливей. Шешель схватил Чару за запястье и потянул наружу.

Меньше всего Чарген хотелось лезть под пули, но она заставила себя промолчать и не задавать глупых вопросов. Обещала же не доставлять проблем, а господин Сыщик явно знает, что делает. Только уже вылезая из машины, вспомнила наконец, что она, в отличие от мужчин, даже под пулями в безопасности. Верилось в это с трудом, несмотря на то что артефакт уже однажды спас, но все равно от напоминания стало легче.

Уже наступило утро, но света это добавило немного: тучи продолжали низко висеть над городом, а сейчас с них еще посыпался очень неприятный, холодный мелкий дождь.

Кто-то что-то крикнул — с той стороны, из-за машины. Главный из громил ответил, и Чарген опять безо всякого перевода поняла: сказал, куда нападающим стоит пойти. Выстрелы стихли, началась попытка переговоров.

Шешель положил руку ей на голову, вынуждая пригнуться еще ниже, чтобы случайно не мелькнула в окне, и быстро глянул через крышу.

— А разве за машиной можно укрыться от пуль? — не выдержала Чара.

Было жутковато, но одновременно она чувствовала, что буквально подрагивает от нетерпения. Разумные опасения отошли на второй план, зато в крови взбурлил азарт. Жаль, что у нее нет пистолета, да и стрелять она тоже не умеет...

— За этой — можно.

— А зачем мы тогда вылезли?

Следователь раздраженно на нее шикнул и на регидонском обратился с вопросом ко второму громиле, который не участвовал в переговорах. Они о чем-то коротко договорились, явно получили раздраженное одобрение главного, и Стеван, опустившись на корточки, перетащил также вынужденно присевшую Чарген за капот машины. Крепко обхватил рукой за плечи.

— Значит, так. По команде бежим вот в тот переулок, нас обещали прикрыть. И дальше тоже бежим очень быстро. Ясно?

— Да, только погоди, давай наоборот, — решила она.

— Что наоборот?

Но Чара уже вывернулась из-под руки, оттеснила спутника от машины, сама схватилась за его плечо.

— У меня браслет, забыл?

Шешель одарил ее в ответ очень странным взглядом, но спорить не стал, коротко кивнул, бросил что-то на местном языке и приобнял ее за талию.

Мгновение, другое — тягучие, вязкие как смола. Сердце торопливо застучало где-то в горле, но все еще не от страха, а от предвкушения. Несколько метров до угла дома то казались бесконечными, то — преодолимыми за один шаг. Под ребрами образовалась тревожная сосущая пустота. Вот сейчас, сейчас что-то случится, сейчас...

Сзади тихо рявкнул регидонец.

— Ну! — скомандовал следователь и, дернув Чару, сорвался с места.

Тело отозвалось на команду, прынуло вперед. Ноги в неудобных ботинках тут же заплелись, но Шешель буквально проволоч спутницу несколько шагов, а там она сумела разобраться в конечностях.

Захлопали выстрелы, Чарген инстинктивно втянула голову в плечи и крепче вцепилась в спутника. Попадут, нет? В нее, в Сыщика? А артефакт, у него вообще какой предел срабатывания — по скорости, по количеству, по калибру?..

Ответ на один из вопросов она получила почти сразу. Пуля попала в стену дома, когда они пробежали мимо, во все стороны брызнуло кирпичной крошкой, больно хлестнуло по лицу, и артефакт от этих осколков не защитил. Если бы могла, Чара, наверное, шарахнулась в сторону, но инерция не позволила, да и Шешель продолжил бежать. Под прикрытием стены он распрямился, перехватил Чарген за руку и поволок куда-то в хитросплетение улиц.

Только теперь она обратила наконец внимание, что дома вокруг опять выглядят совсем иначе. Кажется, район был старым, но вряд ли престижным: сравнительно невысокие, в три-четыре этажа, здания стояли тесно, скованные асфальтом и старой брусчаткой, не оставлявшими и клочка земли для травы или деревьев. Штукатурка на фасадах потрескалась и осыпалась, красивый декоративный кирпич раскрошился, облез и местами даже позеленел от вечной сырости. Многие окна в домах были разбиты и закрыты кусками фанеры или картона или составлены из разнокалиберных обрезков стекла.

Дождь усиливался с каждым шагом и прибывал к выщербленному асфальту обрывки бумаги и прочий мусор. Кажется, пытался прибить и бегущую пару, но следователь не обращал на него никакого внимания, а Чарген пока больше думала о собственных ногах в проклятущих ботинках, которые с каждым шагом все тяжелели. И о том, что надо, наверное, больше времени уделять спортивным занятиям, потому что уже через минуту бега сбилось дыхание, а еще через столько же ужасно закололо в боку.

Хотелось спросить, далеко ли Шешель собрался и понимает ли вообще, куда именно бежит, потому что сама Чарген потеряла ориентацию в пространстве на втором повороте. Но сил и дыхания на это не оставалось, а вскоре ответ пришел сам: следователь ринулся к открытой двери одного из подъездов.

Внутри оказалось еще противней, чем снаружи. Пахло теплой сыростью, тухлятиной и застарелой мочой, и Чара, которая от бега жадно хватала воздух полной грудью, едва поборолла приступ тошноты. Кроме того, здесь оказалось грязнее, чем снаружи, но это, к счастью, не удавалось разглядеть в подробностях: через почерневшие окна просачивалось слишком мало света. Но Чара искренне поблагодарила запасливого старичка и пожелала ему удачи, потому что без обуви здесь... В общем, лучше об этом даже не думать.

Не сбавляя шага, следователь поволок спутницу к лестнице, побежал вверх через ступеньку. На первом же пролете Чарген запнулась и едва не пересчитала ступеньки носом, но Шешель успел среагировать, дернул ее за руку вверх. Потом перехватил за локоть и, не говоря ни слова, продолжил переть вверх с неотвратимостью локомотива литерного поезда.

Немного перевести дух Чара сумела только на самом верху, у железной лестницы, которая упиралась в люк, что вел на чердак. В глазах темнело, руки и ноги отчаянно тряслись, щека горела и жутко чесалась — кирпичная крошка все-таки поцарапала кожу, и теперь ранки разъедал пот. Подумалось, что, если бы ее пристрелили, это было бы не так уж и плохо...

Слабость была мгновенной, пораженческие мысли Чарген быстро отогнала, тем более пришлось спешно собираться с силами для очередного рывка.

— Отлично, открыто. Иди сюда, — окликнул сверху следователь, который хоть и дышал неровно, часто, но точно не выглядел таким вымотанным, как его спутница.

Чара взяла себя в руки, взялась за перекладины лестницы и начала медленно карабкаться вверх, стараясь не думать о том, какая в этих самых руках слабость и как неприятно будет, в случае чего, падать.

Когда перекладины под руками кончились, Чарген замерла, высунувшись в люк и растерянно озираясь в поисках опоры. Хвататься за грязный пол совсем не хотелось, пусть умом она и понимала, что ступеньки вряд ли были чище.

— Давай. — Помощь пришла быстрее, чем Чара догадалась о ней попросить. Шешель опустился на корточки, протягивая обе руки, за которые она охотно ухватилась.

Втащив спутницу на чердак, следовательно аккуратно прикрыл люк, пока Чарген, сипло дыша после пробежки, озиралась.

Здесь оказалось на удивление не столь ужасно, как можно было ожидать от незапертого чердака в таком мрачном районе. Пахло тоже неприятно, но не так уж сногшибательно: пылью и птицами. Где-то в окружающем сумраке копошились и курлыкали невидимые голуби, над головой барабанил дождь. Под ногами лежал толстый слой пыли и мусора, валялись обломки досок и какие-то совсем неопределимые под толщью грязи штуковины. Темноту перечеркивали подкосы и стойки, держащие крышу, тянулись вверх несколько каменных труб.

Чара зябко поежилась, обхватила себя руками. По чердаку гулял сквозняк, а она как-то вдруг сообразила, что успела промокнуть по дороге.

— На, держи. У тебя кровь на щеке. — Стеван достал из кармана слегка помятый, но, кажется, чистый платок.

— А, это... — Она тяжело вздохнула, но платок, конечно, взяла, промокнула царапины. Очень хотелось взглянуть на ущерб, но где тут зеркало взять! — Крошка от кирпича.

Шешель тем временем подошел к ближайшей трубе, зачем-то ощупал ее и окликнул спутницу:

— Иди сюда, будем устраиваться.

Пока Чарген пробиралась, куда велели, аккуратно переступая через бесформенные кучки хлама и изо всех сил стараясь не запнуться обо что-то в неудобных ботинках, следовательно пинками раскидывал мусор вокруг, тщательно выбирая среди него обломки. Плотно слежавшаяся пыль не поднималась клубами, а прокатывалась низкими волнами. Чара в недоумении остановилась, не понимая, что происходит, а Стеван уже стащил добычу поближе к трубе, которую придирчиво осмотрел, выбирая сторону. Остановился на противоположной от люка, выложил обломки на кирпичную приступочку, окружавшую трубу; кажется, именно на этом предполагалось сидеть.

Когда Шешель закончил и выпрямился, спутница подошла к нему ближе и выразительно повернулась пострадавшей стороной лица.

— Очень плохо? — спросила напряженно.

Он забрал платок, теплые твердые пальцы ухватили Чарген за подбородок, поворачивая лицо к свету. Обернув тканью палец, Стеван

с очень сосредоточенным видом поспешил платок, потер щеку Чарген — ну точно мамаша, оттирающая извозившегося отпрыска. Чара не удержалась от улыбки, но процедуру выдержала стойко и молча: было не очень-то приятно, потому что тер Шешель слишком старательно, но ему хотя бы было видно, где тереть.

— Нет, ерунда, — в конце концов вынес он вердикт. — Мелкие ссадины, совсем неглубокие. Вид, конечно, тот еще, как будто тебя кошки драли, но уже даже не кровит.

— А ты умеешь говорить комплименты, — снова улыбнулась она.

— Кошки — недостаточно лирично? Ну, значит, слишком старательно нюхала букет роз... Хотя нет, я не представляю, как их нюхать надо, чтобы вот так, разве что долго пробираться к цели через куст. Или, что вероятнее, получить по морде букетом.

Чара все-таки рассмеялась, а следователь невозмутимо убрал платок в карман.

— Садись, — предложил он и подал пример. — Труба теплая, так гораздо лучше.

Чарген посомневалась пару секунд, а потом с тяжелым вздохом все же плюнула на сохранность юбки и устроилась рядом, решительно поднырнув спутнику под локоть.

— Да, точно, так еще лучше, — решил тот и, распахнув пиджак, обнял ее, укрыв полами. То есть попытался, но одежды на двоих явно не хватало, хотя и правда стало теплее.

— Стей, что происходит? — пробормотала Чара, запрокинув голову, чтобы видеть лицо следователя. — Я уже совсем ничего не понимаю!

— Ну сейчас мы тут прячемся. — Он затылком прислонился к трубе, взгляд медленно и бесцельно бродил по чердаку. — Я не так хорошо знаю город и этот район, чтобы суметь убежать, а обшаривать все дома они точно не станут.

— А вообще?

Чарген поймала себя на том, что до сих пор не могла рассмотреть лицо господина Сыщика внимательно. Во время случайных встреч соседей было неприлично совсем уж откровенно пялиться, за все время здесь было как-то не до того. Да и в покое оно пребывало исключительно редко, слишком живая мимика, так что вряд ли Чара узнала бы следователя на фотографии из паспорта. Сейчас вот момент

для разглядывания оказался подходящим, но опять не складывалось — на чердаке не хватало света, да еще тень трубы мешала. Она только отметила, что, судя по форме носа, следователь когда-то его ломал.

А еще снова подумала, что ей нравятся его глаза, но это было больше воспоминание, чем текущее наблюдение. Очень необычные. Выразительные, живые, но одновременно — неизменно стылые из-за слишком светлого и холодного цвета. А самое странное, что светлые ресницы и брови совсем не делали лицо белесым. Наверно, все из-за той же мимики.

Если бы сказочные духи стихий существовали и лед мог бы предстать каким-то подвижным, текучим, но всегда холодным живым существом, то глаза господина Сыщика ассоциировались бы у Чарген именно с ним. Нечеловеческие глаза. Притягательные...

— А вообще... — протянул Стеван, покосившись на Чару. Поймал ее внимательный, не читаемый в сумраке взгляд, усмехнулся. — И вообще тоже прячемся и убегаем ото всех сразу. Но я, если честно, понимаю ненамного больше твоего. Например, понятия не имею, кто убил Ралевича. И кому все-таки предназначался артефакт.

— Может, он хотел расплатиться так со Смитом?

— Скорее он хотел расплатиться со Смитом из предложенных за артефакт денег, и еще предстоит выяснить, за что именно расплатиться, — поморщился Шешель и расслабленно прикрыл глаза. — У меня не было информации о каких-либо делах Ралевича с этим типом, но это явно не связано с «Щитом». Артефакт точно забрали под заказ, в руки Ралевича материалы попали не случайно, и доводил образец он сознательно, а Смит, похоже, вообще не в курсе его существования.

— Доводил?

— Когда артефакт забрали, он был еще не готов, это абсолютно достоверная информация.

Чарген молча уткнулась носом в шею следователя и тяжело вздохнула, выражая собственное отношение к происходящему. Но ощущение оказалось слишком приятным, и Чара вдохнула еще раз, медленней, смакуя запах и тепло, прислушиваясь к чувствам.

Нет, она совершенно определенно хочет познакомиться с ним поближе! Как жаль, что место такое неудачное...

— Стей, объясни мне хотя бы то, что ты сам понял. И что можно объяснить. От кого именно мы убегаем? И как все эти люди так легко нас находят?!

— Ну смотри, давай разбираться по порядку. В отеле я явно спугнул своим появлением убийцу. Значит, он боялся с кем-то встретиться и, скорее всего, действовал на свой страх и риск, за ним не стоит какая-то большая сила. И об артефакте он наверняка не знал, потому что иначе прихватил бы с собой как минимум документы, их твой муж спрятать не успел. Потом те трое, кто в нас стрелял. Я бы предположил, что они как раз от заказчика артефакта или того, кто в курсе его существования, и они сразу начали палить в отеле, значит, ощущали собственную безнаказанность. Вероятнее всего, это люди одного из кланов.

— Ну ладно, об этом мы уже говорили. А квартира? Все-таки вычислили ее или нас?

— Если подумать, то я уверен, что вычислили именно ее, и это была стража. Пользуются ею давно, и меня предупреждали, что особой гарантии нет. Но это логично, никто не стал бы сливать мне надежную и крепкую агентурную сеть.

— В каком смысле?

— Я не работаю в Регидоне, информацией поделились... друзья. Я просил пару приличных вариантов, где можно перекантоваться и получить какую-то помощь — мне дали этого старика и еще несколько адресов.

— То есть артефакт все-таки нельзя отследить? Сейчас, погоди, так неудобно, — решила она и завозилась. — У меня спина болит.

— А как удобно? — кажется, совершенно искренне заинтересовался Шешель.

— Вот так, — сообщила Чарген, невозмутимо усаживаясь перед следователем, который сидел, широко расставив ноги для опоры. Немного поерзала, устраиваясь,правила юбку и откинулась ему на грудь, положив голову на плечо. Отпихивать сразу он не стал, застыл, растерянно подняв руки. — Все, теперь можно обнимать.

И замерла, настороженно ожидая реакции. Если он сейчас возмутится и начнет ругаться, то, пожалуй...

Не начал. Неопределенно хмыкнул, поправил пиджак и — обнял. Чара прислушалась к собственным ощущениям и удовлетворенно

обнаружила, что такая вот близость приятно волнует и не вызывает никакого отторжения.

— Ну так что там с артефактом? Почему ты думаешь, что дело не в нем? — невозмутимо вернулась она к прерванному разговору.

Ну правда, не на грязном же чердаке к нему приставать! Это же не по делу, для удовольствия, а какое уж тут удовольствие, в такой грязи и на сквозняке...

— С ним я погорячился спросонья, глупость сморозил, — усмехнулся он. Собственные мысли о ее поведении высказывать не стал, и Чару это вполне устраивало. — Вот этот фокус с мокрой тряпкой помогает только от дистанционного... погоди, а ты вообще что об артефактах-то знаешь?

— Что они есть, — совершенно искренне призналась Чарген. — Ну и что они бывают разные по силе и цвету магии. И что есть специальные контейнеры для их хранения.

— Это главное, — весело хмыкнул он. — А еще артефакты отличаются по дальности действия и фону. Чем дальше действие, тем сильнее фон. Собственно, вдали искать можно только артефакты с сильным фоном. Или парные, между которыми существует устойчивая связь, но от последнего никакой экран не поможет, и это заведомо не наш случай. Эти тряпки могут помочь только от дистанционного поиска по фону, но не обмануть ту арку, которая была на входе в дом Смита.

— Выходит, мы так рисковали?... — запоздало встревожилась Чарген.

— Не выходит, — отмахнулся Шешель. — Говорю же, глупость сморозил. Если бы «Щит» фонил, вас с Ралевичем задержали бы еще в воздушном порту, там на такое очень нервно реагируют, мало ли какие помехи это может создать оборудованию. Так что давай, кстати, повязку снимем, неудобно небось.

Рукой ее он занялся, не двигаясь с места, и это тоже оказалось приятно. Уютно.

— Ты меня утешил. Ладно, с квартирой понятно, мы оказались не в то время и не в том месте. А как господин Смит нас нашел?

— Это его район. Небось тот грабитель, с которым мы мирно пообщались, принес в клювике информацию, — отозвался Стеван. — В такой среде новости распространяются очень быстро, особенно

когда это нужно кому-то большому и важному. На твои ноги трудно было не обратить внимания, так что он нами наверняка заинтересовался. Сразу не полез, но, скорее всего, проследил. Я, к стыду своему, об этом не подумал и не попытался сбросить хвост, за машиной-то погони не было. А как начали искать красивую блондинку — грабитель поспешил поделиться подозрениями, выслужиться. Дальше... Скорее всего, люди Смита собирались ждать у подъезда, но их опередила полиция. На рожон не полезли, но и уйти приказ не позволил, поэтому они поступили умнее: стали ждать там, откуда можно наблюдать за происходящим у дома и где мы непременно появились бы. Они же не могли знать, что полиция приехала, по сути, за нами. Место эти ребята выбрали очень грамотно, там в общем-то одна дорога к цивилизации, чуть дальше за домом тянется овраг и промзона.

— Похоже на правду, — согласилась Чарген.

— А дальше... Ну, со Смитом все тем более просто. Во-первых, его люди не убивали твоего мужа. И из тех соображений, которые я уже приводил, и просто потому, что ему это не надо было. А если бы сделал — то деньги его люди забрали бы сразу и не было бы никакой нужды ловить и допрашивать тебя. Во-вторых, те трое, которые явились в отель, тоже работали не на Смита, иначе бы он как минимум про них спросил. Больше того, он о них, похоже, и не знал вовсе. Ну и в-третьих, как я уже говорил, про артефакт он тоже явно не в курсе.

— А кто на нас напал по дороге?

— Полагаю, как раз те, кто искал «Щит». Вернее, искали они тебя, но наверняка из-за него. Как нашли... Клань активно следят друг за другом, уж всяко несложно было заметить, что глава одного утром до рассвета принимал подозрительных гостей. К тому же наверняка кто-то из его людей постукивает соседям. Может, водитель, может, еще кто. А засада... Да тоже при желании нетрудно успеть. Не исключено, что сидели на нескольких основных улицах, вот и засекли.

— Думаешь, нас тут не найдут?

— Не должны. Они наверняка ходят по улицам, поднимут осведомителей, так что наружу нам пока высовываться не стоит, но именно сейчас и именно здесь — не найдут.

— И что теперь?

— Что теперь — что?

— Что мы теперь будем делать? Как добраться до воздушного порта, как попасть на дирижабль? Меня знают в лицо, тебя, наверное, теперь тоже... может, надо как-нибудь замаскироваться? Ну, например, одеждой поменяться...

— Отличная идея! — расхохотался следователь. — Я в твоём платье буду смотреться сногшибательно и очень незаметно.

— Можно меня под мальчика загримировать, я отрежу волосы...

— Цвета, чтобы такую, как ты, замаскировать под мальчика, нужна команда из пары гримеров, цех костюмеров и неделька тренировки под руководством профессионала — походка, речь и тому подобное. Или тебя и этому тоже в пансионе учили?

— Нет, — вздохнула Чарген, мысленно показывая господину Сыщику язык. А то она всего этого не знает! А вот Цветана... — Я не думала, что это настолько сложно, в книжках обычно никаких проблем не возникает.

— Так то в книжках! Опять же все от материала зависит. Не равняй какую-нибудь тонкую-звонкую девчонку с худенькой мальчишеской фигурой и твои формы. Меня в страшную тетку попроще, но все опять же упирается в отсутствие ресурсов. Пока мы будем искать одежду, моментально спалимся.

— А если попросить помощи у кого-нибудь прямо в этом доме? У тебя есть местные деньги? Просто у меня только платка, которую Павле дал... Я вообще не знаю, работают они в Регидоне или нет! — Чара продолжила старательно усыплять бдительность мужчины, выдвигая заведомо неверные и в чем-то глупые предположения, вполне приличествующие юной неискушенной девушке. А то уж слишком сильно она в последнее время расслабилась.

— Работать будет, но пользоваться ею не стоит, это очень легко отследить, а за нами еще и стража наверняка охотится. Деньги есть, но это не поможет. Ломиться в квартиры еще более рискованно, чем просто так выходить на улицу. Боги знают, на кого можно нарваться!

— Но что делать?

— Пока — ждать.

Чарген протяжно вздохнула, повернулась боком. Менее удобно, зато опять можно закопаться носом в воротник рубашки, прижаться к теплой гладкой коже шеи губами, а лбом — к колючей щеке. Чара не любила целоваться с небритыми мужчинами: щетина кололась, а у нее

потом чесалось чуть ли не все лицо. Но сейчас ощущение показалось даже приятным.

— Цвета, зачем ты это делаешь? — спросил Шешель подчеркнуто спокойным голосом, хотя Чарген отчетливо ощутила, что обнимавшие ее руки сжались крепче.

— Что делаю? — спросила она, прихватив кожу губами. Потом позволила себе еще большую вольность и провела языком.

— Вот это, — усмехнулся Стеван. — С какой целью и из каких соображений ты меня целуешь?

— Мне страшно, — призналась Чарген, не поднимая головы. Почти не лукавила — если задумываться об обстоятельствах, в которых они оказались, действительно становилось страшно. Но она хорошо умела не думать о том, на что не могла повлиять: результат долгих тренировок. — В меня за последние сутки два раза стреляли. Это на два раза больше, чем за всю прошлую жизнь. Я в чужой стране, не знаю языка, у меня единственное платье, чужие ботинки и нет даже паспорта. Если меня поймают, то, скорее всего, убьют. И единственный человек, который отделяет меня вот от этого всего, — ты. Причем все, что я о тебе знаю, я знаю с твоих слов. И познакомилась с тобой я над трупом своего мужа.

— Ну, пока логично, но как это связано с поцелуями?

— Не знаю. — Она вздохнула. — Мне просто нравится. И... когда ты меня обнимаешь, мне становится спокойней.

— Ладно, я понял, логику здесь искать бесполезно, — со смешком подытожил Стеван. — Тогда другой вопрос: а какой реакции ты от меня сейчас ждешь?

Чара подняла голову, немного отстранилась, опираясь ладонью ему на грудь. Окинула взглядом лицо, остановилась на губах...

— Может, ты, например, заткнешься и уже поцелуешь меня нормально?

Шешель в ответ искренне рассмеялся, тряхнул головой — явно не отрицательно, а... растерянно, что ли. Выпрямился, отстраняясь от опоры, прошелся взглядом по лицу Чары, одновременно скользнув кончиками пальцев по шее вверх, от ключиц к подбородку. Нехитрая ласка отчего-то пронзительно-остро отдалась в груди Чары, стекла мурашками по спине, и губы сами собой просительно приоткрылись.

В следующее мгновение Чарген подумала, что если он сейчас откажется, то она просто придушит его голыми руками. И любой нормальный суд ее оправдает, потому что это вполне можно будет списать на состояние аффекта.

Но проверять собственную готовность к убийству не пришлось, господин Сыщик предложение принял.

Целоваться он... умел. И хорошо умел. Без нелепого напора, как будто пытается ее съесть; без еще более нелепого страха, что от любого неосторожного прикосновения она может взорваться, — какие мужчины Чарген только не попадались!

Мягко. Уверенно. Настойчиво. Как ведет в танце хороший партнер. И не возникает даже мысли воспротивиться, что-то изменить, перехватить инициативу. И не хочется, чтобы это мгновение прерывалось.

Ее пальцы коснулись ямки между ключицами, расстегнутый воротник его рубашки позволял такую маленькую вольность. Хотелось расстегнуть еще пару пуговиц, но Чара пока не настолько потеряла голову, а дурацкий грязный чердак никуда не делся. Но зато можно было погладить шею — снизу вверх, до уха, — потом дальше, вдоль линии роста волос к задней стороне шеи. По ней — вверх и, наконец, зарыться кончиками пальцев в мягкие светлые волосы. Все же интересно, почему они такого странного цвета? Спросить?..

Незаметно для себя Стеван тоже увлекся поцелуем. Нежные, податливые губы, ласкающие прикосновения тонких пальцев, льнущее к нему стройное тело — как тут удержаться? Одна рука продолжала придерживать Чарген за талию, а вторая как-то незаметно и независимо от сознания сместилась с подбородка ниже. Приласкала сквозь плотную ткань платья аппетитную грудь, потом сдвинулась еще дальше — на тонкую талию, на округлое бедро...

И через очень непродолжительное время он вдруг поймал себя на том, что слишком крепко и откровенно прижимает к себе спутницу для отдельного случайного поцелуя. Да и ограничиваться этим самым «отдельным поцелуем» совсем не хочется, и на оставшиеся разумные мысли уже почти совсем плевать...

К счастью, последние не все стекли в штаны, и здравого смысла, чтобы прекратить происходящее, Стевану хватило. Прервал поцелуй он решительно, пусть и с большой неохотой. С честью выдержал и

следующее испытание: забывшись, Чара в первое мгновение подалась следом, потянулась за его губами, и потребовалось волевое усилие, чтобы не возобновить прерванное занятие. Боги с ними, со всеми вопросами и проблемами, но уж больно место не располагало!

А потом и Чара опомнилась. Не сдержала разочарованного вздоха, но на продолжении настаивать не стала. Даже отвернулась, чтобы сесть поудобнее и опять спиной опереться спутнику на грудь. И когда он крепко обнял ее — гораздо крепче, чем до поцелуя, — позволила себе еще одну маленькую вольность: накрыла ладонь следователя своей и переплела пальцы. Шешель возражать не стал, но поймал ее пальцы и сжал крепче — просто так не ускользнешь.

— Вот видишь, ничего страшного же, — не удержалась Чарген от замечания, стараясь не допустить в голос ехидства.

То ли не получилось, то ли собеседник не поверил, но он в ответ усмехнулся.

— Это потому, что я тебе пока живым нужен! Был бы не нужен, ам — и нету!

— Ты меня переоцениваешь, я за один раз столько не съем, — рассмеялась она.

— Тем более! Значит, сначала бы откусила голову, чтобы точно не удрал, а остальное запасла на зиму.

— А вот тут ты уже сам себя переоцениваешь, какие из тебя запасы? Одни кости, кожа и жилы. На бульон разве что.

Стеван тоже засмеялся и — тоже позволил себе лишнее. Переместил свободную ладонь с талии Чарген на грудь, коснулся губами чувствительного места за ухом. Чара шумно вздохнула и не удержалась от улыбки.

Азарт мешался в ней с нетерпеливым предвкушением и некоторым самодовольством. Не оттого, что господин Сыщик поддался на провокацию и даже явно был готов к большему — невелика заслуга. Он здоровый мужчина без обязательств и с весьма гибкой моралью, а у нее красивое тело и смазливая мордашка, и нет никаких объективных или субъективных причин отказываться от предложенного. Не в храм же она его тянет, а пока просто целует.

Нет, Чара была довольна тем, что ее предположения оправдывались, не зря Стеван казался привлекательным! Как минимум

целовался он головокружительно, а все остальное... Ну, за этим тоже дело не станет.

— А нам еще долго тут сидеть? — рассеянно спросила Чара. И призналась немного смущенно: — Я пить хочу.

— С этим проблема, — признал Шешель. — Придется потерпеть. И посидеть еще не меньше часа, а лучше — хотя бы до полудня.

Чарген издала протяжный стон.

— Боги! Как же мне уже хочется домой... По-моему, я начинаю ненавидеть Ралевича за то, что он меня сюда притащил.

— Ну да, он-то помер, считай — легко отделался, — усмехнулся следователь.

— Кстати, как ты все-таки думаешь, кто его убил?

— Поскольку свидетель скорее ты, а не я, это ты мне скажи. С самого начала. Кто мог желать убить твоего мужа? У него были враги?

— Мне кажется, ты знаешь о нем гораздо больше, чем я, — проворчала Чара. — А враги... Он был не очень приятным человеком, и друзей у него точно не было. Любил он только деньги, так что и враги, если и были, то на этой почве.

— И жена — тоже на этой почве? — не удержался от шпильки следователь.

— И жена тоже, — покладисто согласилась она.

— А как же душевный разговор с господином Смитом?

— А я ему не врала, — пожалала плечами Чарген. — Любая нормальная женщина хочет, чтобы ее любили. И я правда хотела бы жить с одним-единственным любимым мужчиной. Но попался только Ралевич, и я решила, что лучше синица в руках. А вообще, ты так говоришь, как будто ревнуешь, — ответно уколола она. — Неужели влюбился?

— Разумеется, — спокойно отозвался следователь. — Давно, безнадежно и безответно. В свою работу. А ты занятная, это просто любопытство.

Чарген с иронией подумала, что господин Сыщик — тоже очень занятный тип. Как-то слишком уж серьезно, не так, как обычно, отреагировал он на столь детскую шпильку. Неужели для него это какая-то острая, болезненная тема? Трагическая любовь в юности?

Или не стоит искать двойное дно и он просто пытается настроиться на серьезный лад?

— Ладно, оставим тему любви. Расскажи, что произошло вчера? По порядку, — велел он.

И Чарген, подобравшись, заговорила: уж тут ей скрывать было нечего. Про Живко, который их встретил, про их с Ралевичем разговор в кабинете, про уход, про то, как сама заснула в ванне.

Предположение, что ее могли усыпить, подлив в чай какое-нибудь средство, Шешель принял с осторожным одобрением.

— Могли, и очень на это похоже. Ты же не выходила из номера, убийца не мог этого не знать, а нейтрализовать тебя как-то надо было. Но это уж слишком сложно и ненадежно. Сам он вряд ли мог это сделать, а горничная... — Он запнулся и рассеянно качнул головой. — Впутывать совершенно постороннего человека, который легко может на тебя указать, очень глупо. Когда речь идет об убийстве, рассчитывать на молчание первой попавшейся горничной... Либо снотворного все же не было, а наш убийца посчитал, что тебя нет в номере. Либо как-то изыскал способ подлить средство незаметно от нее, и это теоретически мог быть Живко: он находился в номере. Заходил в гостиную? Подходил к столику с чаем?

— Заходил, проходил через нее в кабинет, — нахмурилась Чара. — К столику... Мог, — кивнула она, припоминая, потерла лоб. — Горничная вошла с сервировочным столиком, оставила его сбоку. Там стояли чемоданы, неудобно было его подкатывать ближе. Потом подошла отдергивать шторы, потом поставила мне прибор на чайный столик. Секунда-другая у него была.

— Секунда-другая... Он заранее знал, что сделает это, готовился и выбирал момент. Очень хладнокровный, решительный, расчетливый человек. Наглый. Похоже на его характеристику?

— Не знаю, — вздохнула Чарген. — Я же с ним почти не общалась. Но он точно с характером, не мямля. Почему нет...

— Значит, один вариант есть. Еще вполне возможно, что горничная замешана, но у нее есть серьезный интерес к убийце, которого она давно знает. В таких местах прислуга держится за свою работу, и просто подойди к ней незнакомый тип с таким предложением — она с негодованием отказалась бы, даже если бы посулили золотые горы. А если бы и согласилась, то вполне могла передумать, когда выяснилось, что это все не безобидный розыгрыш, а речь об убийстве. Конечно, могла испугаться и молчать, опять же из-за страха за место,

но это слишком сложно предсказать. Вряд ли тот, кто так тщательно спланировал убийство, всерьез мог положиться на подобную случайность. Нет, если горничная в деле, повязана она чем-то большим, чем случайная глупость. Или деньги, которых должно быть немало, или какой-то личный интерес к убийце. Любовный или нет — не важно, и возраст вместе с внешними данными этой особы никакой роли не играет.

— Стей, а ты знаешь, на кого составлено его завещание?

— Нет, увы. Это можно будет выяснить только в Беряне, — качнул головой Шешель. — И даже пытаться прогнозировать не возьмусь. Ну разве что тебя там, скорее всего, нет, — усмехнулся он.

— Тоже мне новость! — вздохнула мошенница. — Да, вот еще странная вещь, я не сказала. Перед тем как войти в гостиную, я заглянула в кабинет. Павле перед уходом точно его закрыл, а тогда дверь была приоткрыта и оттуда тянуло сквозняком, была открыта дверь на пожарную лестницу...

— Ну это очевидно. Ралевич вернулся и открыл кабинет, а убийца через него и удрал. — Стеван пожал плечами.

— Нет, дело не в этом. На столике стояла бутылка игристого и два бокала для него.

— И что? Может, осталось после разговора твоего мужа с Живко.

— Нет. То есть я не заходила в кабинет сразу после разговора и не знаю, когда это там появилось, но Ралевич терпеть не мог игристое. Вообще вино не любил, но такое — особенно. На людях мог пускать пыль в глаза, тем более он в нем вроде как разбирался, но дома точно предпочел бы брадицу, особенно если хотел что-то отметить.

— Интересно, — задумчиво проговорил Шешель. — Видишь, кое-что ты о нем все-таки знаешь такого, чего не знаю я. Кто еще в курсе его пристрастий?

— Понятия не имею, никогда не задумывалась. Но Живко вряд ли мог не знать, мне показалось, эти двое очень хорошо знакомы. С ним, мне кажется, Ралевич общался ближе, чем с кем-то еще из родственников и партнеров. А все-таки, откуда там вино?

— Мне кажется, убийца пытался инсценировать бытовую ссору и подставить тебя, — спокойно ответил он. — И я бы не исключал подтасовки твоего самоубийства после всего этого. Но, похоже, просто не успел сделать все как хотел.

Чарген зябко поежилась и крепче вцепилась в руку мужчины.

— Выходит, ты мне еще и жизнь спас? А почему я так быстро очнулась? — все-таки не удержалась от вопроса, хотя об ответе на него догадывалась: зелье могло вступить в конфликт с магией.

— Может, дозу не рассчитали. Это всегда индивидуально, всякое случается. А все остальное — домыслы, — отмахнулся следователь. — Просто я бы на его месте поступил так. Полиция бы даже особо разбираться не стала: бытовая ссора иностранной супружеской пары. Даже скандал закатить некому, единственный родственник здесь Живко, а он у нас главный подозреваемый. И Гожкович, которого ты видела, да, я помню. Хотя вот у него я мотива не вижу, вряд ли он может рассчитывать на наследство партнера по бизнесу.

— Может, просто личная неприязнь? Он меня, кстати, запугивал страшными слухами о Ралевиче. Ну, о том, что тот вроде бы жесток с любовницами.

— А он жесток или все-таки нет? Потому что внятных свидетельств у меня тоже нет.

— Не знаю. Со мной был скорее равнодушен и воспринимал как ценное приобретение, — задумчиво проговорила Чара. — И как-то очень странно представлял меня Живко. Хотя, может, это я уже выдумываю...

— Странно?

— Ну как будто это и хотел сказать — что ценная покупка. Но я правда могу выдумывать, потому что очень зла была тогда на Ралевича, меня раздражало, что он привез меня в страну, о которой я почти ничего не знаю, начиная с языка...

— Этому есть рациональное объяснение, но оно тебе не понравится, — заявил следователь.

— А предположение о том, что меня тоже хотели убить, мне так понравилось! — возмутилась Чара. — Говори уже.

— Ралевич женился слишком скоропалительно для его характера. Сколько он тебя знал? Месяц, два? Сама подумай, при его нраве — не слишком ли мало, чтобы определиться с женой?

— Может быть, — вынужденно согласилась Чарген. — Он явно не воспылил ко мне страстью.

— Ему нужно было вывезти артефакт, который украли как раз месяц назад. Браслет откровенно женский, причем не только по

размеру. Больше того, насколько знаю, его рассчитывали на определенные параметры тела, это важно. Конечно, примерно, но разница в пару десятков килограммов существенна. А везти его гораздо разумней на носителе: в багаже возникнут вопросы, да и фонить он отдельно от носителя может гораздо сильнее. Для случайной любовницы уж слишком дорого и демонстративно, да и где эту любовницу потом ловить? То ли дело ты — молоденькая красивая дурочка без связей и покровителей, которая должна благодарить уже за одно то, что он ее подобрал. Бежать тебе некуда, языка не знаешь, знакомых в Регидоне нет — исключительно удобный вариант. К тому же о дне брака он неофициально договорился еще до того, как пришел в храм с тобой за тем же самым. Ну что, не возникло желания повторно заколоть дражайшего супруга?

— Нет. Но жалеть его перестала совсем. Хватит с него одного раза, а я... все равно не смогу пырнуть человека ножом. — Она поежилась. — Даже такого. Нет, ну, может, если бы он на меня напал — смогла, но не вот так.

Шешель неопределенно усмехнулся. Они помолчали.

Злиться на покойного Ралевича сильнее конкретно из-за этого обмана Чарген не стала. По-прежнему раздражало, что он вообще притащил ее в эту страну, но не сильнее, чем раньше. Она же и не ждала от него большой и чистой любви, а что хотел использовать ее не только как грелку в постели — ну так невелика разница. Она тоже не собиралась жить с ним долго и счастливо.

— Стей, слушай, я только сейчас подумала... А где твои вещи?

— В той же самой гостинице, где и твои. Твой муж опережал меня где-то на полсутки, но я полетел на более быстром дирижабле, особом курьерском, и сумел сократить отставание, так что заселился почти одновременно с вами, — ответил следователь. — Но в вещах нет ничего важного. Документы должны быть на теле трупа, деньги желательно тоже.

— Какого трупа? — озадачилась Чарген.

— Каждого, — хохотнул Шешель. — Это такая вариация общеизвестного «все свое ношу с собой».

— Жизнерадостная вариация, — рассеянно заметила она и, запнувшись, перескочила на другую тему: — Получается, ни до чего мы так и не додумались, да? Кто все-таки убил Ралевича?

— Додуматься, сидя на чердаке без информации, можно до чего угодно, — рассмеялся Стеван. — У нас вот есть два крепких подозреваемых и куча вопросов, в поиске ответа на которые состоит расследование. Вернемся в Беряну — постараюсь разобраться. И выяснить, кстати, какие дела у твоего мужа были в Регидоне, кроме дел «Северной короны». Для меня, говорю же, тоже новость, что он имел что-то общее со Смитом раньше. В общем, расследуй не хочу, только с чердака... — Он вдруг осекся и, не дожидаясь вопросов и уточнений, закрыл Чаре ладонью рот.

Чарген понимающе закивала, насколько позволяла его рука, и настороженно прислушалась.

Теперь и она различила какую-то возню и кряхтенье около люка, а потом тот и вовсе грохнул об перекрытия, и слышалось невнятное бормотание. Повинуясь подталкивающим рукам следователя, Чара поспешно и по возможности тихо встала. Следом поднялся Шешель, подтянул ее ближе к себе, заставил прижаться к широкой трубе, а сам осторожно выглянул.

ГЛАВА 6

Везение — это чаще всего результат тщательной подготовки

Конечно, Чарген не выдержала и высунулась тоже. И едва удержалась от нервного смеха: никаких страшных типов с оружием, никакой местной стражи, было бы чего бояться!

К окну, призывая голубей, шла пожилая женщина странной наружности. Седые волосы взъерошены и растрепаны, но прижаты темным платком на ромальский манер, с узлом на затылке. Одежда такого вида, как будто из клетчатого желто-синего пледа сшили мешок и в нем проделали дырки для головы и рук. Под этим балахоном — темная юбка в мелкий светлый горох и белая рубашка в безумных алых цветах. И все это перевязано сразу тремя разными поясами.

Голуби явно ее узнали. Со всех сторон захлопали крылья, и к женщине слетелась целая стая. Из небольшого мешочка та принялась выкидывать какую-то крупу, продолжая тихо и невнятно бормотать себе под нос. Чара подергала спутника за борт пиджака, привлекая внимание, молча кивнула на кормящую голубей особу и состроила умоляющую мордашку.

Сама она, конечно, распоряжение следователя нарушать не стала, в конце концов, именно ему решать. Но, по мнению Чарген, более безопасную компанию, чем чудаковатая престарелая женщина с голубями, было сложно придумать. И лучше уж она, чем сидеть еще несколько часов на этом чердаке, где, между прочим, не только грязно, но и холодно.

Шешель усмехнулся, окинул спутницу насмешливым взглядом, опять оценивающе оглянулся на особу в платке. Понять, на что намекала молодая вдова, было нетрудно, а вот определиться, как поступить, — уже сложнее.

Ситуация складывалась патовая. Для того чтобы выйти отсюда, стоило подготовиться — переодеться, найти ответы на кое-какие вопросы и как минимум посмотреть карту города. Но для того чтобы

сделать хоть что-то из этого, требовалось выйти. И, пожалуй, госпожа Ралевич права, другого такого удачного шанса может не выдаться.

— Здравствуйте! — негромко, чтобы не испугать незнакомку, обратился к ней следователь, выходя из-за трубы и увлекая за собой спутницу. Женщина в платке все-таки дернулась, просыпав крупу под ноги, и прямо у нее на тапках тотчас началась драка. — Прошу прощения, не хотел вас напугать, — заговорил он, стараясь улыбаться помягче, и протянул раскрытую ладонь, как будто приманивал одну из птиц.

Да незнакомка при ближайшем рассмотрении на них и походила — круглые глаза слегка навывкате, длинный нос, острый подбородок. И порывистые, нервные движения головы, которую она склоняла то к одному плечу, то к другому.

— Вы кто? Что здесь забыли? — возмутилась — или все-таки больше испугалась? — она.

— Мы туристы. Нас с женой ночью ограбили, забрали все вещи. Таксист. Завез не туда, куда надо было, и ограбил. Мы растерялись, неловко было звонить среди ночи в квартиры. Спрятались здесь от дождя, а потом умудрились задремать...

— И что?

— Нам бы умыться и позвонить. У меня есть деньги, — сказал он ключевую фразу.

Женщина опять склонила голову к плечу, потом горстью высыпала птицам остальную еду.

— Эти могут, да, — решила она. — Звери люди! И ни стыда у них, ни совести. Хоть живы остались...

Чарген, которая не понимала сказанного, вопросительно посмотрела на спутника, опять привлекла к себе внимание, подергав за полу пиджака.

— Мы пара туристов, нас ограбил таксист, — тихо шепнул он, наблюдая за тем, как незнакомка, причитая на ходу, зачем-то бредет в дальний конец чердака. — Имей в виду, а то вдруг она по-ольбадски понимает.

Развязка и объяснение действий местной жительницы оказались неожиданными. Вернулась она почти сразу, но не с пустыми руками: в правой болтались три дохлых голубя, которых она держала за головы. Судя по всему, шеи у птиц были свернуты.

Чарген тихо охнула и нервно вцепилась в локоть спутника свободной рукой.

— Ты чего? — с иронией спросил он. — Ну любит человек птичек, как умеет. Силки, наверное, ставит.

— Главное, чтобы она людей так же не любила, — проворчала Чара, явно устыдившись своей первой реакции.

— Это вряд ли.

— Ну чего смотришь? На, держи. Пошли. — Птичница сунула теплые тушки Шешелю, а сама шагнула к люку. Оставалось только последовать за ней.

Жила ловкая охотница на верхнем этаже, в ближайшей к входу на чердак квартире, и жила весьма неплохо, какое бы впечатление ни производили ее облик и занятие. Войдя домой, хозяйка первым делом поспешила закрыть двери в комнаты, но гости, уже перешагнувшие порог, успели заметить и простор, и обстановку. Впрочем, для того чтобы понять — в этом доме не бедствуют, достаточно было осмотреться в большой и свободной прихожей с роскошной старинной мебелью.

Хороший паркет, массивная, почти пустая вешалка, огромный платяной шкаф, стойка для обуви и подставка для зонтов, небольшой изящный столик для писем. На нем лежала газета, кажется, свежая, на которую Чарген не обратила внимания — все равно не знала языка. А вот следователь на ходу сунул любопытный нос, но не задержался, последовал за хозяйкой на кухню, тоже отнюдь не скромную. Много места, хорошая добротная мебель, чистота и порядок.

— В мойку положи, — бросила Шешелю хозяйка.

— У вас есть телефон? — вернулся к разговору тот.

— Нет. У соседки внизу, — отмахнулась та, пристально разглядывая Чарген. — Ах, мерзавцы! — всплеснула руками. — Такую красоту испортили! Сейчас полечим. И чаю выпьем. Садись, девочка. — Женщина махнула рукой, указывая на высокий стул у стола с каменной столешницей — наверное, разделочного. — И ты садись, нечего нависать. Ах, голова пустая! — Она заломила руки. — Посидите тут, за чайником присмотрите, а я забыла. На чердаке. Очки свои.

Стеван, который прекрасно помнил, что никаких очков у нее не было, отступил в сторону, пропуская хозяйку к выходу, но сам тут же

шагнул следом. Какие-то сдавленные звуки, несколько секунд — и вот хозяйка уже оседает на пол. Нет, все же не на пол, следовательно подхватил ее под мышки.

— Ты что делаешь?! — потрясенно ахнула Чарген. — Ты что, ее...

— Не убивал я ее, не волнуйся, просто вырубил. Пойдем, надо ее уложить, что ли.

Пару секунд Чара сидела на месте и растерянно хлопала глазами, но потом опомнилась и побежала открывать двери. Первой попалась гостиная-столовая с большим круглым столом под белоснежной скатертью и низкой кушеткой, которая показалась вполне подходящей. Шешель выбор тоже одобрил, аккуратно втащил хозяйку квартиры в комнату и уложил.

— Может, ты объяснишь, что вообще происходит? — не выдержала наконец Чарген. — Чем тебе эта женщина помешала?!

— В прихожей лежит газета с твоей фотографией едва ли не во всю первую полосу и объявлением о награде, — пояснил следователь, укладывая хозяйку. Чара тихо охнула, а он продолжил: — Про очки она соврала. Готов поставить на кон свою зарплату, что она побежала к той самой соседке этажом ниже, чтобы доложить о твоей поимке и поскорее получить деньги. Не обратила внимания, как изменилась ее риторика, когда она тебя внимательно рассмотрела? Есть люди хозяйственные, а есть жадные, вот это явно тот случай.

— Ты это понял по контрасту квартиры и голубей на завтрак? — вздохнула Чарген, беря себя в руки. Спорить со следователем и что-то доказывать даже не пыталась — понимала, что он, скорее всего, прав. — И что мы теперь будем делать?

— Ну для начала стоит умыться и вообще привести себя в порядок. А йотом осмотреться, вдруг найдем что-нибудь полезное. И нет, я не предлагаю ограбить старушку, мы честно заплатим, — добавил он, бросив на Чару смеющийся взгляд. — Как умоешься, сообрази нам что-нибудь поесть. Если там есть что-то, кроме голубей. Или этому в пансионе не учили?

— Я что-нибудь придумаю, — заверила Чарген.

Зачем хозяйке дома понадобились голуби, она так и не поняла, потому что еды хватало. Может, дело не в экономии, а в экзотических вкусовых предпочтениях? В любом случае, тщательно умывшись,

напившись холодной воды из-под крана и расчесавшись, Чара с удовольствием взялась за готовку — простое и рутинное занятие, приятное разнообразие среди нервотрепки последних дней. Ничего серьезного, просто бутерброды, но у хозяйки нашлись и зелень, и специи, и яйца, и сыр, не говоря уже о свежем хлебе. Настроение омрачали только три сизых тушки в мойке, мясо мошенница предпочитала исключительно в разделанном и готовом к приготовлению виде, а такая вот дичь вызывала смутные неприятные ассоциации.

Бутерброды на тарелке Чарген отнесла в гостиную-столовую, туда же — полный кофейник. Хотела уже звать Шешеля, но тот сам явился из смежной комнаты с ворохом тряпья в охапке. Кажется, на запах.

— Боги! Что я чую? — протянул он, сваливая ношу в кресло. — Кофе! В жизни есть счастье, справедливость, и вообще она прекрасна. Цвета, ты чудо!

— Как мало иногда человеку нужно для счастья, — улыбнулась она. — Иди поешь. Что ты там нашел?

Следователь сначала проверил хозяйку и, только удовлетворившись ее состоянием, подошел к столу. Садиться не стал, с урчанием голодного кота впился в бутерброд, держа его двумя руками. Чара рассмеялась при виде живописной картины; сама она тоже ела, но гораздо спокойней.

Стеван в ответ промычал что-то невнятное, но одобрительное, махнул рукой, шумно отхлебнул из чашки и продолжил гримасничать, веселя спутницу, кажется, вполне сознательно.

Исчезла еда за считанные минуты: следователь предсказуемо не стал растягивать удовольствие, когда каждая минута на счету.

— В общем, нам с тобой здорово повезло: у этой особы куча полезного барахла. Я там еще косметику какую-то нашел, ты умеешь пользоваться?

— А почему не должна? — искренне растерялась от последнего вопроса Чарген.

— Ну мало ли! Молодая девушка, зачем тебе? В общем, смотри какая красота. — Из кучи тряпья он достал растрепанный рыжий парик с локонами.

— Красота? — скептически уточнила Чара, брезгливо взяв добычу за прядь. Подергала; рыжее чудовище весело подпрыгнуло,

шевели лапками-локонами.

— Именно. Если на тебя это надеть, да еще накрасить в том же духе, ни одна собака не узнает, кроме специально обученных, а это уже немало.

— Ладно. А ножницы тебе не попадались? — вздохнула она.

— Были где-то, а тебе зачем?

— Волосы хочу отрезать, без них...

— Что за навязчивое желание? — удивился следователь. — Ты втайне давно мечтала постричься и теперь ищешь повод, что ли?

— Нет, просто так удобнее, — растерялась от такой реакции мошенница. — Волосы отрастут, а парик с таким узлом не наденешь.

— Ну уложи их как-нибудь! — предложил Стеван.

— А что тебе до моих волос-то? — еще больше озадачилась Чара. — Ну отрежу я их, что изменится?

— Ничего, просто жалко. Красиво, — с обезоруживающей честностью ответил он, пожав плечами.

Чарген пару секунд неверяще смотрела на следователя, гадая, послышалось ей или нет.

— Жаль красоту? И все? А как же практичность?

— Ну ты уж совсем чудовище-то из меня не делай, — рассмеялся Шешель. — Да, просто жаль.

— Я попробую. Только ты мне тогда помоги, самой себе сложно как следует заплести, — сдалась она. Волосы ей тоже было жаль, и раз уж сам господин Сыщик просит оставить как есть, то кто она такая, чтобы спорить?

С прической они провозились долго, и с тем, что в итоге воцарилось на голове, Чарген ни за что не вышла бы на люди, потому что красотой и аккуратностью там не пахло. Зато уложились волосы равномерно, и парик сел аккуратно, как влитой. Правда, в таком виде кому-то показываться хотелось еще меньше, но Чара наступила на горло собственному недовольству. Следователь абсолютно прав: да, она будет бросаться в глаза, но заметить сходство окажется почти невозможно.

— А ты в страшную тетку переодеваться не будешь? — не без ехидства спросила она.

— Так в страшную же, а не в небритую, — хмыкнул он. — А острого ножа в доме нет, не говоря уже о лезвии, я поискал. Ну и к

тому же моей физиономии в газете нет, и она у меня неприметная. Мужских вещей я не нашел, но это не беда — я и так помят и взъерошен, чтобы составить тебе достойную партию. В общем, не волнуйся, меня и так не опознают. Переодевайся. Мне отвернуться?

— Да ладно уж, смотри, — улыбнулась Чарген, мельком глянув на следователя. И увиденное ей понравилось: очень выразительно-раздевающим стал взгляд спутника, да и предвкушение в нем читалось весьма отчетливо.

Вот на хозяйку Чарген покосилась уже с недовольством. Боги знают, когда она придет в себя, но, наверное, скоро, и надо спешить. И не получится даже растянуть удовольствие, дразня мужчину, не говоря уже о чем-то большем.

В итоге, как ни хотелось обратного, но переоделась Чара спокойно и деловито, делая вид, что не замечает заинтересованного взгляда.

— Кошмар, — прокомментировала она, разглядывая странный цветастый балахон, найденный Шешелем в недрах хозяйских шкафов. — А ты уверен, что она не заметит пропажу? Вдруг это платье ей особенно дорого?

— Всякое бывает, но вряд ли. У нее полно тряпья, а это я выкопал из глубин. Может, заметит пропажу, но вряд ли сразу. Да и если заметит, скорее всего, сделает вид, что ничего не было.

— Почему ты так думаешь? Может, она обидится и решит отомстить?

— Не решит. Потому что доказать свой продолжительный обморок она не сможет, как и то, что не была с нами в сговоре. То есть докажет, конечно, но не сразу, нервы ей потреплют. Ну и, самое главное, она не получит награду, а наша с тобой поимка как таковая ей неинтересна.

— Кстати, о награде... И много дают?

— Много, — заверил Шешель. — Так что мы с тобой можем с изрядной точностью указать на того, кому предназначался артефакт.

— Почему? — удивилась Чара.

— Я посмотрел статью. Ты объявлена убийцей своего мужа, и награду за тебя дает газета в качестве помощи полиции. Если бы они так охотно ловили всех преступников, давно бы разорились. Нет, ты нужна газете, а значит — ее хозяину, то есть главе одного из кланов. Я

не помню точно, кому принадлежит именно это издание, но дома будет нетрудно установить. Ну что, готова? Ух, красотка! — хохотнул он.

Последнее замечание было адресовано густо накрашенным глазищам Чарген, которая пользоваться косметикой безусловно умела и прекрасно знала, как можно изменить внешность с ее помощью. Мысль, что продемонстрировать такие навыки опрометчиво, мелькнула, но Чара махнула на нее рукой. Плевать, тут не до скрытности, домой бы вернуться. Конечно, гораздо эффективней оказалась бы магия, но... Не так сильно их сейчас приперли к стенке, чтобы разыгрывать единственный крупный козырь.

— Иди сюда, сейчас сделаем из тебя настоящего мужчину, достойного такого шедевра.

Старый желто-зеленый фингал под глазом получился настолько живым, что Шешель даже потянулся его пощупать, но вовремя себя одернул.

— Сколько в тебе разных талантов! — протянул он уважительно.

— Я люблю рисовать, — неопределенно отмахнулась Чара, взъерошила следователю волосы и окинула критическим взглядом. — Слушай, может, нам пьяных изобразить?

— Не надо, — поморщился Стеван и пригладил прическу. — Это не так просто, как может показаться. Чаще всего пьяных изображают очень топорно, и это только вызовет вопросы. Ты на ромалку похожа, жаль парик не черный. Это, кстати, хорошо, они тут точно есть.

— Пойдем? — Чара никак не ответила на это замечание, хотя иронию судьбы, конечно, оценила. Знал бы он, как она на самом деле похожа на ромалку! — Ты, кстати, документы еще не потерял?

— Пойдем. Какие еще документы? — отмахнулся он, но потом ответил серьезно: — Нет, не потерял. Я все же не настолько идиот.

— А насколько? — Чарген кокетливо хлопнула накрашенными глазами.

— Все-то тебе расскажи, — хмыкнул Шешель. — Нормально, мне хватает.

Проверив напоследок состояние хозяйки и заверив, что она спокойно спит, следователь оставил на столе несколько купюр, подхватил бумажный сверток со старой одеждой спутницы и потянул Чару прочь. Несколько секунд внимательно разглядывал лестницу

через дверной глазок, потом тихо выскользнул наружу и так же тихо прикрыл дверь за спиной Чарген.

Спускаясь, они, к счастью, никого не встретили, пусто было и во дворе, чему способствовала мерзкая погода, и не думавшая исправляться. Дождь зарядил всерьез и надолго, и Чара искренне радовалась, что у запасливой хозяйки нашлось несколько зонтов, один из которых позаимствовал Шешель. Одна спица была сломана, но это сказывалось только на форме, а не на работе зонта. Чарген, подцепив спутника под локоть, с иронией отметила, что этот кривобокий красавец их колоритной парочке подходит как нельзя лучше.

— Куда мы теперь?

— Дойдем до центральной улицы, поймаем машину.

— И в порт? — с сомнением спросила Чара, которой вообще было страшновато туда соваться. Очевидно же, что их будут ждать!

— И что нам там делать, в таком-то виде? — удивился Шешель. — Таксист умрет от любопытства. Нет, недалеко от воздушного порта есть деревенька, от нее около часа пешком. Едем в гости, к друзьям. Сядем в машину — ложись и спи или делай вид, что спишь, я сам буду разговаривать.

— Ладно. А мы все-таки попробуем сесть на дирижабль? — решила она высказать свои опасения. — Они ведь будут ждать нас там.

— Будут, но у касс, а не с черного хода. В статье писали, что ты можешь быть не одна, с сообщником, но подробных сведений про меня у них, похоже, нет.

— Это странно. Тебя же наверняка должна знать здешняя разведка, разве нет?

— Подозреваю, наш главный злодей просто не хочет с ними связываться, — предположил Стеван. — При всех местных особенностях, власти и сил у этой структуры достаточно, мозгов тоже. Они наверняка уже заинтересовались происходящим, все же явно замешан Ольбад. Если клан попытается обратиться к ним с вопросами, разведка в ответ поинтересуется, а зачем столь важным людям так сильно понадобилась молодая вдова пусть состоятельного, но вроде бы ничем не примечательного гражданина соседней страны. И убедительно соврать будет трудно. А своих людей на высоких постах у них, похоже, нет, иначе давно бы уже все выяснили.

— И все же, чем занимался Ралевич, что оказался связан сразу с двумя местными кланами? — задумчиво качнула головой Чарген.

— Дома узнаем, — отмахнулся Шешель, и разговор о деле на этом заглох, тем более они как раз вышли на широкую улицу с плотным движением.

Несмотря на все опасения Чары, судьба, кажется, была расположена к ним снисходительно, выместив дурное настроение с вечера. Никто не хватал их и не тащил в полицию или в газету, сдавать за вознаграждение. На странную парочку косились, но либо насмешливо, либо брезгливо, либо опасливо. Одинокие молодые женщины старались обойти подальше.

Машину тоже удалось поймать, пусть и не сразу.

— Деньги покажи, — вместо приветствия спросил водитель, когда следователь заглянул в салон.

— Эй, обижаешь, старик! — Тот качнул головой, но продемонстрировал несколько мятых купюр. — Гуляем мы! В гости едем!

— Прыгайте. Куда? — уже гораздо благодушной спросил шофер.

Чара, которая не понимала ни слова, как и было велено, пристроила голову на костлявом следовательском плече, прижалась к его боку. Поерзала, повздыхала, но в конце концов все-таки нашла удобное положение. Насколько удобно в этот момент было Шешелю, она интересоваться не стала. А он не возражал, держал спутницу крепко и всю дорогу разговаривал с водителем.

Тот оказался из удачной породы людей общительных, но не особо интересующихся окружающими: главное, чтобы слушали их. Слушал следователь внимательно, порой вставлял уместные замечания и задавал наводящие вопросы. Видя такого благодарного пассажира, водитель разошелся и трещал не переставая обо всем подряд.

Среди общего хлама мелькнули и зерна интересной информации. Например, о вчерашней перестрелке в окрестностях, когда столкнулись интересы двух кланов. Называл их водитель по районам, но Шешель припомнил нужную фамилию: Рофель.

Не мог не упомянуть шофер и последнюю новость: поиски «ольбадской fifы, которая с любовником прирезала муженька». И Стеван горячо и очень искренне согласился, с выразительной настороженностью — а вдруг проснется, услышит и приревнует? —

поглядывая на спутницу, что фифа хороша и он бы тоже с удовольствием с такой пропал где-нибудь в укромном уголке пару раз.

Но потом мужчины пришли к выводу, что фифы такие, конечно, хороши, но на раз, а что с ними потом делать? Своя баба хоть и дура, но все же к телу ближе.

В общем, в нужной деревне они расстались, полностью довольные друг другом, и авто укатило. Едва дождавшись этого момента, Чара нетерпеливо спросила:

— Ну?

— Что — ну? — хмыкнул Шешель и потянул ее по хлюпающей под ногами жиже к виднеющемуся в стороне лесу.

— Что он тебе интересного рассказал?

— Интересного или по делу? — с иронией уточнил он. — По делу — Рофель. Именно его клан, скорее всего, заказал браслет. Вообще, похоже, потому что интересов в Ольбаде у него немало, и перспективная техника входит в их число.

— И что теперь?

— Что теперь — что?

— Что с ними будет за это? Или ничего? — нехотя предположила Чарген.

— В любом случае решать это владыке, — пожал плечами Шешель. — Я же сюда летел не арестовывать кого-то, а возвращать «Щит» с материалами. Рофель, увы, вне нашей юрисдикции. Но очень может быть, что владыка обидится и создаст ему серьезные проблемы в делах. Не знаю, честно, я не люблю все эти большие игры.

— Что же, выходит, виновные так и останутся безнаказанными?

— Такова жизнь, — рассеянно отозвался следователь, бросив на спутницу задумчивый взгляд. — Но не все, конечно. Исполнителя-то мы уже поймали, в мое отсутствие и связи Ралевича наверняка проверили, всех причастных выявили, так что аресты будут. Не всегда всех удастся прижать, увы. Чаще, правда, доказательств не хватает, но тут еще и искать их бессмысленно.

Фраза про доказательства немного остудила Чаре голову, напомнив, что она тоже далеко не добропорядочная особа. Конечно, убивать никого не убивала и преступления ее не самые тяжелые, но все-таки — уж кто бы говорил! Сама-то не стремилась идти с

повинной даже несмотря на то, что после этого приключения твердо решила завязать...

Чарген, правда, еще не задумывалась всерьез, как именно выводить «из тени» саму себя, чтобы прекратить наконец менять имена и лица. Лучше всего, конечно, было продать квартиру, сменить район и окружение и начать жизнь с чистого листа, но...

Именно сейчас о таком варианте думать не хотелось. И Чарген не думала, отговаривалась тем, что для этого сначала нужно вернуться домой, и старалась не вспоминать об иных причинах. Причине единственной, которая шагала сейчас рядом.

Идти по лесу оказалось гораздо приятнее, чем по раскисшим деревенским улицам, даже несмотря на отсутствие каких-либо тропинок. Лес оказался редким, чистым, прозрачным — одно удовольствие. Как именно ориентировался здесь и держал направление господин Сыщик, Чара не спрашивала, неожиданно просто наслаждаясь прогулкой. Конечно, окажись погода потеплее и посуше, и удовольствия все это доставило бы больше, но выбирать не приходилось.

— У нас с тобой прямо как настоящее свидание, — со смешком заметила Чара. — Романтическая прогулка.

— Да уж, — неприязненно поморщился Шешель, перешагивая поваленный ствол, и протянул руку спутнице, чтобы помочь сделать то же самое. — В огне я видал такую романтику.

— Ты не любишь лес?

— Терпеть не могу, — честно признался он. — Еще с армии. Лес и бег. От последнего никуда не денешься, а вот с первым, к счастью, обычно удается не пересекаться.

— А какая у тебя военная специальность? — полубопытствовала Чарген, решив, что от такого интереса большой беды не случится и вряд ли она спросит что-то жутко секретное.

— Снайпер, — чему-то усмехнулся следователь.

— Ничего себе! — искренне восхитилась Чара. — Но вообще тебе подходит, да... Тебя поэтому и отправили одного, да? Что, привык один работать?

— Все-таки чему-то очень интересному учат девочек в пансионах, — хмыкнул себе под нос Стеван. — Нет, не поэтому. Я хорошо знаю регидонский, и внешность у меня для здешних мест

очень типичная и неприметная, а вмешивать основную агентурную сеть по такому делу не рискнули. Разведки следят друг за другом, лишнее движение непременно привлекло бы внимание. Нет, мне сказали, к кому обратиться, если совсем пролечу, но вроде все неплохо сложилось.

— Кстати, да, у тебя странная наружность для ольбадца. Или ты не оттуда?

— Ну родился в Беряне, но мать была отсюда, с этого берега, я в нее пошел. Ее родители эмигрировали в Ольбад, когда тут в конце прошлого века начался бедлам.

— А отец?

— Он из Беряны.

— Они живы? — все-таки спросила Чара. Они же только недавно познакомились, и интерес этот будет уместен...

— Нет.

От общих соседей Чарген прекрасно знала, что мать Шешеля умерла очень давно, когда тот был еще ребенком, а отец — несколькими годами позже, как раз когда Стеван служил. Подробностей соседи не знали, но вроде там была какая-то трагическая история с попыткой ограбления и убийством. Все единодушно сходились во мнении, что специальность себе Шешель выбрал именно после того случая.

Цветана всего этого, конечно, не знала, но Чара решила, что подробностями она интересоваться не будет.

— Извини.

— Да все нормально, они уже давно умерли.

— Ну... я своих никогда не знала, но напоминания об этом все равно неприятны.

Некоторое время они шли молча, и сейчас тишина совсем не нравилась Чарген, казалась напряженной и нервной. Как будто господин Сыщик действительно всерьез расстроился, вспоминая родителей. Это было странно, потому что очень не похоже на него, и Чара все больше склонялась к тому, что приписывает ему собственную реакцию: если бы мама умерла, Чаре было бы очень тяжело и неприятно об этом думать.

— Стей, а нас не поймают посреди поля? Воздушный порт же со всех сторон открыт, незамеченным не подойдешь, да и территория

наверняка огорожена...

— Огорожена, и к причальным вышкам мы, конечно, не сунемся. Даже если бы нас никто не искал, не так-то просто пробраться туда, куда посторонних не пускают. Нет, мы обратимся за помощью. На краю территории воздушного порта, у леса, стоят домики, в которых отдыхают экипажи дирижаблей между перелетами. Это удобнее, чем ехать в город в гостиницу.

— Наверное, тяжело так жить — постоянно не дома.

— Говорят, привыкают, некоторым даже нравится. Когда летают долго по одному маршруту, случается, и там и тут по квартире заводят. А некоторые даже по семье.

— Серьезно? — хмыкнула Чара, которая о жизненных перипетиях пилотов дирижаблей никогда не задумывалась.

— Более чем. Я как-то вел дело, одного такого вот хитрого и убили.

— Одна из жен?

— Как ни странно — нет, поделник, выручку не поделили. Он еще и контрабанду возил: две семьи содержать — удовольствие дорогое.

— Зачем ему это было нужно?

— Ну у мертвого-то доподлинно не выяснишь, но друг его уверял, что одинаково любил обеих. Что характерно, обе одинаково убивались по нему, даже сдружились на почве общей потери. Это ты вот мечтаешь об одном самом-самом, а кому-то мало, — поддел следователь. — Или он так до конца и не мог определиться, которая самая-самая.

— Ничего смешного, — пожала плечами Чарген. — Мечты разные бывают. Вот ты о чем мечтаешь?

— Взять пару дней отпуска и проспять их дома. Кряду, — со смешком ответил Шешель.

— Я серьезно! Сейчас я тоже мечтаю дома оказаться, это не считается. Неужели ни о чем более серьезном, глобальном не мечтаешь? И о женщине никогда не мечтал? Той самой, гипотетической или вполне конкретной.

— Было дело, — усмехнулся он, бросив на Чару непонятный, нечитаемый взгляд. — Но тоже не возвышенно, рано ты обрадовалась. Вполне конкретно и с определенной целью.

— Ты циник. И зануда.

— Никто не обещал, что будет легко, — рассмеялся Стеван.

— И никогда-никогда не влюблялся?

— Юношеские бурления, когда готов в каждую первую влюбиться, если она нужного пола и не вызывает ужаса, лишь бы познакомиться поближе, считаются?

— Тьфу, дурак! — Она недовольно ткнула спутника локтем в бок. Потом с шипением потерла пострадавший локоть, попавший аккурат по кобуре. — Нет!

— Значит, нет, — невозмутимо пожал плечами Шешель, поправив кобуру. — А ты, раз такая умная, что ж до сих пор свою мечту не воплотила?

— Ну... Я тоже всерьез не влюблялась. Только... так, немного. — Она едва не ляпнула «в юности» и мысленно ругнула себя за рассеянность. — Но меня это совсем не радует! Если бы повезло влюбиться и встретить настоящего мужчину, меня бы здесь, скорее всего, не было.

— У меня такой отговорки нет, я бы тут в любом случае оказался, — засмеялся следователь. — Кстати, да, как я мог забыть об этом главном чувстве своей жизни!

— Ты про любовь к работе? — иронично хмыкнула Чарген. — Ну да, действительно, как ты мог!

На этом разговор все-таки прервался, но в этот раз молчание уже не так тяготило, хотя и навевало унылые мысли. Мечтать-то можно о чем угодно, только Чара вполне отчетливо понимала: идеальный союз двух близких, понимающих людей для нее существовал лишь там, в мечтах. Уже хотя бы потому, что такого союза не может быть без доверия. Начать с чистого листа — заманчиво, но в ее случае это будет новый слой лжи. А вот так, как есть...

Ну кому в самом деле может понадобиться именно она? Как любовница — может быть, а как жена и спутница жизни... Мошенница, незаконнорожденная дочь мошенницы и почти шлюха.

Впрочем, почему — почти? Просто, выходит, элитная, очень-очень дорогая...

Мысли эти привычно окончательно испортили настроение. И не менее привычно разозлили — обычная реакция на вот это противное ощущение собственной слабости и ненужности.

У нее есть семья. Своих детей она все равно не хочет, потому что нанячилась в юности на всю оставшуюся жизнь вперед. А мужчины... С мужчинами можно просто получать удовольствие.

— Стей, нам долго еще идти? — постаралась отвлечься от неприятных мыслей.

— Немного осталось. Вон, если приглядеться, уже видны крыши. Сейчас поближе подойдем, и я сунусь на разведку. Надо понять, как туда пролезть. Да и какой нам домик нужен — тоже вопрос.

— Ой, а правда, — растерялась Чара. — А как мы попадем внутрь, там же забор?

— Я тебе сейчас древнюю, великую тайну открою, только пообещай — никому!

— Клянусь! — торжественно пообещала она, дав улыбку: Шешель явно дурачился.

— В заборах бывают дыры, — склонившись ближе, сообщил он страшным шепотом.

Чарген все-таки хихикнула, но спросила:

— И ты достоверно знаешь где?

— Предполагаю, — уже вполне серьезно ответил он. — Я же прикидывал пути отхода, и это был основной. Мне примерно описали, где и как искать эту дыру, посмотрю. Ну вот, здесь хорошее место. Стой, держи.

Всучив Чаре зонт, Стеван зашагал вперед и, несмотря на редкий подлесок, быстро пропал из виду.

Через пару минут она начала нервничать и топтаться по поляне. Сначала закралась трусливая мысль, что Шешель ее бросит и сбежит, но ее Чарген решительно отогнала. У нее браслет, а артефакт господин Сыщик точно не оставит врагу.

Потом тревожные мысли коснулись самого Стевана, и стало беспокойно уже за него — а вдруг поймали? Отделаться от этого страха оказалось не так просто, как от предыдущего, и Чара напряженно прислушивалась. Наверное, если бы поймали лазутчика, были бы крики, вообще хоть какой-то шум! Но шелестел кронами ветер, стучали по зонту крупные капли, лениво и сонно перекликались птицы — и все.

В нетерпении Чарген мерила пяточок земли ногами, пинала прелые листья, зябко ежилась от сырости и прикидывала, что и как она

может сделать для спасения Шешеля. Выходило — совсем ничего, и только отсутствие идей останавливало от нарушения приказа следователя. Появилась бы какая-нибудь хоть немного здравая мысль, и Чара уцепилась бы за нее, не теряя ни минуты.

Хорошо, что мысль так и не появилась, потому что наконец появился сам Стеван. Невозмутимый, бодрый и вполне довольный.

— Ну как? — подалась ему навстречу Чарген.

— Все нормально. Пойдем, нас ждут. — Он забрал зонт и потянул спутницу за руку.

Дыра в заборе оказалась внушительной: в одном месте металлическая сетка была оторвана от столба и отгибалась так, что Чаре пришлось лишь немного нагнуться.

Назвать «домиками» жилище для экипажей было бы преувеличением, но небольшим. Несколько длинных приземистых строений, разделенных на помещения с персональными входами, живописный вид на лес и причальные вышки, небольшие клумбы — весьма неплохие условия. Чара поняла, что поспешила со своим сочувствием.

К нужному входу Шешель подошел уверенно, не озираясь, — явно знал, куда именно двигаться. Дверь была незаперта, следователь пропустил спутницу вперед, а сам аккуратно стряхнул капли с зонта и вошел следом. Внутри оказалось уютно, нашлось все необходимое: широкая кровать, круглый столик с парой стульев, шкаф в углу. Окно одно, рядом с дверью, его закрывали плотные шторы, а напротив — дверка, кажется, в ванную комнату.

На ручке шкафа висел на плечиках синий китель, рядом в остальной части формы стоял и его хозяин — высокий статный мужчина с коротко подстриженными темно-рыжими волосами.

— Здравствуйте, — улыбнулась ему Чара и едва удержалась от смешка, представив, что за чудовище видит перед собой бедный пилот. Надо отдать должное, держался он с достоинством и хотя при появлении госты заметно опешил, но лицо его не перекосилось. — Цветана Ралевич.

— Душан Чайка, — опомнился хозяин дома. — Очень приятно. Располагайтесь, отдыхайте, лучше не включайте свет — могут обратить внимание. Я оставлю вам ключ, но, пожалуйста, никуда не выходите. Постараюсь все устроить, как договаривались, часа через

три вернусь, — обратился он уже персонально к следователю, надевая китель.

— Спасибо, — коротко кивнул Стеван.

Мужчины пожали руки, и Чайка, взяв фуражку и зонт, вышел.

— Здесь есть горячая вода, — с насмешливой улыбкой сообщил следователь, окинув спутницу взглядом.

— Я первая в душ! — не обманула его ожиданий Чарген и, на ходу стаскивая парик, устремилась к заветной дверце.

Провозилась она в итоге долго, и приличную часть этого времени — по объективным причинам. Разобрать прическу оказалось не так просто, да еще нормальной расчески не было, только совсем тонюсенький гребешок, с бинтами на ногах тоже пришлось повозиться. А потом... Потом некоторое время она просто не могла заставить себя выйти из-под ласковых горячих струй.

— Извини, я немного увлеклась, — виновато улыбнулась следователю, выходя в комнату в клубках пара и хозяйском просторном халате. Шешель сидел за столом и листал хорошо знакомую, но уже слегка помятую и засаленную папку. Пиджак висел на спинке стула, кобура, кажется, под ним.

— Я знал, на что иду, пропуская тебя вперед, — рассмеялся тот. — Дверь я запер, снаружи висит просьба не беспокоить — надеюсь, никто сюда не влезет. Если сунутся — бей стулом.

— Издеваешься? — вздохнула Чара с укором, провожая господина Сыщика взглядом. Тот, на ходу расстегивая рубашку, шагнул к заветной дверце.

— Разумеется. Но про стул — серьезен как никогда.

Дверь закрылась, зашумела вода. Чарген присела на край постели и еще раз осмотрелась. Взгляд зацепился за разложенные документы, и мошенница тяжело вздохнула, в очередной раз сетуя на себя за недостаток образования.

Впрочем, недостаток этот с ней ненадолго, скоро Чара от него избавится. Не прямо сейчас, конечно, а когда вернется в Беряну и начнет новую жизнь. Обязательно начнет, потому что после всего случившегося уже совсем не хочется возвращаться к прежним привычкам, тошно даже думать об этом. И уже совсем не разочаровывает, что с Ралевичем она, получается, сработала в минус: сейчас другие ставки, выжить бы!

Вернется домой, осенью попробует поступить в Зоринку.^[3] Если не этой, то следующей — обязательно сумеет. А если получать стипендию и найти подработку, хотя бы в той же самой библиотеке, на жизнь вполне хватит, да и запасы кое-какие имеются, не пропадет. Выучиться, стать настоящим магом... Может быть, даже целителем — она ведь сможет, она талантливая.

Интересно, как Шешель отреагирует, если в квартиру по соседству въедет она? Не мышка, не какая-то еще из масок, а Чарген Янич, ромалка тридцати четырех лет от роду. Интересно, ему нравятся брюнетки?..

Но ужаснуться этой мысли Чара не успела, потому что предмет раздумий появился на пороге ванной. В расстегнутой рубашке навывпуск, со слипшимися от воды взъерошенными волосами, которые торчали иголками, — возмутительно уютный и домашний, несмотря на неизменно цепкий внимательный взгляд.

При появлении следователя Чарген машинально поднялась со своего места. И шагнула ему навстречу — чтобы не думать.

ГЛАВА 7

Рефлексы быстрее разума, но именно ему приходится разгребать последствия

— Ты быстро, — неуверенно улыбнулась Чара, стоя близко-близко и не зная, как сделать последний шаг, так, чтобы Шешель не посчитал ее сумасшедшей.

Вот странно, вроде бы он ненамного выше, всего на несколько сантиметров, но Чарген чувствовала, что смотрит на него снизу вверх, как ребенок на взрослого. Что-то такое... располагающее к этому читалось в его взгляде сейчас. Как будто он точно знал, о чем она думала, не одобрял, но давал возможность все-таки сотворить задуманную глупость.

— Да мне-то что мыть? — Он выразительно взъерошил волосы еще больше.

— Ну... погреться хотя бы, — еще неуверенней проговорила Чара, опустила взгляд на его грудь.

Все же решилась и коснулась кончиками пальцев впадинки между ключиц. Кожа оказалась горячей и немного влажной.

— Да я не замерз, — спокойно ответил следователь. Не делая шага вперед — но и не отталкивая, и Чарген окончательно плюнула на сомнения.

Пускай. Пусть считает ее распушенной и вообще какой угодно, все равно они через несколько дней расстанутся, и Цветана Ралевич исчезнет.

Ладонь ее скользнула по груди мужчины в сторону, отодвигая полу рубашки. К ней присоединилась вторая рука, и обе переместились на плечи, сбрасывая одежду. Следователь не препятствовал, и рубашка белым облачком осела на пол.

Тело Стевана выглядело странно и непривычно, казалось граненым и словно целиком состояло из острых углов. Мышцы не сглаживали фигуру, а, наоборот, подчеркивали эту угловатость. Чарген, окинув хозяйственным взглядом, пришла к выводу, что, несмотря на необычность, ей скорее нравится, чем нет. Да, не фигура атлета, но

Шешелю та и не подошла бы. А так... словно он небрежно вырублен из куска камня. Или льда?

— Ты уверена, что это хорошая идея? — негромко спросил он, подцепил ее за подбородок кончиками пальцев и вынудил поднять взгляд.

— Уверена, — улыбнулась Чарген уголками губ.

Больше вопросов не последовало. Зато последовал поцелуй, от которого перехватило дыхание, а сердце торопливо застучало в горле. Развязать пояс халата — мгновение, скинуть его с женских плеч — еще одно, и Чара не сдержала довольного вздоха, когда ладони Шешеля наконец коснулись ее безо всяких преград. Огладили талию, и одна устремилась ниже, на бедро, заодно прижимая Чару к твердому телу.

Поцелуй стал глубже, горячее. Чарген с восторгом ощущала растекающееся по телу тепло предвкушения и возбуждения. Она хотела этого мужчину, и с каждым мгновением все больше.

Он набрал ее тяжелые, влажные после душа волосы в горсть, потянул, вынуждая запрокинуть голову сильнее. Покрыл поцелуями шею, и Чара тихо блаженно ахнула от удовольствия — от того, как легко он находил самые чувствительные точки.

Новое прикосновение губ к губам — и Стеван, обхватив ладонями ее талию, сделал небольшой шаг вперед, тесня к кровати. Край матраца толкнулся под колени, и Чара, выскользнув из сильных рук, плюхнулась на постель. Пробежала взглядом по телу следователя, любуясь, потом — выше, на лицо.

Стыдливо прикрыться она не попыталась. Глупо, да и чего ей стыдиться? Пусть тоже любит. Она же ощущает его взгляд почти физически и точно знает, что увиденное ему нравится.

Стеван не спешил. Пару секунд стоял и просто смотрел, потом, точно так же без спешки, взялся за ремень брюк. И Чара поняла, что это ей тоже нравится — его выдержка, его невозмутимость. И если сейчас она вдруг передумает и скажет «нет», он не наговорит гадостей и уж точно не попытается принудить силой. Конечно, не промолчит, выскажется в своей обычной манере, но точно так же спокойно оденется.

Интересно, есть в мире хоть что-то, способное поколебать невозмутимость этого человека? Вывести из себя всерьез, до потери

самоконтроля?..

Чара тоже не спешила. Сидела на кровати, опираясь на расставленные руки, и смотрела, растягивая удовольствие, наслаждаясь собственным предвкушением и нетерпением. Когда последний раз она была с мужчиной вот так? Чтобы пальцы подрагивали от желания прикоснуться, чтобы просто оттого, что он рядом, внутри все сладко таяло и замирало от возбуждения... Давно. Очень давно.

Да, сама виновата, и никто больше. Да, сама таких выбирала. Но сейчас она выбрала его, и плевать, что будет потом.

Чарген встала на колени на краю постели, как раз когда Стеван избавился от одежды, обняла его за плечи и потянула к себе. Мгновение, другое — и под спиной прохладные простыни, а сверху — горячая тяжесть мужского тела. И новый поцелуй, уверенный и уже более жадный, нетерпеливый.

Выдержка выдержкой, но сейчас он не прятал собственного желания. Может быть, и не пытался, но Чаре приятнее было думать, что не мог. Потому что саму ее уже пробирала мелкая дрожь предвкушения, а ведь это только начало!

Потом она удивится и, может, даже испугается, как быстро и безвозвратно исчезают рядом с этим человеком ее здравый смысл, осторожность и самоконтроль. Потом она растеряется: ведь в жизни были мужчины, с которыми было хорошо, но почему-то никогда не было хорошо настолько. Потом в очередной раз удовлетворенно подумает, что не ошиблась в Стеване. Потом. Все потом.

А пока сбивалось дыхание, и Чара жадно глотала воздух, выдыхая стоны. Выгибалась под ласкающими прикосновениями мужских рук, отчаянно тянулась за поцелуями, цеплялась за его плечи, гладила спину, грудь, руки и все больше растворялась в происходящем. Целовала сама — с упоением, с трепетом, — и от хриплого звука его учащенного дыхания, от того, как тело его отзывалось на прикосновения, окончательно и бесповоротно теряла голову.

Пока не взмолилась о большем, желая чувствовать его полностью, — и захлебнулась стоном, получив желаемое. Чаре хватило всего нескольких размеренных, сильных движений, чтобы тело скрутило сладкой судорогой наслаждения. И хорошо, что Стеван

успел закрыть ей рот поцелуем, иначе у соседей за тонкими стенами возникли бы вопросы.

Пара секунд промедления — и снова движение, мерный, ускоряющийся ритм которого сводил с ума. Опираясь на локоть, второй рукой мужчина придерживал бедра женщины, контролируя, не позволяя вести в этом танце. И ощущение его мягкой, но неоспоримой власти над ее телом возбуждало едва ли не сильнее, чем сами прикосновения.

Новая волна удовольствия накрыла Чару, когда движения мужчины стали рваными, а ладонь стиснула ее бедро до боли. Он снова закрыл ей рот, не позволяя вскрикнуть, — и по его напряженному телу прошла волна дрожи. А Чарген крепче впиалась пальцами в твердые плечи, наслаждаясь не только своими ощущениями, но и его. Тем, как Стеван, шумно дыша, уронил голову ей на плечо, продолжая удерживать вес на локте. Как длинно вздохнул, передернув плечами, и на пару мгновений крепче прижал к себе, а губы его легко, почти невесомо коснулись кожи, словно благодаря.

Несколько секунд они лежали неподвижно, потом он упал на бок, перевалился на спину. И Чарген, совершенно не думая, что делает, последовала за ним. Прильнула всем телом, устраивая голову на твердом плече, обняла. Стеван накрыл ладонью лежащую на груди руку любовницы, второй — обнял за плечи.

Чара блаженно потерлась о его плечо щекой, опять дотянулась губами до шеи, потом уткнулась в нее носом, впитывая тепло и запах удовольствия. Хотелось мурлыкать. Она поймала себя на том, что улыбается, — просто потому, что ей сейчас хорошо.

И в этот момент внутри проснулась запоздалая тревога. Чарген никогда не любила вот так нежиться в постели. Даже с теми мужчинами, с которыми оказывалась в ней для удовольствия и получала его в полной мере. Было глупо и неловко — они оба взяли что хотели, какой смысл тратить время на мелкие глупости, когда ждут большие дела!

А сейчас — хотелось. Лежать, чувствовать, как под рукой постепенно выравнивается стук сердца, как тело тонет в сладкой неге. Как зябнут плечи, остывая от недавнего жара, и от этого хочется еще теснее прижаться к горячему телу любовника.

Это испугало. Потому что Чара осознала: ее отношение к господину Сыщику сильно отличается от отношения к прочим мужчинам. В глубину, в сторону доверия и нежности, и это точно нельзя объяснить благодарностью за спасение. Это уже совсем не азарт, удовольствие от игры или желание попробовать его на вкус, а другое чувство. И это совсем, совсем неправильно!

Боги! Да, она хотела влюбиться, но... почему именно сейчас? Почему именно в него?! Они провели вместе меньше суток, когда?!

А потом вдруг с ошеломляющей ясностью поняла: давно. Еще когда сталкивалась с ним порой возле дома, в лифте или на лестничной площадке. Когда он улыбался и называл ее мышкой. Вот в эту улыбку и холодные, цепкие глаза. И именно поэтому так навязчиво хотелось поцеловать его и затащить в постель, любопытство тут совсем ни при чем. Не какого-то абстрактного мужчину она хотела, предполагая, что ей с ним будет хорошо, и желая забыть прикосновения покойного мужа, а совершенно определенного, именно этого.

Захотелось заорать в голос, проклиная Ралевича, который ее сюда затащил, и ту сволочь, которая его прирезала, обеспечив Чарген продолжительное общение с господином Сыщиком и вот это неуместное открытие.

Но вместо этого Чара опять потерлась щекой о теплое, твердое плечо и спросила:

— Как мы попадем на дирижабль?

— Я — под видом одного из грузчиков, а ты — в качестве ценного груза.

— Чего? — Мошенница так опешила, что напрочь забыла о своих недавних переживаниях и приподнялась на локте, чтобы заглянуть в бесстыжие глаза. — Ты серьезно?

— А как еще ты предлагаешь *незаметно* провести тебя на борт, если твоя мордашка известна каждой собаке и сотрудники порта наверняка оповещены особо? — с чрезвычайно довольной улыбкой поинтересовался следователь, вопросительно выгнув брови.

— Ты... Ты! — Чара упала обратно на постель и возмущенно ткнула его кулаком в ребра.

Шешель даже не поморщился, но крепче притиснул ее к себе, лишив возможности махать руками. И Чарген даже не удивилась, что

возмущения такое движение вызвало гораздо меньше, чем удовольствия.

— Это просто, надежно и быстро. Полежишь пару часов в ящике с опилками, поспишь, потом переберешься в комфортабельную каюту. Я бы с радостью с тобой поменялся, мне-то эти ящики таскать.

— Ладно, ты прав, извини, — со вздохом признала Чарген, опять потерлась щекой о плечо следователя — уж очень нравилось ей это ощущение. — Просто я слишком расслабилась, такое чувство, как будто мы уже в безопасности, а ведь это пока видимость. И как я попаду в этот ящик? То есть мне опять надо надеть парик, чтобы никто не узнал?

— Душан обещал подогнать фургон прямо к дому, упакуем тебя по дороге.

— Я боюсь темноты и замкнутых пространств, — тихо напомнила она. — В детстве случайно оказалась заперта в шкафу. Не уверена, что справлюсь с этим.

— Придется тебя вырубить и постараться управиться побыстрее, — после короткой паузы рассеянно проговорил Шешель.

Несколько секунд они помолчали, пока Чара пыталась придумать новый важный вопрос, чтобы не погрузиться опять в пучину мрачных мыслей, для которых добавился еще один повод. Стоило представить, что ее заколотят в маленький темный ящик, и уже сейчас начинало трясти от страха. Но ничего так и не придумалось, и Чарген решила воспользоваться другим доступным способом борьбы с тяжелыми мыслями.

Погладила ладонью лежащего рядом мужчину по груди, по животу, а сводом стопы — по ноге вверх, по голени, по колену, на бедро. С удовольствием отметила, что эти ее прикосновения вызывают однозначную реакцию, и приподнялась на локте, чтобы вдохновенно, с удовольствием поцеловать чувствительную шею. Стеван запрокинул голову, охотно позволяя это.

— Если ты надеешься так уговорить не сажать тебя в ящик, это не поможет, — со смешком предупредил он.

— Дурак. Не напоминай мне про этот ящик, — проворчала она и подвинулась, чтобы закрыть болтуну рот поцелуем. Только она немного расслабилась и настроилась на позитивный лад!

К счастью, продолжать тему Шешель не стал и вообще умолк, так что Чара поспешила развить успех, уселась верхом. Подсохшие волосы тут же полезли в лицо, она выпрямилась, отфыркиваясь, отбросила их за спину. В первый момент — просто потому, что они действительно мешали, но потом поймала жадный взгляд любовника и прогнулась уже намеренно, красуясь, тряхнула головой. Предложение Стеван принял, его ладони неспешно огладили ее талию, приласкали грудь.

Потом одна опять вернулась на талию, потянула, заставляя наклониться. Волосы снова попытались попасть в лицо, но мужчина с явным удовольствием собрал локоны в обе горсти.

Чара с иронией подумала, что у господина Сыщика все же есть как минимум одна маленькая слабость: длинные женские волосы. И как здорово, что уж эта деталь ее внешности — настоящая, если не считать их цвета.

Последнюю опасную мысль Чарген поспешила откинуть, а потом на некоторое время стало совсем не до тревог и страхов.

Появления Душана Чайки они дождались на той же постели, но сидя и уже полностью одетыми. Чара почти с нежностью сменила жуткие тряпки на собственное платье, хотя, конечно, предпочла бы сменить это платье и белье на чистое.

Стараясь отвлечься от предстоящего потрясения, Чарген изо всех сил пыталась разговорить спутника на любую тему. Тот, кажется, понял ее проблему и неожиданно решил войти в положение, во всяком случае, разговорился быстро. В основном, конечно, он и рассказывал — о дирижаблях, о Регидоне, о Зоринке, когда Чарген высказала мысль поступить туда учиться. А еще он знал бесчисленное множество следственных баек, и с его чувством юмора все это звучало очень увлекательно.

Капитан вернулся один, без машины, но с двумя свертками, в одном из которых оказалась одежда для Шешеля — раздолбанные ботинки, синие штаны, синяя роба и смешная кепка. Собственную одежду Стевана Чайка убрал в свой чемодан, туда же спрятали и пистолет, все равно быстро вытащить его из-под робы невозможно.

— Красавец-мужчина! — не удержалась от замечания Чарген, насмешливо разглядывая переодетого следователя. — Зря только фингал смыли.

В новый наряд тот вписался удивительно органично, словно родной, словно именно в таком проводил большую часть времени. Особенно если надвинуть козырек и спрятать уж очень цепкий взгляд. Не хватало сигарки в уголке рта, и образ вышел бы завершенным, у него даже как будто осанка поменялась.

А вот второй бумажный пакет произвел на Чару еще более неизгладимое впечатление.

— Душан, я вас уже люблю, так и знайте! — сообщила она, с нежностью вцепившись в свежий, еще теплый слоеный рогалик.

Пилот рассмеялся, но с некоторым опасением покосился на Шешеля. Чарген, заметив это, едва не захихикала. Ревности, что ли, ждал? Наивный.

А потом погрузилась, когда поняла, что была бы не против, если бы...

— Хочешь? — щедро предложила она все-таки своему товарищу по несчастью, который тоже ел какие-то пирожки, но совсем не такие аппетитные.

— Я, конечно, тронут, но я сладкую сдобу не люблю, — усмехнулся господин Сыщик.

— А вы? — предложила Чара хозяину.

— Ешьте, — улыбнулся он. — Я не голоден, а вам полезно сладкое, после всего пережитого.

Оставшийся до погрузки час прошел в той неповторимой атмосфере, когда одной проблемой оказываются связаны люди, у которых нет больше ничего общего и которые скоро навсегда расстанутся. И обсуждать ее вроде бы глупо, все пять раз оговорено, и о чем-то светски болтать совсем не тянет.

Капитан явно предпочел бы пофлиртовать с хорошенькой Цзетаной или почитать одну из книг, которые лежали в чемодане, но при Шешеле ему неловко было делать первое, а при девушке — второе. Чара тоже с удовольствием поговорила бы с кем-то из мужчин, но светский разговор ни о чем не клеился, только усугубляя чувство неловкости, а для чего-то большего мысли ее слишком занимал все тот же Шешель. Который, в свою очередь, при появлении постороннего напрочь растерял всю свою говорливость и с невозмутимостью изваяния сидел на стуле, рассеянно оглядываясь и о чем-то размышляя. Его ожидание явно не тяготило, вот уж точно — настоящий снайпер.

Появление возле дома автомобиля с облегчением восприняла даже Чара, которой совсем не хотелось прятаться в коробку. Хотя там-то тоже предстояло ждать, причем в гораздо менее удобных условиях.

Трясти Чарген, независимо от раскачивающегося кузова фургона, начало ровно в тот момент, как она села в стружку, насыпанную в продолговатый ящик, жутковато похожий на гроб, разве что пошире. Таких в кузове стояло несколько, а из людей компанию Чаре составляли только Шешель и Чайка.

— Не волнуйся, дырок полно во всех стенках, — успокоил ее следователь, аккуратно пытаясь отцепить побелевшие от напряжения пальцы будущего ценного груза от бортика ящика.

— А можно мне твою зажигалку? Ну или какой-нибудь еще источник света...

— Хочешь сгореть заживо? — мрачно спросил следователь. — Цвета, я тебя сейчас правда вырублю.

— Вырубай, — обреченно кивнула она.

— Погодите, у меня же ручка есть, — опомнился капитан.

— Какая ручка? — растерялся Стеван, а Чара уставилась на Душана с отчаянной надеждой во взгляде.

Про ручку она тоже не поняла, но «погодить» готова была очень долго, лишь бы ее не запихивали в ящик.

— Сувенир. Там очень слабый белый светлячок, местные такими деньги проверяют. Я ее с собой вожу — ручка хорошая, но писать ею очень неудобно, самое то в дорогу, когда много не надо.

Чарген приняла подношение и теперь столь же отчаянно цеплялась за свой будущий маяк, выпустив наконец бортик ящика.

— Убери в рукав, так, чтобы наружу светлячок торчал, — велел Шешель. Чара не поняла зачем, но все же послушалась. — До встречи в небе.

Чарген ойкнула и вздрогнула, когда следователь одной рукой перехватил ее за горло, а второй больно нажал на какую-то точку у основания шеи. Последнее, что Чарген видела, прежде чем лишиться сознания, — слабая фиолетовая вспышка магического воздействия.

Чайка молчал, помогая следователю уложить бессознательную девушку, закрыть ящик и аккуратно приладить на место «волшебные» пломбы — такие, которые легко можно снять, зная секрет. Капитан понимал, что лезть в чужие дела со своими замечаниями глупо, да и

тысячу раз прав Шешель: нет других вариантов. Но молчал все равно укоризненно, потому что насмерть перепуганную девушку было искренне жаль, и стоило хотя бы сказать ей что-то ободряющее перед тем, как вот так...

— Не скрипи на меня так зубами, эта дамочка крепче, чем кажется, — проворчал Стеван наконец.

— Я не знаю, что там с ее крепостью, но напугана она была всерьез. У нее же явно фобия. Она и умереть в этом ящике может с перепугу...

— Значит, нам надо как можно быстрее погрузить все это и выгнать проверяющих, чтобы достать ее на свет, — пожал плечами следователь.

Как человек совсем непугливый по жизни и напрочь лишенный каких-либо фобий, он был совершенно уверен, что проблема преувеличена и ничего страшного с женщиной не случится. Однако с каждой минутой тревога покусывала все сильнее. То ли слова Чайки запали в голову, то ли тоскливо-обреченный взгляд Цветаны, которая до сих пор не давала повода считать себя отъявленной трусихой.

И Стеван непроизвольно прислушивался, ожидая криков и стука из ящика: эффекта того фокуса, которым он отправил спутницу отдыхать, могло хватить максимум на час, который пролетел за погрузкой. Потом потянулись нервные минуты ожидания, которые, как назло, не получалось сократить: в трюме постоянно толклись посторонние. То кому-то не понравилось закрепление пары контейнеров, пришлось переделывать, то какие-то проблемы с сопроводительными бумагами на два мешка почты. Час, другой — из ящика не доносилось ни звука. Конечно, в «умереть» Шешелю совсем не верилось, но...

Он волновался. За нее. Несмотря ни на что. Поэтому, когда трюмы наконец закрылись и дали разрешение на взлет, после одобряющего кивка Чайки — можно, никто не сунется, — отправился вызволять спутницу едва ли не бегом, благо сорвать крышку он мог и в одиночестве.

Что все плохо, он понял, когда Цветана не откликнулась. А открыв ящик, убедился в этом. И на мгновение замер в беспомощной растерянности, не зная, что с этим делать. Свернувшись калачиком, насколько позволяли размеры ящика, она судорожно вцепилась обеими

руками в ручку, не сводила с нее совершенно стеклянного взгляда и мелко-мелко тряслась всем телом.

— Цвета! — окликнул он, коснулся локтя, потрянул...

Попытался. Тело было напряжено так, что пошевелить ее не получилось. На ощупь это выглядело один в один трупное окоченение, только дрожь и выдавала, что она жива.

— Цвета! — позвал снова, потянул — без толку.

Нужный ящик стоял на другом, тянуться было неудобно, пришлось тоже залезать в него, благо места оставалось предостаточно. Опять потянул за плечо, поднял — ровно в том же положении, в котором она находилась до этого. Кое-как вытащил, ругаясь сквозь зубы. По-хорошему стоило бы отнести ее в каюту и позвать врача, в штаге такой был, но...

Он никак не мог поверить, что все это на самом деле. Ну правда, она пару часов просидела в ящике, что могло случиться?! А вот случилось.

Стеван опустился прямо на пол, привалившись спиной к какому-то тюку, угнездил Чару у себя на коленях, отгоняя неприятное ощущение, что держит в руках деревянную болванку.

— Да чтоб тебя... Цвета! Или как там тебя на самом деле? Биляна? Посереть!..

Не помогли оклики, тряска и пара легких пощечин. В раздражении он вывернул из ее рук светлячка с ручкой, который злил тем, что прицельно светил в глаз, и вот это неожиданно возымело действие.

Она закричала, забилась, из глаз хлынули слезы. Шешель испытал облегчение — это состояние было гораздо более знакомым и не настолько впечатляло. Сжал крепче на несколько секунд, пережидая крики и не позволяя удариться или ударить его. А потом силы разом оставили молодую вдову, она обмякла и разрыдалась тихо, безутешно, цепляясь за робу на его груди.

— Все в порядке, — тихо заверил он. Провел рукой по волосам, собранным в мягкую косу, выбрал несколько запутавшихся завитков стружки. — Все позади, мы в безопасности. Ты молодец, ты справилась, летим домой.

Они долго так просидели. Чара рыдала, Стеван обнимал ее, гладил по голове и спине, говорил что-то рассеянно-приободряющее.

И даже если бы он задался таким вопросом, то, наверное, и самому себе не смог бы ответить почему. Почему возится сейчас с этой сомнительной девицей, вместо того чтобы хорошенько встряхнуть и оттащить к врачу, что обязательно сделал бы в такой ситуации раньше. Почему несет всю эту утешительную чушь. Почему, наконец, чувствует себя виноватым в ее состоянии, хотя никак не мог на него повлиять. Ну не достанешь так просто и так быстро надежное снотворное, которое позволило бы ей спокойно проспать все эти часы, а другого выхода, кроме как с ящиками, не нашлось. Он-то нашелся чудом!

— Цепляйся, — велел Шешель, когда истерика окончательно прошла и Чарген только изредка тихо всхлипывала, продолжая молча к нему жаться. — Попробую отнести тебя в каюту.

— Попробуешь? — тихо и сипло спросила Чара.

— Ну а вдруг не донесу? Ты, знаешь ли, тяжелая, а я уже за сегодня натаскался на год вперед.

Проявлять гордость она не стала, послушно уцепилась за крепкие плечи. Да следователь явно не ждал от нее излишней стойкости, просто дурачился, потому что какой бы тяжелой она ни была, а поднялся с этой ношей он прямо так, с пола.

С капитаном в сопровождении какого-то немолодого мужчины в гражданском они столкнулись буквально на выходе из трюма.

— Цветана? Как вы? — с искренним сочувствием спросил Чайка.

— Терпимо, — нехотя заверила Чарген, у которой не было никаких сил разговаривать и тем более улыбаться посторонним.

— Это доктор Меккель, — представил тем временем капитан, придерживая Шешелю дверь. — Я попросил его осмотреть вас.

— Нет нужды, я... — поспешила заверить Чара.

— Доктор очень кстати, — одновременно с ней одобрил следователь, встряхнув свою ношу, которая от такого резкого движения ойкнула и едва не прикусила язык. Намек оказался более чем прозрачным, больше она спорить не стала, только вцепилась крепче. — Пойдемте.

Каюту им, к радости Чарген, выделили одну на двоих — единственную свободную. Пассажирских мест на дирижабле имелось немного, рейс был больше грузовым, те, что имелись, выкупались заранее, а эту придерживали «для своих». Капитан благородно

предлагал уступить свою, но его заверили, что они прекрасно разместятся вдвоем.

Осмотра доктора Чарген опасалась по вполне объективной причине: вдруг он окажется слишком внимательным и обратит внимание на магическое воздействие, которому подверглось тело? Шанс невелик, такие вещи надо специально искать, но мало ли!

К счастью, ничего эдакого доктор не нашел, заверил, что стресс сильно на ней не сказался, выдал какие-то успокаивающие капли и прописал здоровый сон. Последней рекомендации Чарген последовала особенно охотно: пережитое в ящике оставило ее совершенно опустошенной и обессиленной. Даже мысли о господине Сыщике сейчас не тревожили. Кое-как раздевшись, Чара забралась в постель и отключилась еще до возвращения следователя, вежливо покинувшего каюту, чтобы не мешать осмотру.

ГЛАВА 8

Поступать правильно зачастую не очень-то приятно

Обратный перелет из Регидона в Ольбад Чарген решила считать компенсацией дороги туда и искренне наслаждалась процессом. По-прежнему не хватало только смены одежды, но это неудобство показалось ничтожным, особенно после того, как она аккуратно перестирала нижнее белье и более-менее отчистила платье.

Со своим особым отношением к Шешелю она смирилась. И хоть порой позволяла себе помечтать о несбыточном, тем более в мелочах явственно сквозила его ответная симпатия, но очень осторожно. Чара прекрасно сознавала, что счастливой супружеской пары из них двоих не выйдет: открывать собственное прошлое господину Сыщику более чем опрометчиво, а вечно водить его за нос в шкуре Цветаны она не сумеет. Да и не захочет, если совсем честно.

Поэтому Чарген приняла твердое решение: насладиться процессом сейчас, избавиться от браслета в Беряне и вычеркнуть следователя из собственной жизни. Совсем. Продать квартиру, начать с чистого листа. Да, больно и трудно, но она просто не сможет дальше убедительно изображать «мышку», каждый раз видя его и вспоминая все эти приключения. И поцелуи. И ласкающие прикосновения его рук...

Жить с таким принятым решением стало грустно, но гораздо легче, чем до него. Видимо, потому, что Чара понимала его единственную правильность.

Хотя помнить о нем и следовать ему с каждым днем становилось все сложнее, потому что в спокойной, расслабленной обстановке она все лучше узнавала этого человека и все больше сердилась на судьбу за ее жестокую иронию. Потому что из всех мужчин, которых Чарген встречала, — и речь совсем не о любовниках и «жертвах», а о мужчинах в общем, — именно господин Сыщик подходил ей лучше всего. Почти идеально.

С ним было хорошо в постели. С ним нравилось просто молчать, читая рядом книги. С ним было интересно разговаривать о каких-то серьезных посторонних вещах. С ним было весело дурачиться, обмениваться насмешливыми замечаниями и подтрунивать друг над другом. На сторонний взгляд, порой грубо, но, главное, процесс доставлял удовольствие обоим.

С некоторым удивлением Шешель выяснил, что его спутница умеет и любит играть в клетки — стратегическую игру на доске с фигурами. С еще большим изумлением обнаружил, что играет она в них неплохо и выигрывает три из десяти. И это его удивление с нотками уважения Чаре тоже очень нравилось и чрезвычайно льстило...

Конечным пунктом следования дирижабля была не Беряна, но остановку в столице он делал, поэтому удалось обойтись без пересадок.

В Ольбад блудные дети вернулись глубокой ночью, что встретила россыпью звезд на ясном небе и обилием знакомых запахов, от которых с непривычки кружилась голова. Несмотря на позднее время, возле здания порта дежурили автомобили такси, поэтому с транспортом проблем не возникло.

— Куда мы едем? — тихо, стараясь спрятать напряжение в голосе, спросила Чарген.

Тревога затеплилась в ней еще тогда, когда дирижабль причаливал, и с каждой минутой только крепла. Наверное, дело было в предстоящем расставании: короткая сказка кончилась, пора возвращаться в действительность и выкидывать из головы и сердца возмутительно прочно обосновавшегося там мужчину.

— Ко мне, — спокойно отозвался следователь. — В управлении все равно сейчас никого нет, и тащиться туда не хочется. А тот специалист, который ответственен за артефакт теперь, живет гораздо ближе ко мне, чем к зданию СК. Или тебя отвезти домой?

— Нет, — рассеянно отмахнулась она. — Не хочу оставаться там сейчас, да еще одна...

Возвращаться в дом к Ралевичу не собиралась: сейчас явно неподходящий момент вскрывать его сейф, если в нем вообще что-то осталось после наверняка прошедших обысков. В той каморке, где ютилась под именем Цветаны Лилич, тем более делать нечего. Ну а

другой, более настоящий дом... Как это ни смешно, а везет он ее именно туда.

Те добрососедские отношения, которые прежде связывали Чару с господином Сыщиком, не предполагали приглашения в гости, поэтому в квартире следователя мошенница никогда раньше не бывала и сейчас, когда пришла вслед за ним туда, оглядывалась с искренним любопытством. И смешанным чувством досады и сочувствия.

Здесь было... пусто. Квартира очень походила на ее собственную — три комнаты, просторная кухня-столовая, но две оказались закрыты, в них хозяин ее даже не повел. Отшутился: «Туда лучше не заходить, я там не бываю, мало ли что завелось за годы».

Кухня тоже, похоже, не пользовалась большой популярностью. Обставленной со вкусом и любовью, ей явно не хватало мелочей, какие расползаются по всем поверхностям даже у самой аккуратной и чистолюбивой хозяйки. Салфетки, скатерти, симпатичные безделушки, красивые баночки для пряностей, прихватки и полотенца, крючки для тех вещей, которые редко бывают нужны, но занимают на полках слишком много места, — всего этого не было. То есть крючки были, но пустовали.

Одна сковородка, одна небольшая кастрюлька, слегка закопченный чайник, единственная сохнувшая на столе кверху донцем кружка. Человек, который здесь жил, здесь... не жил. Он изредка заходил, что-то разогревал, пил чай и аккуратно убирал за собой. И никогда не приводил гостей.

Чуть менее удручающее впечатление производила спальня, она же единственная по-настоящему обжитая комната. Помимо широкой низкой кровати, здесь стояли платяной шкаф, книжный и секретер, несколько полок занимали книги, на полках сверху возвышались аккуратные стопки журналов и газет. Привлекали внимание тикавшие на стене старые часы в резном корпусе, покрытом темно-вишневым лаком. На прикроватной тумбочке у телефона лежал какой-то пухлый желтый журнал, в который Чара сунула нос, пока Шешель доставал из шкафа свежее полотенце. Правда, тут же поспешно вынула обратно: название «Вестник судебно-медицинской экспертизы» не обещало ничего приятного.

— А халат у тебя есть? — спросила Чара, взяв полотенце из рук хозяина квартиры.

— Халат... С халатом сложно, — поморщился он, окинул Чарген оценивающим взглядом и достал из того же шкафа чистую рубашку. — Держи. Больше ничего предложить не могу.

— Хм. Ну если больше ничего нет, не ходить же голой! — Она демонстративно трагически вздохнула, хотя ничего против рубашки не имела. Это даже казалось... забавным?

— Ты вдруг начала стесняться? — усмехнулся Стеван.

— Да нет, просто холодно просто так ходить после душа. Чего мне стесняться? — Она беспечно пожала плечами и ушла, на ходу неторопливо расстегивая платье и выразительно покачивая бедрами. И не надо было оборачиваться, чтобы знать: смотрит следователь именно туда, куда надо.

В душ Чара забралась со смесью тоски и предвкушения. Последние несколько часов вместе, а потом все. Потом надо будет как-то забыть о существовании этого человека, насовсем забыть. И как бы ни было заманчиво «познакомиться» с ним вновь, нет ничего более глупого...

Когда почти сразу на этих мыслях отдернулась занавеска, отделявшая ванну от остальной комнаты, Чарген шарахнулась и вскрикнула совершенно инстинктивно, прижалась спиной к стене... и выругалась при виде смеющегося хозяина.

— Стеван! Чтоб тебе посереть, ты меня до полусмерти напугал! Как ты сюда попал?! Я же дверь закрыла...

— Там уже сто лет как задвижка выломана, — фыркнул он, забираясь к ней и задерживая занавеску обратно. — Зачем так орать?

Отстраниться от холодной плитки Чара не успела, а потом ее уже и не пустили — Стеван прижался всем телом, одной рукой опираясь о стену, а второй — крепко обхватив за талию. Контраст горячего тела и холодной стены оказался... волнующим.

— Не зачем, а почему! — возразила Чарген, охотно обнимая в ответ. Огладила обеими руками рельефную спину — сверху вниз, от плеч к поджарым бокам. — Потому что страшно. И до сих пор, между прочим, страшно! Вон как сердце колотится!

— Да? — коротко уточнил Шешель, слегка прикусил край ее уха, и Чара тихо ахнула от остроты ощущения. Немного оттолкнулся от стены, увлекая Чарген за собой, и ее окончательно окутало жаром — мужского тела и льющейся из душа воды. — Я чувствую, да...

— Интересно, что? Сердце не там, — захихикала Чарген, потому что прохладная после прикосновения к стене ладонь мужчины бережно сжала ее грудь.

— Какая неприятность.

Обмен глупостями Стеван прервал поцелуем, и Чара была только рада этому. Потянулась к нему в ответ, поцеловала — жадно, с упоением, пальцами исследуя тело, словно пыталась запомнить каждую деталь. Надеясь, что запомнит и он. Точно знала, что будет тосковать, и мечтала, что, может быть, он тоже забудет не сразу?..

Стеван словно уловил ее настроение и ответил на него тем же. Иначе не удавалось объяснить того исступления, с которым он ласкал — ладонями, губами, раз за разом доводил до пика удовольствия, почти не давая передышки. Ловил ртом стоны, словно пытался напиться ее наслаждением. Опять и опять набирал полные пригоршни золотистых волос, словно утопающий — ветви склонившегося к воде дерева. Брал ее тело сильно, почти грубо, и у Чары темнело перед глазами от мучительно-острой разрядки...

Часы пробили пять раз, когда Чарген, совершенно обессиленная, лежала в постели на груди следователя и рассеянно думала, что, пожалуй, в ее жизни такое случилось впервые. Когда вроде бы такая слабость, что нет сил даже попросить стакан воды, но при этом настолько хорошо, что... Да зачем ей этот стакан в самом деле! Стеван кончиками пальцев слегка поглаживал ее бок, и это было щекотно, но все равно — приятно, мимолетная нежность согревала.

— Пора, — тихо уронил Шешель и, аккуратно переложив ее на постель, принялся одеваться. Почему-то в прежнюю, грязную одежду.

— Что пора? — лениво пробормотала Чарген, по-прежнему даже не пытаясь пошевелиться, но с удовольствием наблюдая за быстрыми и точными движениями следователя.

Подумать, какой выносливый!

От этой мысли Чара, если бы могла, захихикала, но сил хватило только улыбнуться.

— Сдавать артефакт. Где-то через полчаса приедет специалист.

— Боги, что ж ему не спится-то! — простонала Чара. — Стей, а можешь сделать доброе дело?

— Смотря какое, — усмехнулся он. — Что именно?

— Можешь донести меня до ванной? Боюсь, не дойду.

— Понравилось, да, на моей шее ездить? — рассмеялся он, но опять разделся и все-таки сгрэб ее в охапку. — Цепляйся. Ладно, признаю, ополоснуться — хорошая идея.

— Конечно, понравилось. А тут еще и сам виноват...

— В чем?

— Как в чем? Залюбил девушку до полного изнеможения, — пробормотала лениво, но все-таки коснулась губами его уха, когда Стеван ставил свою ношу в ванну.

— Девушка чем-то недовольна? — весело спросил Шешель.

— С собой. Ты вон какой возмутительно бодрый, а я... — Стоять самостоятельно получалось, но не очень хотелось это делать, и Чара опять прильнула к мужчине, уткнулась лбом в его плечо. — Спасибо, — шепнула тихо, но он услышал. Неопределенно хмыкнул и включил душ.

Приятно прохладная вода помогла взбодриться, так что смывала с кожи следы последних двух часов Чарген уже самостоятельно. Жаль, не получалось так же легко вымыть и глупые мысли из головы. Например, о том, как было бы здорово не одеваться прямо сейчас, не расставаться, а так и заснуть, разнеженной и расслабленной, в объятиях любимого мужчины. Проспать часов десять кряду, вместе позавтракать... Невероятные, невозможные глупости.

В спальню она тоже вернулась своим ходом, взяла платье со спинки стула и завистливо покосилась на Стевана, который все же достал себе свежую рубашку и чистые брюки.

— Как же не хочется опять то же самое платье надевать, как оно мне надоело! — страдальчески вздохнула она, с ленивой неторопливостью натягивая белье.

— Можно сходить за чем-то твоим, — пожал плечами Шешель, застегивая рукава.

— В смысле? — Чара вопросительно выгнула брови.

— До соседней квартиры недалеко, — невозмутимо пояснил следователь. — Пара минут есть. Или у тебя при себе нет ключей?

— К-каких ключей? — все-таки выдавила она, но руки судорожно стиснули платье. — Какой квартиры?

— Брось, — выразительно поморщился следователь. — Цветана, Биляна, я уж не знаю, как там на самом деле... Ну так что, мышка, пойдем за новым платьем?

— Как?.. — выдохнула Чарген, недоверчиво разглядывая абсолютно невозмутимого Шешеля. — Когда?..

— Что ты не та, за кого себя выдаешь, подозревал с самого начала. Что мы еще и соседи... Окончательно убедился у той тетки с голубями. По бутербродам. — Он усмехнулся. — Все-таки они специфические. Фобии твои, некоторые детали... В общем, много чего было.

— То есть ты все это время... — Она поперхнулась окончанием фразы, подошла ближе. К этому моменту Шешель успел уже не только одеться, но и нацепить кобуру. О том, что она до сих пор в одном белье, Чара в этот момент просто не помнила. — И... что теперь?

Спросила, точно зная, что ответ ей не понравится. Да могла бы и не спрашивать, все прекрасно читалось по его спокойному, сосредоточенному лицу, по обжигающе холодному взгляду.

Не просто так у него всегда настолько холодные глаза. Отражают... сущность.

— Следствие, суд. — Короткое пожатие плечами. Платье выскользнуло из вмиг ослабевших рук Чары. — Подделка документов, мошенничество... С Ралевичем вот выгоду вряд ли получится доказать, ты все-таки ничего не успела, но, если копнуть поглубже, наверняка найдутся другие эпизоды, этот-то явно не первый. Чувствуется... опыт. — Он усмехнулся уголками губ, окинув ее выразительным взглядом.

— С-сволочь... какая же ты сволочь! — выдохнула Чарген. Качнулась вперед...

Да, пытаться отвесить ему пощечину было исключительно глупо. Но у нее буквально горели руки от желания вцепиться ему в горло или хоть как-то еще сделать больно.

Бить в ответ Шешель, конечно, не стал. Перехватил руку, жестко и уверенно заломил за спину.

— Во-первых, я честно предупреждал. — Короткий смешок пощекотал край уха, и по спине стекла волна мелкой дрожи — сладкой, возбуждающей. Чарген скрипнула зубами. От злости хотелось даже не ругаться — выть. Проклятое тело никак не поспевало за разумом и все еще считало близость мужчины приятной. — А во-вторых... Ну ты еще скажи, что я тебя обманул и обесчестил!

Следователь мягко толкнул ее от себя. Край постели ткнулся под колени, Чара упала на нее лицом, поспешно села, с бессильной яростью глядя на следователя.

— Ненавижу! Какая же ты...

— Давай обойдемся без драмы и глупостей, а? Ты вряд ли собиралась идти с повинной и проявлять благородство. Умей проигрывать. — Шешель недовольно скривился, но в этот момент разговор прервала мелодичная трель звонка. — Ты будешь одеваться или поедешь прямо так? В изоляторе, конечно, предоставят местную одежду, да и в машине не замерзнешь... Впрочем, если хочешь порадовать парней — кто я такой, чтобы запрещать.

Он вновь пожал плечами и пошел открывать. А Чарген решительно потянулась за платьем, как бы ни хотелось ей разнести всю эту комнату, или назло господину Сыщику явиться его подручным голый, или сделать еще какую-то глупость в том же духе.

От злости трясло, и так сразу справиться с мелкими пуговицами не удалось, но Шешель не спешил возвращаться, отдавал какие-то команды в прихожей. За закрытой дверью из-за странной акустики звуки причудливо искажались, и Чара не могла понять ни слова, хотя голоса разбирала отчетливо. Или дело совсем не в акустике, а в том, что в ушах стучала кровь?

Обиду — бессильную, отчаянную, обреченную, — и злость усиливало кроме внезапной холодности и резкости господина Сыщика понимание его правоты.

Да, собиралась сбежать. Да, даже не думала признаваться, потому что прекрасно знала, чем это кончится. Да, в конце концов, она действительно преступница, а он — следователь, и это его работа, которую он делает хорошо. Но...

Боги, как же больно и обидно! Потому что она купилась на его маску, в отличие от самого следователя. Потому что привыкла считать его замечательным, и как же гадко обманываться. Потому что... Собачья кровь, потому что влюбилась в него как девчонка и позволила себе раз мечтаться о несбыточном!

Потому что дура. И это так противно и так непривычно — ощущать себя дурой, которую обвели вокруг пальца! Ирония судьбы. Наверное, что-то похожее чувствовали все ее жертвы...

Шешель вернулся в комнату в сопровождении двух человек. К этому моменту Чарген все же управилась с платьем и сумела взять себя в руки, по крайней мере, создать видимость этого. Крепкий парень в форме стражи оглядывался с искренним любопытством, а на следователя косился со щенячьим восторгом. Второй из незнакомцев, видимо, и являлся обещанным артефактором — невысокий худощавый мужчина средних лет с ухоженными пышными усами, заспанный и хмурый, одетый в гражданское и с чемоданчиком в руках.

— Где «Щит»? — недовольно спросил он.

— У женщины, это браслет. Документы по артефакту — вот.

— А можно пройти в другое помещение? Мне нужен стол, — проворчал артефактор.

— Кухня устроит? Пойдемте. Прошу, — жестом предложил Стеван Чаре, вопросительно приподняв брови. Кажется, ждал новой вспышки гнева, но Чарген молча поднялась с постели и уверенно пошла, куда велели.

В конце концов, всеми истериками она только уронит себя в глазах окружающих, а Шешель... Да пошел он!

Чара и артефактор уселись за стол, стражник остался в проходе, а сам хозяин квартиры занял стратегическую позицию в дальнем от входа углу, у окна, привалившись бедром к тумбочке, скрестил руки на груди. Мужчина с усами придиричиво осмотрел браслет, пролистал записи, опять вернулся к браслету. При виде артефакта он заметно ожил, проснулся и повеселел, даже глаза задорно заблестели.

— Вы сможете его снять? Желательно прямо сейчас, — не выдержал наконец следователь.

— К чему такая спешка? — укоризненно покосился на него артефактор. — Красивая вещь на хорошенькой девушке — прекрасное сочетание!

— Это не хорошенькая девушка, это преступница, — одернул его Шешель. — Мошенница и воровка. Поэтому красивая вещь на ней не к месту.

— Да? Жаль, жаль, — пробормотал себе под нос усач и зарылся в записях.

Потом достал из своего чемоданчика какой-то прибор — большую линзу в тяжелой оправе с длинными медными усиками, — и несколько

минут тыкал этими усиками в браслет. Осложнять ему работу Чара не пыталась, поэтому послушно поворачивала руку, как велели.

Наконец проверка закончилась, артефактор осторожно взял мошенницу двумя пальцами за запястье, двумя пальцами другой руки потянул браслет. Слабая зеленая вспышка заклинания, которое Чарген не успела рассмотреть, хотя в этот раз честно старалась, — и «Щит» остался в руке мужчины.

— Отлично, — прокомментировал это Шешель, наблюдая, как артефакт исчезает в чемоданчике. — Вас отвезут в лабораторию, надеюсь, все проверки не займут много времени, хотелось бы поскорее отдать вещь хозяйке.

— О, не извольте беспокоиться, управимся в срок, — заверил артефактор. — Всего доброго, — коротко поклонился он и вышел.

— Васич, позовите капитана, он в соседней квартире, — велел следователь стражнику, и тот умчался, лихо щелкнув каблуками форменных ботинок. — Так как тебя зовут на самом деле? — обратился господин Сыщик к Чаре.

Но смотреть на него ей не хотелось, разговаривать — тем более. Даже не потому, что не хотелось облегчать задачу; просто Чарген боялась, что стоит втянуться в разговор, — и вся ее выдержка пойдет прахом, она опять сорвется, начнет кричать... Зачем унижаться, если ему все равно плевать?

— Ты же понимаешь, что теперь установить это будет легко.

Чарген понимала. Больше того, она точно знала, что вот прямо сейчас кто-то там, в соседней квартире, потрошит ее шкафы и очень скоро найдет настоящий паспорт. Но пусть выясняют сами, без нее.

— И истинное свое лицо ты добровольно демонстрировать не собираешься. Ясно. Как хочешь. Пойдем по сложному пути.

Он умолк, а через пару секунд стражник вернулся в сопровождении еще одного, постарше и посолиднее, — крупного мужчины, несмотря на седину и морщины кажущегося тем еще здоровяком.

— Капитан, я дождусь окончания обыска и все тут оформлю, — обратился к нему Шешель. — А вы с Васичем отвезите арестованную в управление. Если свободна, в семнадцатую ее, если нет... по ситуации.

— Вчера точно была, — заверил капитан. — И то верно, нельзя такую красавицу в общую. А что ж она натворила-то?

— Какая она красавица, нам фиолетовые маги скажут, я просил дежурного глянуть. Есть все основания предполагать, что это небезызвестная тебе мошенница, которую наша пресса метко окрестила Кокеткой.

— Ишь ты, поймал-таки! — хохотнул здоровяк. — Дотошный ты мужик, Стеван, уважаю! Ладно, пойдем, красавица-некрасавица, посидишь. У нас в изоляторе тихо, уютно, кормят хорошо, чисто пансионат. Отдохнешь, а то мало ли куда тебя потом посадят! — С этими сомнительными утешениями он повел задержанную прочь.

Та двигалась молча, только метнула единственный злющий взгляд на хозяина квартиры и с гордо поднятой головой удалилась.

Шешель устало потер ладонями лицо, взъерошил себе волосы. Настроение было паршивым, хотя по всем канонам полагалось бы радоваться.

— Стареешь, приятель, — пробормотал он себе под нос. — Становишься сентиментальным. За хороший секс шлюхе уголовщину готов простить, тьфу!

Ругнувшись, он забрал из спальни пиджак и пошел в соседнюю квартиру руководить обыском. В конце концов, работа сама себя не сделает.

Когда знаешь, что именно и где нужно искать, установить правду нетрудно. Обыск в квартире «мышки» принес скромные результаты, из интересного попало только два паспорта: на имя знакомой следователю Биляны Белич двадцати восьми лет от роду и Чарген Янич тридцати четырех, с фотографии в котором смотрела худенькая, большеглазая, с угловатым лицом девочка в два раза моложе хозяйки паспорта теперь.

Определить, как изменилась та девушка за прошедшие с фотографирования семнадцать лет, Шешель бы не взялся, но и безо всяких экспертиз был уверен: именно эти документы настоящие. Однако паспорта на проверку все же отдал.

К тому времени на своем рабочем месте появились начальник следственного комитета и, главное, его бессменный секретарь, женщина строгая и педантичная, которую Стеван за это чрезвычайно уважал. Та приняла у него запрос в Регидон, город Норк, о передаче на

родину как розыскного дела на жену Ралевича, так и уголовного вместе с трупом и личным имуществом супружеской пары.

Скорого результата ждать не приходилось, но из этого последнего эпизода, на котором Кокетка так удачно попалась ему в руки, он собирался выжать все. Жаль, теперь уже не выяснить, что именно она планировала проверить с мужем, можно было бы хоть одну схему установить доподлинно. Ну да ладно, у него целая подборка похожих дел, не зря же он эту дрянь так долго и упорно ловил! Копать старые, пожалуй, совсем гиблое дело, а вот те, что произошли в последние пять лет, которые Биляна Белич жила и здравствовала у него под боком, можно попытаться раскрутить.

Но до чего все-таки наглая и решительная особа! Не побоялась жить через стенку от сотрудника СК, пока он по всей Беряне за ее тенью бегал. Шешель бы даже восхитился такому нахальству, если бы не злился так на собственную близорукость.

Вот тоже странность: пока подозревал, даже когда был уже уверен — не злился. А стоило окончательно удостовериться и сдать ее в изолятор, как сразу стало обидно.

Фиолетовый маг, которого Стеван пригласил посмотреть маскировку аферистки, забежал к нему в кабинет около девяти утра. Бурно жестикулировал и сыпал восторженными эпитетами, расхваливая специалиста, который столь тонко и изящно сработал. На вопрос, можно ли снять, прямо не ответил, попросил разрешения привлечь коллег, в том числе из Зоринки. Шешель снова мысленно ругнул ловкую мошенницу, но добро дал.

Отправил он и запросы во все столичные банки о розыске счетов на все известные имена Кокетки и в транспортные компании — выяснить ее перемещения. Судя по всему, соседка предпочитала пользоваться дирижаблями, а там учет пассажиров велся тщательно. Написал и в библиотеку, где якобы работала Биляна Белич: выяснить, действительно ли она там работала и когда именно брала отпуска. Кроме того, затребовал справку, кому на самом деле принадлежит квартира, в которой аферистка проживала.

Но потом он наконец напомнил себе, что все это — хобби, волевым усилием взял себя в руки и заставил отвлечься от судьбы соседки. У него есть куда более важные дела: убийство Ралевича,

разбор его связей и интересов в Регидоне, ну и, конечно, окончательное утрясание деталей похищения артефакта.

Шешель не сомневался, что кланы Норка и тамошняя разведка никакого отношения к смерти дельца не имеют, что нужно рассматривать личные мотивы в ближнем кругу. Значит, в первую очередь искать тех, кому выгодно. Так что он созвонился с нотариусом покойного, который заверил, что оглашение завещания состоится завтра и что совсем не против присутствия представителя СК.

Если завтра не случится никаких сюрпризов, то подозреваемых по-прежнему имелось двое, и Стеван дал страже распоряжение аккуратно разыскать обоих. По идее, Хован Живко должен был только-только прибыть на оглашение завещания, а вот местоположение Сташко Гожковича предстояло установить не только на настоящий момент, но и на всю прошлую неделю.

Конечно, стоило учитывать, что указывает на этого почтенного гражданина аферистка, которая теоретически может отводить подозрение от себя. Но в этом Шешель ей верил. Да, мошенница, возможно воровка, но не убийца. Даже если бы она могла пырнуть ножом мужа, то только в пылу борьбы, один раз, и вряд ли сумела бы потом так долго и тщательно разыгрывать недоумение. Нет, в своем отношении к убийствам она была совершенно честна, за это Стеван готов был поручиться.

И даже если отбросить его личное мнение, на причастность Кокетки ничто не указывало, кроме наличия у нее возможности. Самое главное, у нее не было мотива: в завещании ее наверняка нет, не успел бы и не стал Ралевич вносить в него новобрачную. В итоге от смерти липового мужа аферистка не только не получила выгоды, но и заработала массу проблем.

Когда мысли опять опасно закружились вокруг этой женщины, Шешель дал себе морального пинка и позвонил Алекасу Брику, коллеге, который в его отсутствие вел дело с артефактом и отлавливал причастных здесь, пока сам Стеван там играл в догонялки с кланами и полицией. Алекас с радостью согласился поболтать и пришел через пару минут.

Обмен мнениями и информацией растянулся на два часа и тянулся бы еще дольше, но тут позвонил фиолетовый консультант. Маг сообщил, что они в третьей допросной планируют снимать чары с

задержанной, и требуется разрешение от следователя: все же сложное воздействие, вмешательство в магическое поле подозреваемой, нехорошо без санкции.

Следователь не просто дал разрешение, но пожелал присутствовать. А Алекас увязался за ним, как только услышал, в чем дело.

— С ума сойти! Ну просто мечты сбываются, — весело присвистнул он, шагая вместе со Стеваном к нужной комнате. — Шешель все же поймал свою Кокетку!

— Погоди, еще пока не до конца. Вот когда выявлю хотя бы пяток эпизодов, докажу и по совокупности передам в суд — тогда и будешь поздравлять. А пока это просто девица с левым паспортом и поддельной внешностью.

— Зануда, — весело припечатал Алекас.

— Боги, это опять ты! — вместо приветствия страдальчески протянул Горан Стевич, специалист по фиолетовой магии из Зоринки, когда следователи вошли в допросную. Но руку Шешелю пожал без явного неудовольствия.

— А что, во всем университете не нашлось больше фиолетовых спецов? Или ты самый свободный? — поддел Стеван в ответ.

— Кафедра решила: раз я вашу братию прикормил, мне и разбираться дальше, — проворчал маг и вдруг без перехода сообщил: — Слушай, отдай эту девицу мне!

— На опыты? — насмешливо ухмыльнулся следователь.

— Ну и это тоже, но вообще я бы с ней поработал. Самородок же, талантливейший!

— В каком смысле? — не сразу понял господин Сыщик. — Она сама, что ли, эту маскировку создала?

— Я в этом абсолютно уверен. Причем подход совершенно неклассический, там фиолетовой магии мало, в основном красная. На твое счастье, в ней я тоже понимаю. Ей просто негде было этому научиться, это совершенно точно авторская работа, да и никаких посторонних отпечатков магии нет, — заверил Стевич.

Шешель окинул взглядом мошенницу, в чью сторону неосознанно избегал смотреть с первого шага в допросную. В синем тюремном платье, больше похожем на халат, с тщательно убранными в косу волосами, она выглядела холодной и отстраненной. На следователей,

остановившихся в сторонке, у стены, чтобы не мешаться, мошенница не смотрела, безучастно разглядывая какие-то аппараты, стоящие на столе, очевидно притащенные магами.

— Вот сам лови себе самородков и делай с ними что хочешь, — отмахнулся Шешель от ученого. — Работайте. Это надолго?

— Нет, пара минут, — обрадованно заверил штатный консультант.

Стеван, прислонившись спиной к стене у входа и сунув руки в карманы брюк, рассеянно разглядывал троицу суетящихся магов, которые перебрасывались непонятными посторонним сложными терминами и жаргонными словечками, хмурю женщину с кожаными браслетами на руках, подключенными к одному из приборов, и пытался понять, зачем он вообще сюда притащился и чего именно ждет от этой процедуры. Что он хочет увидеть?

Да, наверное, хотел удостовериться, что это именно Чарген Янич и облик ее соответствует фотографии в паспорте. Вот только стоило ли для этого присутствовать, если он и так не сомневался?

Немного покопавшись в себе, Шешель нашел-таки единственный честный ответ. Просто ему хотелось видеть, как с нее сползет маска. Не увидеть ее без маски, а наблюдать этот почти интимный процесс, когда перед ним наконец предстанет *она*, а не какое-то выдуманное лицо. И, увы, совсем не для дела и даже не ради утоления почти маниакального желания найти и посадить наконец эту неуловимую особу. Просто для себя. Посмотреть и, может быть, наконец испытать к ней то отвращение и презрение, которые испытывал к абстрактной Кокетке, но которые за последние несколько дней подозрительно сдулись и поблекли.

Проще говоря, он надеялся, что, если вдруг она окажется страшненькой кривоногой ромалкой с желтыми зубами, это как-то поможет вытряхнуть ее из головы.

Увы, ему не повезло. Когда черты лица поплыли и волосы на голове женщины как будто зашевелились — это выглядело, конечно, неприятно. Но процесс закончился, и результат... Шешель вынужден был признать, что лучше бы она оставалась Цветаной. Или знакомой мышкой Биляной. Потому что первая примелькалась, да и не особенно нравились ему такие вот воздушные создания, вторую легко можно было выкинуть из головы из-за ее обыкновенности, а вот истинное лицо Кокетки оказалось куда более ярким, броским. Густые черные

волосы прежней длины, кажется более прямые, чем у маски. Правильный овал лица, изящные брови вразлет, капризные, красиво очерченные губы. И глубокие, бархатные черные глаза, которые смотрели словно бы с насмешкой и снисходительным презрением, как будто она могла читать мысли Стевана и сейчас внутренне издевалась над ним.

Шешель стиснул зубы от злости. Правда, не на мошенницу; на себя самого, за вот эти дурацкие эмоции и еще более дурацкие предположения.

Но не признать, что она хороша, все равно не мог. А что хуже всего, пропал диссонанс между тем характером, который он читал в ней во время совместных приключений, и внешностью: истинное лицо подходило этой женщине куда больше, чем любая из фальшивок. Хуже — потому что было бы гораздо проще, окажись все это маской. Но нет, похоже, в Норке он познакомился с *настоящей* Кокеткой.

— Значит, Чарген Янич, — через несколько секунд проговорил Стеван, все же задушив собственное недовольство. — Все еще ничего не хотите сказать? Имейте в виду, сотрудничество со следствием учитывается.

— Мне нечего вам сказать, господин Сыщик, — проговорила она с усмешкой в уголках губ, и Шешель опять едва сдержался от ругательства.

Потому что голос у нее тоже изменился. И тоже — в лучшую сторону. Стал глубже, ниже, богаче. И остро захотелось услышать, как она — вот такая, настоящая, — стонет этим голосом его имя.

— Конвой!

Следователь рявкнул так, что не дернулся один только Алекас, он вообще отличался крепкими нервами.

Стражник возник на пороге через мгновение.

— Слушаю!

— Увести.

Очнувшиеся маги, растерянно поглядывая на окаменевшее от злости лицо следователя, принялись торопливо отстегивать от пациентки свои приборы.

— Стей? — окликнул его коллега, когда аферистку увели. — Пойдем?

Тот только коротко кивнул и толкнул дверь.

— Шешель, ты чего такой злой, как шершень? — криво скаламбурил Брик. — Работать не хочешь? Думал, как лицо подозреваемая явит, так расколется? Лентяй!

— Угу, — невнятно буркнул тот.

Не признаваться же коллеге, что злится он исключительно на себя и исключительно за то, что подозреваемую эту он не посадить хочет, а... просто хочет.

Ладно, не просто — очень хочет. Так, что думать головой получается паршиво.

Впрочем, любимая работа не подвела и теперь. Нелепые желания вскоре ушли, Стеван сосредоточился и успокоился, и остаток дня обещал пройти плодотворно.

Новую проверку связей и разговор с коллегами убитого Ралевича Алекас брать на себя не рвался, и Шешель благородно освободил его от этого занятия — у коллеги и своих дел хватало. Тем более спешить с этим и опять шевелить ближайшее окружение покойного Стевану не хотелось, чтобы не спугнуть. Вот после оглашения завещания можно и потеревить всю компанию, а пока нужно разобраться с бумагами.

Стража отчиталась быстро. Живко в страну вообще еще не прилетал, а Гожкович уже неделю по плану отдыхал и лечился в санатории. Насколько, правда, неотлучно — это еще предстояло выяснить, стража соваться не стала, да Шешель и не просил, такие вещи лучше делать самому.

Потом отзвонились по еще одному вопросу, и рабочий настрой Стевана опять пошатнулся, потому что ему снова напомнили про аферистку. Владелицей квартиры оказалась некая Йована Янич, пятидесяти трех лет от роду, проживающая в собственном доме в Мадире со всеми своими двенадцатью детьми, старшей из которых значилась сидящая сейчас в изоляторе Чарген Янич. Замужем Йована не была ни разу и от кого нагуляла всю эту ораву — история умалчивала.

Шешель еще раз пробежался глазами по списку разновозрастных Яничей и растерянно поскреб в затылке: к такому он оказался не готов. Почему-то Стеван был уверен, что приют — это из подлинной биографии Кокетки. Глупо. Пора бы уже запомнить, что ничего настоящего в ней не было. А если разобраться, то именно такая биография и могла породить подобную мошенницу: гулящая и,

вероятно, пьющая мамаша, которая собственных детей не считала, а любовников — тем более.

Конечно, тем больше уважения вызывала целеустремленность Чарген и ее талант мага, с помощью которых она пыталась вырваться из привычной нищеты и грязи. Вот если бы еще методы избрала другие...

Посидев над выпиской и решив, что копать так копать, Стеван еще часа полтора писал разнообразные запросы, в том числе в банки, но уже о других членах семьи. Секретарь отдела, который занимался рассылкой всех этих бумаг, посмеивался — Шешель вернулся, как будто у них без него работы не хватало, — но исправно все отправлял.

И к концу официального рабочего дня Стеван вдруг понял, что срочной работы на вот-прямо-сейчас у него не осталось. По всем трем текущим делам предстояло ждать ответов из разных источников, а других у Шешеля не было: перед отъездом он раскидал всю текучку, а новая накопиться просто не успела. Так что можно спокойно поужинать и ехать домой, отсыпаться.

И если против ужина в ближайшем кафе он ничего не имел, то домой ехать совсем не хотелось. Вот стоило припомнить вид сброшенной одежды и разворошенной постели, впитавшей запахи прошлой ночи, и сразу не хотелось. Это злило, но уже без огонька, обреченно и устало.

Ну да, вляпался. Он не мог припомнить, когда его последний раз так цепляла женщина, если вообще цепляла. И, немного перегорев, не мог не признать, что дело не только в сексе. Да, хороша, чувствовался опыт. Но, будь все так просто, вряд ли его бы сейчас так коробило.

Вот только... и что? Ну понравилась. Ну запал. Психовать-то так зачем? Надо просто поскорее собрать материалы, отдать ее под суд и заняться другими делами, чтобы Кокетка больше не занимала голову и не мозолила глаза.

Приняв это решение, он вернулся в кабинет. Глянув на часы, решил, что еще не поздно для звонка, и набрал номер конторы, услугами которой пользовался для уборки и стирки вот уже лет десять и где хранилась копия ключа от его квартиры. Пускать посторонних в дом он не боялся: во-первых, конкретно эти посторонние были проверенными и достойными доверия, а во-вторых, ничего по-настоящему важного он там не хранил. Договорившись о доплате за

срочность, попросил убрать, поменять постель и постирать всю одежду, какая найдется.

Потом, смирившись с тем, что отложить это дело не получится и задвинуть на дальнюю полку — тоже, позвонил магу-консультанту уже домой. Тот явно не обрадовался позднему звонку, но согласился рассказать о снятых чарах в подробностях и прямо сейчас, не заставляя Шешеля ждать официального отчета.

Для Стевана самым важным оказалось то обстоятельство, что чары хоть и позволяли менять внешность до неузнаваемости, но изменить человека радикально не могли. Черты лица, цвет волос и кожи, родинки и родимые пятна, голос, совсем незначительно — комплекцию. То есть как минимум рост и сложение у нее должны были остаться прежними. Многого это не давало, все-таки Чарген никакими особыми приметами в этом вопросе не отличалась — среднего роста, нормального, как обычно говорят, сложения, — но немного сужало круг.

Так что после разговора с магом Шешель опять погрузился в свою картотеку дел о мошенницах. Сами дела объединять в одно ему никто не позволил бы, все же к этому подталкивала только личная паранойя следователя, но никто не запрещал ему содержать на рабочем месте свой комплект выписок из дел. Иногда из этого комплекта исчезали отдельные записи, потому что коллеги по всей стране не дремали, да и личная охота Стевана тоже нередко приносила плоды.

Сейчас у него имелось около полусотни дел разной степени давности со всего Ольбада. Как таковых, случаев мошенничества по всей стране было на порядок больше, но отбирал из них Стеван далеко не все. Только те, где молодая женщина действовала без сообщников, жертвами становились богатые мужчины, а преступница исчезала с большой суммой денег. И в конце концов выяснялось, что личность ее была фальшивой.

Пятьдесят нераскрытых дел, и еще множество — даже не заведенных, потому что жертвы таких преступлений порой не понимают, что стали жертвами обмана, а сознавая это — не заявляют в стражу, не желая выставить себя дураками.

Самое мерзкое преступление — когда жертва чувствует себя виноватой. Даже воры, грабители и убийцы не вызывали у Стевана такого отвращения, как вот эти. Мошенничество, домашнее насилие,

изнасилование... У Шешеля порой отчаянно чесались руки вправить мозги именно пострадавшим, которые мялись и сомневались, а стоит ли, а надо ли, а может... Не может! Но, увы, закона о принудительной отправке таких вот неуверенных граждан на лечение к мозгоправам не существовало и существовать не могло, и Стевану оставалось только стискивать зубы и стараться быть вежливым с ними.

Мошенницы... Отношение к ним у Шешеля было особым, для него Кокетка стала таким символом, персонификацией общего зла. Да, следователь сознавал, что вот эта его деятельность — ношение воды в решете. Попытка стащить в кучу и связать совершенно разные истории, собрав их по выдуманным признакам. Не было и не могло быть одной-единственной злодейки, обманувшей всех, таких преступниц прорва — была и будет.

Он даже понимал, что в его отношении есть маниакальные, нездоровые нотки, понимал причину их появления и очень старался не перегибать. Никогда не переходил с пойманными преступницами на личности, держался холодно и отстраненно, не пытался повесить на них то, к чему они точно не могли быть причастны. Слишком легко было увлечься и начать подгонять условия задачи под имеющийся ответ.

И даже сейчас, поймав за руку Чарген Янич, Стеван сознавал, что нашел всего лишь одну из многих. Да, с Ралевичем — явно не первое ее дело, недаром она как минимум пять лет прожила под чужим именем. И он обязательно найдет другие эпизоды, и будет их не один и не два, тут следователь полностью доверял своему чутью. Да, девица очень ловкая, и вряд ли среди... представительниц ее профессии много настолько талантливых магов, способных так ловко менять маски. И под образ из газет она подходила идеально, спору нет, и коллеги могли с удовольствием и полным на то правом подтрунивать над Шешелем, который столько ловил и наконец поймал свою Кокетку.

Проблема в том, что сам Шешель, что бы он кому ни говорил, уже слегка поостыл и прекрасно понимал, насколько все это далеко от истины. Нельзя поймать собирательный образ. И когда он посадит Чарген Янич, легче не станет, как не становилось и в прошлые разы. И, в сущности, ничего с вынесением для нее приговора не изменится — ни для мира, ни лично для Стевана.

Кажется, именно это злило его больше всего, куда сильнее интереса к женщине: понимание собственного бессилия. В очередной раз.

ГЛАВА 9

Недооценка чувств как недооценка противника — верный шаг к поражению

Утро следующего дня Стеван Шешель встречал на привычном месте, в рабочем кабинете. Следователь нередко задерживался допоздна и ночевал здесь, на диване, ленясь ехать домой среди ночи, поэтому тут имелось все необходимое. Впрочем, сейчас на месте его удержали другие соображения, работы оказалось не так уж много, и утро выдалось спокойным, так что следователь позволил себе никуда не спешить. Он принял душ в душевой на первом этаже, побрился и надел свежую рубашку, потом плотно позавтракал в неизменном кафе напротив, которое давно уже облюбовали сотрудники СК и где некоторых из них, включая Шешеля, отлично знали в лицо.

После такого размеренного и приятного утра Шешель почувствовал себя гораздо лучше. Да, настроение по-прежнему оставалось паршивым, но Стеван, по крайней мере, перестал дергаться и злиться на себя и окружающий мир. Он сформулировал проблемы, установил их причины и морально настроился их изживать — вполне неплохие входные данные, как считал сам следователь.

Сидящая в изоляторе женщина по-прежнему пыталась занять его мысли и вызывала противоречивые порывы, но справляться с этим всем на ясную голову оказалось гораздо легче, особенно если занять эту самую голову чем-то полезным. То есть, конечно, работой.

Телефон всю ночь и утро смирно помалкивал, но это было предсказуемо: сегодня дежурил не Шешель, поэтому по срочным вопросам, если такие возникли в нерабочее время, дергали кого-то другого. С его собственными делами за ночь, конечно, тоже ничего не прояснилось, поэтому после непривычно спокойного завтрака Стеван занялся не менее спокойной работой: оформлением и приведением в порядок документов. Составил письменный отчет по командировке в Регидон, решил десяток мелких, но очень важных бюрократических

вопросов, навел порядок на столе и сдал несколько залежавшихся с прошлых дел папок в архив.

Где-то между всеми этими событиями принял сообщение из воздушного порта о том, что в город прибыл Хован Живко, но на планах на день все это никак не сказалось.

Потом — неслыханная радость! — он сумел так же своевременно, по-человечески пообедать и только после этого отправился в контору нотариуса, где в два часа дня планировалось оглашение завещания. Очень редко в практике господина Сыщика выдавались такие размеренные тихие дни, ощущение было странным и почти пугающим.

В солидном кабинете солидного нотариуса, а контора была старой и с отличной репутацией, собралось кроме самого хозяина и приведенного туда долгом службы Шешеля пять человек. Три персоны были следователю знакомы, включая основного подозреваемого: родственники покойного.

Пара дальних родственников выглядела сдержанно-спокойными. Печаль они скорее изображали, чем действительно испытывали. А вот Хован Живко казался исключительно мрачным и совсем не тянул на счастливого наследника большого состояния. Надо сказать, выглядел он паршиво: запавшие глаза в обрамлении темных кругов, вертикальная складка на лбу, скорбно опущенные уголки губ — мало общего с тем словесным портретом, который нарисовала Цветана. То есть Чарген. Приукрашивать родственника Ралевича у нее не было никакого резона, значит, Живко изменился за последние дни совершенно самостоятельно. Кажется, он был пьян или мучился тяжелым похмельем, наверное, всю дорогу на дирижабле пил не просыхая. Неужели так подавлен смертью родственника?

Еще двоих присутствующих, пожилого мужчину и тучную женщину с одышкой, Стеван не знал. Последняя, кажется, плакала вполне искренне.

— Ну вот, все в сборе, не будем затягивать, — заговорил нотариус. — Тем более завещание очень краткое и никаких особых условий не содержит.

По итогу оглашения кормилице, женщине с одышкой, и бессменному управляющему загородным поместьем, незнакомому пожилому мужчине, отходила приличная сумма денег содержания и

некий «Зеленый дом» соответственно. Вдове кузена предназначался чайный сервиз, какая-то картина и альбом с фотографиями, а двоюродному дядьке — пара серебряных подсвечников и бочонок брадицы. Кажется, в последнем заключалась какая-то им двоим понятная издевка, потому что мужчина скривился и тихо ругнулся себе под нос, но терять лицо и спорить, к счастью, не стал, чем Шешеля приятно удивил. Тому нередко доводилось присутствовать при вот таких оглашениях, и наследники регулярно устраивали грандиозные свары. Порой их приходилось разнимать именно следователю, а иной раз и вызывать стражу в помощь.

Все остальное движимое и недвижимое имущество, ценные бумаги и обязательства по ним, а также прочая, прочая и прочая отходили Ховану Живко. Тот, услышав заключение, расхохотался, но совсем не радостно — зло, нервно.

— Что-то не так, господин Живко? — осведомился нотариус. — Вас что-то не устраивает?

— Да нет, все прекрасно, — осклабился тот. — Жалею вот... дядю. Он сдох, а мне теперь разгрести.

— Желаете отказаться от наследства? — вопросительно поднял брови хозяин кабинета.

— Нет, отчего же? Приятные мелочи, зачем отказываться...

— Про эти приятные мелочи есть дополнение у меня, — вставил Шешель. — Вот, ознакомьтесь, судебное постановление. На движимое и недвижимое имущество господина Ралевича до окончания следствия наложен арест, так что, боюсь, наследникам придется немного повременить со вступлением в наследство. Но если по приговору имущество не будет изъято в пользу Ольбада, вы, конечно...

На этом месте его прервал Живко новым приступом того же жутковато-истерического смеха.

— Ну, дядюшка, ну, сволочь!

— Но позвольте, какой арест? Ведь его убили! — растерялась родственница.

— Тут преступник несколько поторопился. Павле Ралевич подозревался в государственной измене.

Женщины ахнули, даже нотариус заметно растерялся — в подобном он своего клиента явно не подозревал. Только Хован как-то странно хрюкнул от смеха, а Шешель продолжил:

— Вас, господин Живко, я прошу проехать со мной для дачи показаний.

— Поехали, гулять так гулять! — сквозь истерику вновь хрюкнул тот и явно с трудом поднялся.

И Стеван порадовался, что не решил прогуляться пешком, все же тут было недалеко, а взял машину с водителем, предполагая по результатам оглашения завещания арест-другой. Вряд ли Живко дошел бы куда-то в своем нынешнем состоянии. Вблизи от него действительно сильно несло перегаром, но, кажется, Хован был достаточно в себе, чтобы отвечать на вопросы.

Истерический смех душил его до машины, а когда мужчины сели, новоиспеченный наследник мрачно нахохлился в углу дивана, невидящим взглядом сверля проплывающие мимо дома.

Дорога много времени не заняла, подготовка необходимого для разговора — тем более. Допросных в здании комитета хватало, отловить машинистку для записи — дело пары минут, и хотя отвлеченная от собственных дел женщина метала взглядом молнии, но без возражений заняла место в углу у штатной машинки и затрещала ею, заправляя бумагу.

— Приступим, — дождавшись кивка готовой к бою машинистки, заговорил Стеван.

Какое-то время заняли общие, нужные для протокола вопросы — отсылка к делу, фамилия следователя, имя, род занятий свидетеля... Обвинения ему выдвигать Шешель не спешил: в конце концов, против Живко никаких улик, только теоретическая возможность и видимый мотив.

— Какие отношения связывали вас с Ралевичем? Только рабочие или все-таки дружеские?

— Дружеские! — Хован презрительно фыркнул. — С этим? Да он только деньги свои ценил да камушки. На кой они ему только нужны были, солить, что ли?.. Все мало было!

— А вы на него из любви к искусству работали? — усмехнулся Стеван.

— Да вы не путайте, — отмахнулся Живко. — Без денег дерьмово, это верно. Но вот вам, вам зачем нужны деньги?

— Предположим, на жизнь.

— Ну да. Ну конкретно? Ну пожрать, так, чтобы вкусно и что хочется. Ну одеться хорошо, чтобы удобно, и красиво, и задница не чесалась. Ну жилье. Ну чтобы хорошее, просторное. Ну бабы, да, удовольствие дорогое — цацки им, шмотки, цветы там с ресторанами. Ну путешествия, мир посмотреть, вроде интерес. Ну кто-то играет, там азарт. Кто-то марки собирает, состояния спускает. Там болезнь, но там хоть понятно куда.

— А Ралевич?

— А пес его знает. Он деньги не тратил. Ну, то есть тратил, конечно, жить хотел хорошо. Но все время хотел больше. Он... Ну не знаю, деньги коллекционировал, что ли? Он их набирал ради цифры. Видит большую цифру в банковской выписке, смотришь на него — ну кончит же сейчас от счастья, простите, барышня. И большие деньги он тратил только с одной целью: сделать еще больше. И больше, и больше... И жаден был как не знаю кто. Если видел возможность хоть медяку где выкроить — опять счастье.

— То есть, выходит, наследство он оставил вам приличное?

— Да-а, наследство! — истерично хохотнул Живко. — Слушайте, а давайте вы его все себе возьмете, а? Только вы мне охрану хорошую дайте! И увезите куда подальше, чтоб ни одна собака не нашла, а?

— Кого вы так боитесь? — вопросительно вскинул брови Шешель.

— Этих... — Он мотнул головой. — С которыми Павле в Норке связался. В Норке-то они в Норке, а только и здесь не без рук и ушей. Они ж с меня шкуру спустят, если я им деньги не отдам...

— Так. Давайте-ка немного назад. Во что такое влез Ралевич и что он кому должен? Вы же сейчас не только про кражу артефакта?

— А-а... — протянул Хован. Помялся, помолчал, а потом вдруг опять хохотнул и махнул рукой. — А и верно, да пес с ними! Все одно не жить, а так вы, может, хоть кого поймаете...

И Живко принялся за рассказ, на удивление обстоятельный для нынешнего его состояния.

До определенной поры прижимистость Ралевича приносила пользу не только ему, но и всей «Северной короне»: он изыскивал очень удачные, разумные способы сэкономить. Находил малоизвестных, но старательных поставщиков, придумывал интересные торговые схемы — без криминала, но более выгодные.

А потом на представительство в Норке вышли местные воротилы. Конкретно — Смит, который занимался там камнями, в том числе крадеными. Никаких угроз и попыток вытеснить ольбадцев со своего рынка, наоборот, клан предложил выгодное дело. И купил Ралевича с его жадностью с потрохами: в чистые по бумагам камни по дешевке тот вцепился клещом.

Дальше — больше. Дошло до любимого дела всех трансокеанских компаний — контрабанды. Камни стали еще дешевле, денег стало еще больше. К безобидным, в общем-то, камням потихоньку добавились вещицы посложнее и посерьезней — украшения, после и вовсе артефакты.

А потом на него вышел Рофель. И Рофель хотел заполучить «Щит», предлагая за него такие деньги, что Ралевич согласился не раздумывая. Его уже не остановила ни организация разбойного нападения, ни вывоз секретной разработки, который автоматически приравнивался к измене.

На обещанные Рофелем деньги Ралевич договорился о поставках со Смитом, заверив, что отдаст эту сумму, когда приедет. В итоге он не привез Рофелю «Щит», хотя взял немалый задаток, не отдал остальные деньги второму клану, которому передал тот самый задаток, и получил заказанный товар. А потом умер. И Живко, как единственный его посредник, которого прекрасно знали оба клана, оказался в глубокой заднице.

Шешель даже искренне ему посочувствовал. Конечно, парень и сам виноват, потому что работать на увлекшегося уголовщиной дядю его никто не заставлял, но все-таки огреб он гораздо сильнее, чем заслуживал. Нетрудно было понять его нервное состояние и попытку забыться в бутылке.

Правда, из числа подозреваемых его пришлось официально вычеркнуть: при таких вводных и таких последствиях он никак не мог грохнуть дядю ради наследства. Вот после того, как тот расплатился бы с обоими кланами, — другое дело, но не сейчас. И уж тем более не оставил бы «Щит» молодой вдове: Живко прекрасно знал, как выглядит артефакт, и знал, что тот находится на руке у жены Ралевича. И даже подтвердил предположение самого Шешеля, что женился дядя в первую очередь для того, чтобы можно было вывезти артефакт, не привлекая к нему внимания.

— А откуда вообще Рофель узнал про «Щит»?

— Не знаю. Что, неужели не нашли утечку? — удивленно вскинул брови Живко. — Правда не знаю, он на Павле сам вышел. Мне кажется, понял, что тот из-за денег удавит родную мать, да еще артефактор, да еще мотается туда-сюда — хороший кандидат. А откуда узнал — не говорил.

— Как думаете, кто мог убить Ралевича? — задал Стеван закономерный вопрос.

— Да пес знает, — передернул плечами Хован. — Но я бы с ним потолковал, да, с-с... — Он не удержался от пары грязных ругательств и извиняться на этот раз не стал. — Может, и правда, девка эта?

— Зачем ей это? — искренне любопытствовал Шешель. Вдруг услышит что-то новое?

Живко рассеянно пожал плечами.

— Может, он ее с мужиком застукал? Девка уж больно хороша, не верю я, что она за Павле по большой любви вышла. Ну разве что по любви к деньгам. — Он неприятно хихикнул.

— А Ралевич верил?

— Да пес знает! Но вообще, знаете, он мог, — кивнул Живко. — С самомнением у него порядок был, да. Что его не поймают — верил совершенно точно, считал себя самым умным. А девка так о его... самолюбие терлась, что мог и поверить. Молодец. Вроде дура дурой, но так-то выходит — и не совсем. Но вообще, знаете, навряд ли она бы прям в первый день любовника притащила, это надо совсем уж конченной дурой быть. Да и откуда он там мог взяться? Павле же до последнего держал время перелета в тайне, перестраховывался. Любил приговаривать, что осторожного боги берегут.

— У него были враги?

— Ну, друзей точно не было, — усмехнулся Хован. — Но так-то он не брезговал по головам идти, так что его, надо думать, многие ненавидели. На людей ему вообще плевать было, это точно. Могли и конкуренты, могли партнеры, могли какие-нибудь обиженные работники. Только как они его там поймать успели, сразу после прилета?

— Кто вообще был в курсе, что он полетит в Норк?

— Я был, тамошние головы, конечно, тоже. Но мне Павле телеграмму отбил перед отъездом, я там всех предупредил. А здесь...

Да пес знает! Может, секретарь его в конторе что знает? Дядя ему вообще крепко доверял.

— А насчет его махинаций? Вы вот в курсе, а остальные партнеры?

— Не знаю, я с ними не работал, — отмахнулся Живко. — То ли знали, то ли нет — без понятия. Павле плакался, что там никто, кроме него, работать не хочет, но он и приврать мог. Закупками точно он занимался, а насколько остальные в дела лезли — я без понятия.

— Спасибо. Вы очень помогли следствию, — задумчиво кивнул Шешель.

— Эй, погодите! А что с охраной-то? — всполошился Хован. — Я без охраны не пойду!

— А давайте мы вас арестуем? — воодушевленно предложил Стеван. — Изолятор у нас удобный, охрана надежная. Поместим в отдельную камеру. Посидите, отдохнете, а я пока разберусь с этим делом. Может, и вам удастся помочь, все-таки этим заокеанским ребятам стоит напомнить, что им здесь не Норк. И мне далеко с протоколами не бегать.

— Арестовывайте, — махнул рукой Живко. — Я, может, хоть выплюсь на трезвую голову. У вас же там заключенным выпивка не полагается?

— Не полагается, — усмехнулся Шешель.

— Ну и хорошо. А вообще, знаете, если вдруг решите на меня Павле повесить — вешайте! Может, проживу подольше. Тюрма — не тюрма, а все лучше, чем сидеть и трястись над бутылкой. Или хоть сдохну быстро, если меня... — Он жестом очень выразительно изобразил петлю повешенного на шее.

Напоминать, что вообще-то Живко причастен к краже ценного артефакта и является соучастником в измене, Стеван не стал. Мери виновности в каждом из таких преступлений определял владыка лично, вот пусть Тихомир и решает своей монаршей волей, куда этого орла переводить из изолятора.

Пристроив фигуранта в уютную камеру, Шешель направился в контору «Северной короны», чтобы найти секретаря Ралевича. Конечно, последний умер, но вряд ли из-за этого работник прогуливает.

В здании, которое занимал ювелирный дом, царила сдержанная, обреченная паника. То есть никто не бегал с выпученными глазами и не кричал, но общее тревожное настроение буквально пропитывало воздух. Узнав, что к ним принесло следователя, сотрудники напрягались, подбирались и глядели на него с суеверным ужасом. Кажется, ждали, что он сейчас начнет все обыскивать и арестовывать списком. В сторону нужного кабинета указывали с таким видом, словно травили бедного секретаря собаками, а не травить — не могли.

К облегчению Стевана, должность помощника Ралевича занимала не томная девица в слезах, а очень выдержанный мужчина в возрасте. В отличие от большинства работников он был собран, сосредоточен и деловит. Хотя явно переживал, что будет с «Северной короной»: он, вслед за своим начальником, полагал, что держалось здесь все на Ралевиче.

Шешель как раз беседовал с секретарем, когда кошмар остальных сотрудников все же сбылся: прибыли коллеги Стевана из смежных подразделений, которым предстояло проводить свои проверки, по экономической и юридической части.

Увы, ничего конкретного секретарь сказать не мог. Да, билеты заказывал он. Да, Ралевич попросил не афишировать, но строжайшей секретности никто не соблюдал, секретарь заказывал билет по телефону и созванивался с транспортными компаниями несколько раз, потому что найти приличную каюту на ближайший рейс очень непросто даже за большие деньги. В кабинет к начальнику постоянно кто-то заходил, в том числе во время этих разговоров, и никакого учета посетителей секретарь не вел.

Гожкович в тот день тоже был, он наведывался часто и вообще больше времени проводил в конторе, чем остальные партнеры, особенно в последнее время. Но в какой именно момент заходил и слышал ли разговор с транспортными компаниями — этого секретарь не помнил. И не вспомнил, как Шешель ни пытался навести его на нужные мысли.

А вот собственную причастность к грязным делам Ралевича секретарь предсказуемо полностью отрицал, как и осведомленность в них. В Регидон начальник летал часто, по несколько раз в год, но перед помощником не отчитывался. А тот и не лез, просто старался выполнять свою работу. Верить ему или нет — Стеван так и не

определился и только порадовался, что ловить его на лжи предстоит другим людям. К убийству Ралевича секретарь явно непричастен, про «Щит» не знал, это уже проверили, а все остальное Шешеля не касалось.

Так и пришлось оставить «Северную корону» на разорение коллегам, а самому вернуться в родной кабинет с единственной новостью: Гожкович теоретически мог знать, что партнер улетает с молодой женой в Регидон.

Оформив протокол допроса и сходяв с ним в изолятор к Живко, Шешель обнаружил появившийся в его отсутствие отчет экспертов и ворох бумаги от разных транспортных компаний о перемещениях трех известных личностей Кокетки.

Как и предполагалось, подлинным оказался только паспорт Янич, а вот второй — очень качественной подделкой. Пришлось поворошить картотеку и перебрать работающих с паспортами фальсификаторов: при всех талантах этой женщины документы она наверняка делала не сама, слишком уж профессиональной оказалась подделка. Чувствовался большой опыт и знание предмета.

После отсева недостаточно профессиональных и до сих пор сидящих, а также более тонкой фильтрации и оценки особенностей стиля, которые у таких людей вырабатывались, как у художников, осталось пять человек со всего Ольбада. Сравнительно близко находился только тот, что жил в Беряне, и еще один — из соседней Мадиры, в которую Биляна Белич моталась как на работу и проводила там много времени, четыре-пять месяцев в году.

То есть мать она, похоже, все-таки навещала. Или просто жила там параллельно со столицей? Будет забавно, если там у нее отыщется семья из законного мужа и выводка детей... Впрочем, такой вариант Шешель рассматривал разве что в шутку, на мать семейства Чарген не походила совершенно.

Цветана Лилич засветилась в справках перевозчиков всего один раз, при перелете из того городка, в котором находился пансион, — отработывала легенду. Городок тоже, к слову, располагался в Мадире.

А вот под собственным именем Чарген Янич никуда не летала и вообще, кажется, им не пользовалась, предпочитая удобную маску мышки. Благо разумно не хотела светить настоящее лицо?

Волевым усилием в очередной раз заставив себя отложить возню с делом мошенницы, Шешель решил остаток приличного для визитов времени суток посвятить партнерам покойного Ралевича, которых имелось четверо.

Двое выглядели совершенно растерянными и деморализованными после разговора с коллегами Стевана о финансовых махинациях покойного, поэтому следователю достались тепленькими и готовыми сотрудничать. Только рассказать они ничего не могли, потому что рассматривали «Северную корону» как место вложения средств и даже не интересовались, как продвигается работа.

Третий был откровенно зол и материл покойника такими конструкциями, что хоть записывай. Этот оказался человеком куда более внимательным и дотошным, чем двое других, о вложениях своих заботился, однако не настолько углублялся, чтобы заметить подвох. Только радовался прибыли и восхищался талантами партнера. Недолго, правда...

Этот бы, с его темпераментом, пожалуй, мог убить Ралевича, но, во-первых, был погружен в работу и его постоянно видела в столице куча людей, а если пропадал — на считанные часы, никак не успеть в Регидон. А во-вторых, это был высокий и крепкий мужчина, что совсем не вязалось со слабыми ударами ножом для писем. Да еще импульсивный и порывистый, он бы, скорее, ударил чем-то тяжелым в пылу ссоры. Ножом, конечно, тоже мог, но уж точно не так.

Оставался Гожкович, который по-прежнему отдыхал в своем санатории. И тоже, что характерно, в Мадире.

К возвращению Шешеля ждала еще новость, но не очень-то приятная: обнаружился только счет на имя Биляны Белич, и движение средств на нем вызывало скорее сочувствие, чем желание немедленно арестовать. Под этим именем женщина работала не только в библиотеке, но и в заведении со «скромным» названием «Бриллиант Беряны» — дорогой и претенциозной гостинице с одноименным рестораном на первом этаже.

Расспросы на месте позволили сделать вывод, что Кокетка именно там выбирала себе жертвы, прислушиваясь к тому, что говорит остальная прислуга, и издали присматриваясь к людям. Потому что работу она там делала самую простую и черную, за которую платили медяки, совершенно не пересекаясь с постояльцами, зато среди

остальных работников пользовалась симпатией и сочувствием, слыла человеком надежным, которому можно доверить любые тайны без риска огласки.

И это уже была какая-никакая зацепка, потому что людей, ни разу не бывавших в этом заведении или посещавших его редко и ничем значимым там не отметившихся, стоило отбросить сразу. Чарген должна была присмотреться и послушать сплетни, а случайных гостей, скорее всего, не станут обсуждать.

Подтвердить это предположение оказалось не так уж сложно, хватило звонка секретарю Ралевича, который, к счастью, еще оставался на своем рабочем месте, и прямого вопроса о «Бриллианте». Оказалось, да, покойный считал название и дороговизну места подходящим антуражем для того, чтобы приглашать туда всевозможных деловых партнеров и бронировать для них номера.

Конечно, с такой странной зацепкой сложно было выбрать среди всех эпизодов подходящие, но упорство — добродетель, которой Стеван обладал в полной мере. Правда, разговоры с пострадавшими пришлось отложить на утро, а пока...

А пока стоило все-таки собраться с силами и нервами и как следует допросить госпожу Янич. Про собственные делишки она колотья не станет, прижать ее пока нечем, а вот опросить под запись про смерть Ралевича — дело нужное.

Официальный рабочий день уже кончился, и, хотя охрана в изоляторе была круглосуточной и при необходимости могла отконвоировать арестованную в допросную, Стеван решил не гонять людей по пустякам, поговорить с Янич сразу в камере. Все равно машинистку уже точно не найдешь, они-то как раз уходят вовремя.

Да и к лучшему, что их разговор пройдет без свидетелей, потому что Шешель затруднялся даже предположить, куда он может вывернуть. Слишком предвзятым и непредсказуемым было его собственное отношение к этой особе, и, как бы он себя ни ругал, как бы ни уговаривал, но изменить этого пока не мог. И не мог поручиться, что сумеет удержаться в разговоре с ней в профессиональных рамках. Если он в последнюю короткую встречу, просто обменявшись с Кокеткой взглядами, так взбесился, то на допросе...

В общем, лучше разговаривать наедине, безо всяких... машинисток.

Изолятор при постройке сознательно расположили на верхнем, шестом этаже здания. Подвал здесь тоже имелся, но его посчитали недостаточно надежным. За годы существования Беряны под ней образовалось огромное количество тоннелей и переходов, от канализационных до имеющих совсем уж непонятное назначение. Их полной карты не существовало, поэтому утверждать, что под одной из камер не окажется вот такого перехода, никто не мог. Да и вообще планировщики решили, что сделать подкоп все же проще, чем незаметно пробраться на крышу отдельно стоящего здания.

Шешель оценки этому явлению не давал, жил с тем, что давали. Только привычно ругался, когда по десять раз на дню приходилось бегать на шестой со своего второго и обратно. Оно, конечно, полезно для здоровья, но время-то идет!

Сегодня, впрочем, спешить было некуда, поэтому Стеван немного пообщался с охраной, пока те неторопливо устанавливали его личность, проводили личный досмотр и принимали под подпись оружие, зажигалку и перочинный нож.

Стражники, конечно, не удержались от высказываний о поимке Шешелем Кокетки, потому что об этой его навязчивой идее не знали только совсем посторонние, а местные сотрудники такими точно не являлись. Стеван, конечно, позубоскалил вместе с ними, удостоверился, что Хованом Живко никто не интересовался, и предупредил, чтобы за ним приглядывали получше. Узнал, что задержанная девица ведет себя хорошо, выслушал пару анекдотов и новую байку про одного из коллег. Точнее, про сложности его семейной жизни и ревнивую жену, которая со скандалом явилась проверять, с кем дражайший супруг развлекается на рабочем месте. Развлекался он тогда с бандой грабителей, но в итоге развлекся весь СК. В общем, обычный ниочемный треп, неплохо поднимающий настроение. Самое то, чтобы настроиться на предстоящий сложный разговор.

— Слушай, Шешель, я тебя давно спросить хочу, — размеренно заговорил начальник смены Тримир Бажич, похожий на старого седого волка, гремя ключами и открывая первую решетку. — Ты чего тут живешь, что ли? Ну все, бывает, ночами торчат и задерживаются, но к нам вот только тебя и носит после семи.

— Так я вам вроде не мешаю картами шлепать, — со смешком пожал плечами Стеван. — Наоборот, даже поддерживаю: шлепаете — значит, не спите. Или как раз спать и не даю?

— Жениться тебе надо.

— Ага, и веселить вас историями о том, где и при каких обстоятельствах меня баба потеряла и с кем ругаться пришла, — насмешливо фыркнул следователь. — Иди-ка ты в задницу со своими советами, приятель.

— Ай дурак ты! — отмахнулся тот, не обидевшись, громыхнул окошком камеры. — Я же добра тебе желаю. Задержанная Янич, к вам следователь, — предупредил и открыл дверь. — Я окошко открытым оставлю, ты как закончишь — крикни, услышим.

Семнадцатая считалась у местных номером люкс, их таких было три. Одноместные, а не на четыре койки, просторные, с персональным туалетом, умывальником, столом и даже стулом со спинкой, выкрашенными в теплый зеленый цвет стенами и дощатым полом. Чистоту в изоляторе вообще поддерживали старательно, но здесь было даже почти уютно.

Нынешняя обитательница камеры сидела, поджав ноги, на кровати с книгой — это не возбранялось, даже наоборот, при изоляторе имелась своя небольшая библиотечка из единственного, но плотно набитого шкафа, собранная силами едва ли не всего С К. К ее пополнению даже Шешель приложил руку, сдав пару десятков задвоившихся томов.

Чарген при звуках открываемой двери положила книгу на колени и принялась нервно теребить кончик густой косы, расчесывая волосы пальцами.

Стеван смерил узницу тяжелым злым взглядом, нервно сжал свободную руку в кулак — до зуда в пальцах захотелось запустить их в шелковистые пряди. Чарген ответила почти таким же выражением лица — ничего хорошего она от позднего визита не ждала.

Или скорее от себя, потому что за почти сутки в камере так и не успела перегореть, жутко злилась на Шешеля и по-прежнему мечтала как минимум съездить ему по физиономии. После предыдущей встречи это желание слегка поутихло — она не поняла, на что Стеван так разозлился, но вид разъяренного господина Сыщика впечатлил,

увы, временно. За прошедшее с того момента время мошенница успокоилась и вернулась к прежнему настроению.

Она села прямо, нашарив ногами мягкие туфли без задников, и вцепилась в книгу, словно пытаясь спрятаться за ней.

— Добрый вечер, — невозмутимо проговорил следователь, присаживаясь к столу, разложил линованные листы, достал ручку. — У меня несколько вопросов.

— Я уже говорила, ищи сам, — огрызнулась Чарген.

— Вопросы как к свидетелю, — все так же спокойно продолжил Шешель. — Это ведь в твоих интересах, чтобы мы поймали убийцу Ралевича и не стали спихивать его на первого удачно подвернувшегося под руку кандидата вроде молодой жены. — Он насмешливо вскинул брови. — Впрочем, если не желаешь...

— Спрашивай, — поморщилась Чара. — Хотя я и так тебе все рассказала.

— Во-первых, может, еще что всплывет, а во-вторых, все равно показания надо оформить официально. Жена ты, может, фальшивая, но зато свидетель настоящий.

Шпильку Чарген, стиснув зубы, пропустила мимо ушей, а дальше следователь перешел на деловой тон и действительно начал расспрашивать ее исключительно о Ралевиче — с кем ссорился, с кем был дружен, что собой представлял. Втянувшись в разговор, Чара даже сумела немного расслабиться и выпустить из рук книжку, за которую неосознанно цеплялась, словно за спасательный круг.

— Значит, мужу ты не изменяла? — уже под конец уточнил Стеван.

— Нет, — со вздохом повторила она.

— Которому? — не удержался от ехидства он.

— Каждому, — тут же огрызнулась Чарген.

— А сколько их было всего?

— Даже если их было больше одного, какое отношение это имеет к смерти Ралевича? — резко возразила мошенница. — Кто-то хотел поговорить только о ней, разве нет?

— Ну а вдруг кто-то из бывших приревновал и решил отомстить? — усмехнулся Шешель.

— Я уже говорила, что больше ни одного знакомого лица там не видела, и ты это даже записал. Или ты не по делу, для себя

интересуешься? Не ударил ли в грязь лицом? Ну так не волнуйся, для своего возраста ты еще ничего!

— Польщен высокой оценкой, — не вставая с места, шутовски раскланялся следователь. — Только я не понимаю, с чего ты так истеришь. Неужели всерьез думала очаровать настолько, что я бы закрыл глаза на все твои странности?

— Очаровать кусок льда? Ну что ты, я не настолько самонадеянна! — отмахнулась она. — Просто любопытно было, азарт опять же. Не говоря уже о том, что после Ралевича любой покажется радостью, даже такая мразь, как ты.

— Тяжелые трудовые будни шлюхи, — хмыкнул Стеван. — Я бы даже посочувствовал, честно, если бы не представлял, сколько денег ты поимела со своих клиентов. Интересно только, на что спустила? Азартные игры? Красивая жизнь? Когда только успевала...

— Пошел вон! — Чарген вскочила с постели, стиснула кулаки. Книжка хлопнула об пол. — Ненавижу! Какая же ты сволочь!

— Протокол подпиши, благородная дева, оскорбленная в лучших чувствах, — криво ухмыльнулся Шешель, протягивая ручку.

Остатки выдержки у Чары ушли на то, чтобы не попытаться воткнуть ее следователю в глаз или в руку. Подмахнула документ резко, даже не пытаясь читать, в одном месте порвала пером бумагу, швырнула ни в чем не повинную ручку об стол — подальше от соблазна.

Искоса поглядывая на разъяренную мошенницу, Шешель с нарочитой неторопливостью сложил бумаги в тонкую рабочую папку. Он не дразнил ее намеренно, изображая невозмутимость, а просто... любовался.

Все же хороша, возмутительно хороша — вот именно такая, взвинченная. Глаза мечут молнии, и как же замечательно эта страсть сочетается с ее собственным лицом, с горячей ромальской кровью!

Разогнав в конце концов глупые мысли, вызывавшие усталую и раздраженную досаду, он поднялся и окликнул от двери стражника. Второй, более молодой охранник загремел замком камеры подозрительно скоро и поглядывал на следователя странно — так, как будто хотел что-то спросить, но стеснялся. Стеван запоздало сообразил, что тут неплохая акустика, а уж при открытом окошке на посту, скорее всего, слышны все громкие звуки из камеры.

В неловкой тишине он забрал свои вещи у выразительно молчащих стражей, не зная, ругаться ему хочется или смеяться, но точно зная, что завтра по этим стенам пойдет гулять очередной интересный слух. И даже представлять не хотелось, какими подробностями обрстет по дороге, до того момента, как кто-то рискнет уточнить подробности у самого следователя.

ГЛАВА 10

Даже если мужчина избегает женщин, рано или поздно его догонят

Служебная машина руля слушалась нехотя, но все равно катилась по дороге на юго-юго-восток. Обнаружив, что билетов в нужную сторону на ближайшие рейсы нет, Шешель плюнул на воздушное сообщение и решил прокатиться так, на своих четырех. То есть не своих — казенных; собственный автомобиль Стеван, питавший искреннюю симпатию к колесному транспорту, все собирался завести, но никак не мог собраться.

Каждый раз, когда приходилось садиться за руль одного из этих простых, измученных сложной жизнью, но надежных тарантасов, Шешель обещал себе решить вопрос с личным транспортом побыстрее. И каждый раз, когда необходимость отпадала, откладывал это дело на потом. То выбрать не получалось, то времени не хватало, то вообще передумал и на кой ему эта техника — в общем, не складывалось, так что приходилось довольствоваться гаражом С К.

Все пути вели Шешеля в Мадиру, и даже не надо было придумывать себе оправданий. Помимо любимого занятия, охоты на Кокетку, этой поездки требовало и дело о смерти Ралевича: до санатория, где отдыхал Гожкович, не было возможности дозвониться по причине отсутствия там телефона. Но, изучив карту, визит этот Стеван оставил напоследок.

Сначала Испас, столица Мадиры, где следовало заручиться поддержкой местной стражи и с ее одобрения, поскольку не дело это — соваться на чужую территорию без предупреждения, нанести визит вежливости фальсификатору. Потом — госпожа Йована Янич, хотя Шешель и самому себе не мог внятно ответить на вопрос, а чего он вообще хочет добиться этим визитом. Утешало только одно: нужный городок лежал почти по дороге к санаторию, крюк выходил совсем небольшим.

Впрочем, Стеван и в Испас поехал больше для галочки. На старого мошенника у него ничего не было, даже не получилось бы

доказать, что именно он сделал для Чарген Янич фальшивый паспорт, так с чего бы старику делиться хоть какой-то полезной информацией, фактически оговаривая самого себя и сдавая клиента? Нет, на него просто хотелось взглянуть поближе, а какие-никакие реальные надежды он возлагал только на местных коллег из отделения городской стражи, в ведении которого находился дом мошенника.

Мадирцы столичного гостя поначалу встретили настороженно и почти враждебно, но, когда уяснили, что именно ему надо, подобрили. Налили путешественнику крепкого кофе — по местному обычаю соленого и с перцем, но Стеван мужественно выдержал и даже почти одобрил, — угостили фруктами и конфетами и щедро поделились информацией.

Старик Марчелис, к которому Шешель приехал, по уверению стражников, уже давно отошел от дел и после последнего срока, выйдя десять лет назад на свободу, к прежним делам не возвращался. Во всяком случае, вся местная шушера, которая знала все обо всех, полагала, что старик в завязке и стучаться к нему с вопросами по прежнему профилю бесполезно. Жил он одиноко, скромно, но вроде ни в чем не нуждался. Навещала его только какая-то дальняя родственница, очень милая девушка.

Стеван тут же сделал стойку и сунул бдительному стражу, видевшему гостью, паспорта Кокетки. Тот уверенно опознал Билян, так что Шешель мысленно поставил галочку: личность фальсификатора он установил.

Вот только, как бы ни радовало это открытие, ничего нового оно против Чарген Янич или самого старого мошенника опять же не давало. Что она старика навещает — так это не преступление, доказать, что именно он изготовил фальшивку и делал остальные, не получится — слишком много времени прошло с момента рождения поддельного паспорта. В лучшем случае какие-то следы найдутся на документах Цветаны, но и то вряд ли: им уже пара месяцев и прошли они за это время немало рук, включая стражу Норка. И пройдут еще, пока — если — прилетят сюда.

Но Шешель все же навестил старика. Конечно, неофициально, не размахивая удостоверением. Тот принял гостя поначалу радушно, а когда Стеван на пробу заговорил о документах, принялся отнекиваться и смеяться, что давно уже это дело бросил и молодому человеку

советует того же. А уж когда Шешель рискнул и помянул Чарген Янич, якобы порекомендовавшую ему приехать сюда, сразу засуетился и поспешил гостя спровадить. Дескать, не знает он такой, и вообще некогда ему, и нечего предлагать старику всякие гадости, а то он стражу позовет. Из чего Стеван сделал вывод, что Чарген старик знал, и знал очень хорошо, и прекрасно понимал, кто именно его навещает под личиной Биляны Белич. Но пока это был лишь занятный штрих к биографии обоих, который не получилось бы внести в материалы дела даже для справки.

В общем, Испас следователь покинул с некоторым количеством информации к размышлению, но без малейших подвижек в расследовании. А дальше он и вовсе собирался сознательно убить пару часов драгоценного времени на удовлетворение собственного праздного любопытства. Понимал, что это глупо и бесполезно, но в итоге договорился с собой и позволил себе такую маленькую слабость. Если не получается выкинуть госпожу Чарген Янич со всеми ее тайнами из головы, может, удастся сделать это, ответив на мучающие его вопросы?

Маленький, очень живописный городок раскинулся на самом побережье. Хитросплетение улиц оказалось настолько сложным и запутанным, что никакой талант к ориентированию не помог, и вскоре Шешель расписался в собственном бессилии найти нужный адрес. Поэтому, поравнявшись с неторопливо шагающей вдоль улицы немолодой мадиркой, притормозил и спросил дорогу.

Местная жительница остановилась для разговора с удовольствием, но ответить вот так с ходу не сумела. Долго морщилась, рассуждала вслух, а потом спросила, что там находится. Когда же Стеван назвал имя нужной женщины, буквально просияла.

— Так вам Йона нужна! Ой, да так бы сразу и сказали! — На ольбадском она говорила с акцентом, но внятно. — Это вон там, вон видите, зеленая крыша? То ее дом.

— А вы ее хорошо знаете? — любопытствовал заинтересованный Шешель, выбравшись из машины.

— Ой, у нас ее все знают! — Проходящая с большой охотой воспользовалась возможностью почесать языком. — Как праздник какой у кого — все к ней бегут, какие она торты делает — залюбуешься! И травница знатная, и вообще хозяйка такая, что к ней

все за советом и помощью бегают. Одинокая вот только, без мужа тяжело. Хотя сейчас у ней меньшие уже подросли, так стало хорошо. Капитан тут один все вокруг нее увивается, как на берег сходит, да все никак не увьется толком. А Йона смеется только — куда ей, мол, с такой оравой еще мужика. Но, думаю, зря она это, красивая пара бы вышла! Но она так-то вообще сурова к мужикам. Одно время за ней местные ухлестывать пытались, она же видная, красавица настоящая. Но Йона вообще к вашему брату неласковая, а уж если узнавала, что женатый, — так чуть скалкой с порога не гнала! У нас ее потому здешние хозяйки все уважают очень, за принципиальность. Но детишки у ней славные, это да. Ангелар — золото что за паренек, умный такой, серьезный, в Испасе нынче, юрист. Еще только двадцать шесть, а уже младший партнер, сам дела ведет!

— А старшая дочь?

— Вы про Чару? Ой, тоже славная такая, хотя глаза черные, другой раз как зыркнет — ух! Аж в столицу удрала, вроде работает там. Но мать все равно часто навещает. С мужем ей вот тоже не везет, видать, семейное это у них... Ой, а вы ж не к Чаре, случаем, женихаться-то приехали? А то я тут...

— Нет, я не жених, я по делу, — поспешил заверить Стеван. — Спасибо большое, поеду.

— Ну и зря, хорошая она. Присмотрелись бы, — напутствовала добрая женщина.

Шешель даже вежливо улыбнулся в ответ. Вышло больше похоже на кривой оскал, но мадирка не обратила на это внимания. И, конечно, не услышала, как следователь угрюмо пробормотал себе под нос: «Спасибо, присмотрелся уже, хватит».

Однако стало ясно, что в оценке характера матери Чарген и условий ее жизни он ошибся кардинально. Со слов мадирки, портрет ее рисовался более чем неожиданным, и Стеван окончательно перестал жалеть о том, что поддался любопытству и приехал сюда.

Дом у Йованы Янич оказался хорошим, крепким. Сын помогал, капитан или еще кто заплывал, но твердая хозяйская рука ощущалась. Правда, никакого особенного богатства и высокого достатка не чувствовалось, в ряду таких же дом выделялся разве что достойным уходом. Если Чарген отдавала деньги семье, то шли они явно не на это.

Дверь незваному гостю открыла, очевидно, сама хозяйка дома, и слова случайной прохожей заиграли для Шешеля новыми красками. Удивительно, но ничто из сказанного ею, похоже, не являлось преувеличением. За *такой* женщиной мужчины действительно могли волочиться почти поголовно. Она по-настоящему впечатляла, причем даже привычного к столичным дамам Шешеля, что уж говорить о скромных местных рыбаках и работягах!

Йована Янич уместнее смотрелась бы не в простом легком платье на пороге этого дома, а в бриллиантах и шелках в свите владычицы. В свои пятьдесят три, да еще при таком количестве детей, выглядела она более чем прекрасно. Статная, с гордой посадкой головы и безупречными чертами лица — в молодости она наверняка блистала, да и возраст обошелся с Йованой удивительно бережно, уложив морщинки вокруг светло-карих глаз и серебро на черных волосах скорее как украшение. Да, назвать ее тонкой и изящной не получилось бы, сложение старшая Янич имела скорее плотное. Но все равно — хороша!

Причем, как через пару мгновений решил Стеван, хороша не только и не столько лицом, сколько каким-то внутренним огнем, силой, характером. Госпожа Янич явно принадлежала к той породе женщин, которых чаще всего называли роковыми.

— Чем обязана? — Хозяйка встретила незваного гостя настолько хмуро и неласково, что списать это на общую суровость в отношении к мужчинам, упомянутую неизвестной мадиркой, не получалось. Скорее она знала или как минимум догадывалась, кто и зачем к ней приехал.

— Меня зовут Стеван Шешель. Хотел поговорить о вашей дочери, Чарген.

Йована смерила гостя взглядом, но от двери все-таки отступила, пропустила следователя внутрь дома. Оглядевшись в прихожей, откуда сразу же начиналась лестница вверх, Шешель за ближайшей дверью заметил две любопытные физиономии — мальчишеских или девичьих, не разобрал, оба ребенка были одинаково кудрявы и большеглазы. Только один совсем беленький, а второй — медно-рыжий.

— Пойдемте на кухню, — поманила его за собой женщина. Там плотно прикрыла дверь, усадила Стевана к большому круглому столу, сама заняла соседний стул. — Что вы хотели?

— Вы в курсе, чем зарабатывает на жизнь ваша дочь? — медленно заговорил Шешель, с интересом оглядываясь. Опять, как и во всем доме: чисто, крепко, надежно и без изысков. Семья не бедствовала, но и не шикавала демонстративно.

— А вы здесь как кто?

— То есть?

— Следователь из СК с официальным визитом или любопытствующее частное лицо?

Несколько секунд Стеван помолчал, разглядывая сидящую напротив женщину. Явно сильную, твердую, волевою. Она очень напоминала владычицу, со скидкой на обстоятельства и внешний вид. Такая не станет плакать, причитать, мяться и путаться в показаниях.

А то он не знает, что она ответит на официальном допросе!..

— Без протокола, — чуть поморщился Шешель, подняв руки в жесте капитуляции.

Йована немного расслабилась, окинула следователя уже более спокойным и мягким взглядом. Глаза у нее были гораздо светлее, чем у дочери, да и вообще внешность госпожа Янич имела типичной ольбадки. И Стеван решил, что при всей своей красоте в глаза она бросалась меньше, чем ее дочь, которая была более яркой. А Йована...

Впрочем, нет, не просто ольбадки, осенило Шешеля. Аристократки. У нее были благородные, слишком правильные черты, которые подошли бы какой-нибудь княгине, и именно это в ее внешности особенно сбивало с толку.

— Ну раз без протокола... Чара попалась?

— Попалась, — подтвердил он.

— Однако, судя по тому, что вы здесь, никаких весомых доказательств у вас нет, иначе не бегали бы и не суетились в нашей глуши. Что вы рассчитывали найти?

— Строго говоря, я здесь проездом, просто решил заглянуть, — спокойно ответил следователь.

— И в Испасе тоже проездом были? — чуть улыбнулась Йована.

— Практически. Старик доложил? — Стеван понимающе усмехнулся. — Он же по старой дружбе документы для вашей дочери делает?

— Старая дружба — единственно надежная... — Госпожа Янич неопределенно пожала плечами. — Но вы так и не ответили, на что

именно рассчитывали? Неужели думали, что мать начнет закладывать свою любимую дочь?

— Мне просто любопытно. В том числе — посмотреть на вас, я представлял вас несколько иначе, — ровно проговорил Шешель. — Я ведь не ошибусь, если скажу, что дело это у вас... семейное? И секретам мастерства дочь учили вы?

— Мастерства... — повторила она, пробуя слово на вкус. Усмехнулась. — Жарко, хотите лимонада?

— Хочу, — не стал отказываться Стеван, потому что жара в этих краях действительно стояла редкая и жажда с дороги мучила.

Хозяйка выставила на стол запотевший кувшин, пару стаканов, следом появилась большущая тарелка с сухим ореховым печеньем и еще одна, с виноградом.

— Ну, с Чарген понятно, у нее хороший пример перед глазами. А что толкнуло на этот путь вас? — спросил Шешель, потому что Йована не спешила отвечать на вопросы, а принялась молча отщипывать виноград. Рассеянно отрывала ягоды и клала их тут же на блюдо. — Красивая, умная женщина...

Он уже даже не удивлялся, что не испытывает к этой особе прежних привычных эмоций, которые обычно вызывали подобные преступники. Разум все понимал, но где-то на глубинных уровнях сознания никак не соединялись два образа — ловкой брачной аферистки и вот этой почтенной матери семейства. Больше того, госпожа Янич вызывала любопытство и... симпатию? К счастью, не как женщина, а просто по-человечески. Как интересный и, кажется, очень неординарный человек.

— Меня... — рассеянно повторила Йована, пригубила напиток. — Злость.

— На кого?

— На мужчин, — пожалала плечами она. — Я была избалованной, но счастливой девушкой из весьма богатой и родовитой семьи, старый аристократический род. Мне было девятнадцать, когда я встретила отца Чарген. Это был заезжий ромал, их табор остановился в городе. Хорош, стервец, глаз не отвести! Пала в его объятия я без малейшего сожаления, влюбилась сразу и накрепко. А потом он уехал. А потом оказалось, что я жду ребенка. Успешно скрывала это еще месяца четыре, уже пока живот оказалось невозможно прятать. Когда

родители узнали, они были в ярости. Меня выгнали из дома. Такой позор, такой скандал! Я уже была обещана весьма достойному молодому человеку, а тут вдруг — нагулянный от ромала подарочек...

— Так прямо и выгнали? — озадачился Стеван. — Ну, прерывать беременность поздно, так не проще было дать родить потихоньку и избавиться от ребенка?

— Мой отец был очень горячим человеком, — пожала плечами Йована. — Он кричал, что убьет, чтобы я убиралась. Сейчас, с высоты жизненного опыта... — Она усмехнулась. — Я почти уверена, что убираться он велел с его глаз. Потом бы остыл, наверное, додумался до этого варианта, но я вдруг послушалась и ушла совсем. Может, меня даже потом искали, но не нашли. Я родила. К этому моменту ушла далеко от родных мест, туда, где меня уж точно никто бы не узнал. Приютила одна сердобольная женщина. Узнала во мне себя, только у нее ребенок умер, и, кажется, она от этого умом повредила.

— И при чем тут ненависть к мужчинам? — спросил Шешель, потому что собеседница замолчала, погружившись в воспоминания.

— Ну, что-то она мне наговорила, что-то я сама придумала, от обиды на того ромала...

— Но имя дочери дали ромальское.

— Дала. Потому что любила его, — вздохнула Йована. Комментировать этот катастрофически нелогичный поступок следователь не стал. — Я... да не смотрите вы на меня так снисходительно! — улыбнулась она. — Я была очень молода и очень наивна. Но красива. Торговать телом мне совсем не хотелось, выходить за какого-нибудь рыбака и рожать ему детей, а меня бы взяли даже с младенцем, — тоже. Я не к такому привыкла и не такого хотела. Ну и вот как-то так получилось. Правда, беременела я от них, в отличие от нормальных мошенниц, по-настоящему, — рассеянно заметила она, бросив взгляд на запертую дверь. — Такой вот интересный талант в фиолетовой магии. Если я захочу, мужчине никакие средства предохранения не помогут.

— То есть все эти дети...

— Это мои дети, — твердо заявила Йована. — И вы, конечно, можете попытаться привязать даты их рождения к каким-нибудь заявлениям, но лучше не пробуйте.

— Почему?

— Во-первых, с их отцами мы расставались мирно. Они платили за то, чтобы я исчезла вместе с ребенком, я оставляла записку, что в любом случае ни на что не претендую. Я никогда не просила слишком много — столько, сколько они могли себе позволить без особых хлопот. Богатым людям это крохи, а нам хватало. Поэтому не думаю, что вы найдете хоть одно заявление. И каждого из них — хотите верьте, хотите нет, — я искренне любила. А они — меня. А во-вторых... Среди отцов этих детей попадаются такие люди, которые за огласку их маленьких грешков и убить могут. Я верю, что вы честный и принципиальный следователь, но... вам точно это нужно? — мягко, обаятельно улыбнулась Янич.

И Шешель вдруг отчетливо понял, что никакой маскировкой эта женщина никогда не пользовалась. Совсем другой стиль работы, нежели у дочери, совсем другие манеры и привычки. Ну а увлечь нужного ей мужчину для Йованы, наверное, не составляло ни малейшего труда — не с ее внешностью и харизмой.

— Свою маскировку Чарген придумала сама? — предположил Стеван.

— Сама. Она очень талантливая девочка, — с явной теплотой и любовью похвалила госпожа Янич. — Когда было ее время учиться... Сначала мы почти голодали, потом она сидела с младшими братьями и сестрами — какая уж тут школа или тем более высшее образование! Но я пыталась дать ей то, что знала сама. Магии меня, конечно, не учили, но всякие общие науки вбили крепко — и естественные, и все остальные. А потом она книжки таскала, сама со всем разбиралась. Очень талантливая и упорная, моя девочка...

— А деньги, которые она получала?

— Мне детей на ноги ставить, — спокойно ответила Йована. — Вырастить, выучить, людьми сделать. Чара очень их любит и хотела помочь, хотела, чтобы у них жизнь была... нормальной. Сейчас уже, конечно, проще, младшие подросли, а старшие устроены, сами помогать начали. Я говорила ей, что пора прекращать. Она после этого раза и собиралась. Ну теперь уж точно. — Она улыбнулась. — Ничего вы не докажете и посадить ее не сумеете, с хорошим-то адвокатом. А он будет. Спасибо, что предупредили. Чара сама гордая, она бы и не подумала помощи просить, ну а теперь-то мы ее не бросим.

— Детей вырастить, выучить... А Чарген не надо было на ноги поставить? — рассеянно спросил Шешель.

— Она очень сильная девочка, — задумчиво качнула головой Йована. — Когда она была ребенком, нам тяжело было, и голодать приходилось, какая уж тут учеба. Моя вина, я это знаю. Можно было избежать этого, можно было сделать другой выбор. Но прошлого не изменишь, а я была такой, какой была.

Они еще немного поговорили, но больше ничего полезного для себя Стеван не узнал. Выходил он от этой женщины в смятении и раздражении.

С Чарген все было более-менее понятно. Да, неизвестно, как именно она планировала получить выгоду именно от Ралевича, но она вышла за него замуж по чужим документам, то есть обманула и, вероятнее всего, хотела обокрасть — просто потому, что ждать от этого типа дорогих подарков было глупо, а глупой Чара точно не была. А вот насчет Йованы Янич и ее методов работы Шешель ощущал растерянность.

Да, сна бесспорно преступница. Сходилась с мужчинами, потом шантажировала их разоблачением, имея весомое доказательство. Скорее всего, они все были женаты, близки к тому или имели уж слишком специфичный род занятий, если интрижка и ребенок на стороне могли им всерьез повредить.

Но именно тут в полный рост вставало то, что выводило Стевана из себя в подобных преступлениях. Степень виновности жертв. Потому что закон они не нарушали, но по совести... Может, если ты женился и не хочешь терять репутацию, то и штаны стоит держать застегнутыми, а не совать детородные органы абы куда? И если по закону Йована заслуживала наказания, то по совести ее жертвы не вызывали ни малейшего сочувствия даже у Шешеля и... да, были виноваты сами. И он ловил себя на том, что совсем не расстроен тем обстоятельством, что госпожу Йовану Янич не удастся прижать к стенке, что она кругом права и попытка разворошить дела давно минувших дней не принесет ничего хорошего. Тем более в архиве наверняка нет ни одного заявления на эту женщину.

Заводя машину, Стеван тихо ругался себе под нос о том, как он не любит мошенников. Но ругался не всерьез, а по привычке, потому что

злиться на новую знакомую не получалось. Скорее уж восхищаться твердостью характера, хитростью и расчетливостью.

А потом мысли и вовсе предсказуемо свернули на другую, более щекотливую тему. Чарген. Чем больше он узнавал о ней, тем сильнее терялся. С ней было гораздо проще, чем с ее матерью, но одновременно — гораздо сложнее. Потому что, в отличие от Йованы, Чара совершенно однозначно преступница, причем пошла она на преступление совсем не от безысходности, и шла систематически. Конечно, мотив обеспечить семью и позаботиться о младших братьях и сестрах выглядел гораздо приличней, чем иные, но совершенно ее не оправдывал. Чарген пошла по простейшему пути, и толкнуло ее на этот путь не отсутствие других, а расчет и нежелание зарабатывать законным путем, как в свое время толкнуло и мать.

Больше того, Шешель очень сомневался, что все деньги действительно пошли в дело, наверняка они припрятаны на черный день на каком-нибудь безымянном счете, который вряд ли удастся найти. То есть картина преступления налицо, и Янич обязана была понести за это наказание.

Но презирать ее не получалось. Шешель прекрасно понимал, что предвзят, но... Чару получалось жалеть. Ею получалось восхищаться. Получалось любоваться и желать как женщину. Но никак не выходило *захотеть* собрать необходимые доказательства и отдать ее под суд. И Стеван даже почти радовался пониманию, что накопать на нее достаточно улик, скорее всего, не получится.

Больше того, как это ни нелепо, но и шлюхой он ее называл исключительно в попытке вправить себе мозги на место, потому что считать ее таковой не получалось. Да, она в конечном итоге спала с мужчинами за деньги, но такое впечатление, что с каждой новой маской снимала и ту личность, те отношения и тот опыт. Потому что... да чтоб ему посереть, что он, со шлюхами не имел дела, что ли! Было с чем сравнить.

И дело совсем не в моральном облике, никакого презрения продажные женщины у Стевана не вызывали — такова их работа. Если уж разбираться, то морально даже почище некоторых других, которых никому и в голову не приходит осуждать. От шлюх Чару отличала поразительная искренность и чуткость, от которых напрочь срывало тормоза уже у самого Стевана.

То ли она гениальная актриса, то ли у нее такой своеобразный постельный талант вдобавок к магическому — наглухо лишать мужчин здравого смысла, то ли...

На этом мысль останавливалась, потому что других внятных вариантов Шешель не видел.

Зачем она вообще к нему полезла? Ладно, можно предположить, что на прямой вопрос она тогда ответила правду, что толкнули ее любопытство, азарт, желание получить удовольствие. В это легко поверить, потому что самим Стеваном двигали похожие мотивы. Но стоило ли все это такого риска? Да, она порывиста и горяча, но явно умеет сдерживать свой характер и думать головой. И если действительно подумать головой, то сблизиться с ним было не лучшей идеей. Причем ладно в Регидоне, там она оказалась застигнута обстоятельствами врасплох, возможно, искренне напугана, зависима от него и пыталась вот так успокоиться или, например, заручалась поддержкой — женщинами, как прекрасно знал Шешель, порой двигали очень странные и нелогичные мотивы. Но он совсем не понимал другого: на кой она согласилась поехать к нему здесь?!

Садясь в машину возле воздушного порта, Стеван был абсолютно уверен, что она под благовидным предлогом, хотя бы даже ради смены одежды, попросит отвезти к дому Ралевича и попытается удрать. Это было логично и абсолютно правильно — уж здесь-то ей следователь точно был не нужен и очень опасен. Собственно, именно этого он ждал и планировал сразу доставить мошенницу в СК.

Когда она согласилась, Шешель озадачился и даже немного растерялся. Стало любопытно, что она предпримет дальше. Попытается тихонько выскользнуть из квартиры? Собственно, из этих соображений он и присоединился к ней в ванне: потому что ополоснуться после дороги хотелось, а вот оставлять свою «подопечную» одну в квартире — нет. Потому и группу вызвал заранее, мало ли что. Но не прямо сейчас. Хотелось дать время, понаблюдать...

Посмотрел в итоге с удовольствием, и потрогал, и вообще приятно провел время, жаловаться не на что. Вот только подвоха так и не дождался: свой побег и даже попытки к нему мошенница явно предпочла отложить на потом. Может быть, на утро, когда Стеван уснет.

Либо боялась обвинения в краже браслета — она уже знала, насколько он ценен, либо решила напоследок насладиться компанией Шешеля. Последнее, безусловно, грело мужское самолюбие, но совсем не вызывало доверия; да и первое казалось притянутым за уши, все-таки рука — не голова, можно было и стащить браслет, ну хотя бы попытаться. Но это объяснение хоть немного укладывалось в логику и психологию, в отличие от ее поведения в самую последнюю встречу.

Меньше всего Стеван понимал, почему Чарген так нервничает и злится именно сейчас, если прекрасно понимает, что у него нет на нее ничего серьезного. Неужели настолько привыкла к безнаказанности, что сам этот арест вызывает столько эмоций? Ну ладно, первую вспышку, когда она накинулась на него дома, это вполне объясняло. Но потом?

А потом она вела себя как обиженная и оскорбленная женщина, преданная тем, кому доверяла. И это совсем уж не вязалось с ее умом и прежней осторожностью, позволявшей столько лет избегать внимания стражи и СК. В конце концов, она же с самого начала знала, кто он такой!

— Ненавижу мошенников! — проворчал Шешель, отвлекая себя от мрачных раздумий: сухая и пыльная грунтовая дорога вывела наконец к санаторию.

Чтобы пройти на территорию, вполне хватило показанного дремлющему у ворот охраннику удостоверения. Пожилой, совсем негрозного вида мужчина, способный защитить разве что от малолетних хулиганов, встревожился визитом следователя аж из Беряны, но объяснением, что тот хочет поговорить с одним свидетелем по старому делу, вполне удовлетворился.

После такого привратника общий вид санатория не удивил: место оказалось исключительно сонным и столь же исключительно живописным. Скалистый берег моря, ароматные сосны, белые мощеные дорожки, фонтаны — прекрасно подходит для тихого, спокойного отдыха. Уже вечерело, пик жары прошел, и обитатели этого мирного уголка дружно выбрались на прогулку. В основном пожилые люди, многие с тросточками, но попадались и молодые, выглядевшие здоровыми. Как выяснил Шешель, лечили здесь всевозможные заболевания суставов, в том числе последствия травм, и даже делали операции. Местный главный врач, фиолетовый маг

большой силы и опыта, считался в своей области светилом и авторитетом.

Диагноз Гожковича Стевану никто не сообщил: врачебная тайна, а судебного постановления не было, потому что обвинений совладельцу «Северной короны» пока не выдвигали. Но Чарген упоминала о его проблемах с руками, это Шешель запомнил и вполне этим удовлетворился. Такое заболевание, например, могло исчерпывающе объяснить слабость и неуверенность ударов, нанесенных Ралевичу этим крупным и в остальном как будто крепким человеком, — если партнера убил именно он.

Чтобы не бегать по территории, Шешель решительно направился к ближайшей женщине в медицинской форме, которая сопровождала на прогулке совсем уж древнего старичка. Семенил тот, однако, вполне бодро, благодушно улыбался и вообще выглядел исключительным живчиком.

— Здравствуйте!

— Добрый вечер, а вы кто? Что-то я вас не припомню, — насторожилась она.

— Стеван Шешель, следственный комитет Беряны. А вы тут всех знаете? — поинтересовался он.

— Знаю. Так что за дело?

— У меня есть разговор к одному из ваших постояльцев, а там по ситуации. Сташко Гожкович, знаете такого?

— Сташко? — Она обвела взглядом территорию. — Да вон он, видите? Ну куда вы смотрите! Вон сидит дама в розовой шляпе, а он слева.

— Это вот тот лысый?

— Да вы что, и не знаете, как он выглядит? — озадачилась женщина.

— В том-то и дело, что знаю, — хмыкнул Стеван.

Картина начала проясняться.

Шешель решительно направился прямо к сидящему типу, выдававшему себя за Гожковича. Тот, кажется, флиртовал с женщиной в розовой шляпе, но потом зацепился взглядом за твердо шагающего прямо к нему следователя, затравленно огляделся... И поступил более чем глупо: кинулся бежать. При его полноте и трости, явно

используемой не для красоты, побег оказался обречен на провал в самом начале.

Без труда догнав еще одного любителя чужих документов, Стеван не стал выворачивать руки и без того явно нездоровому немолодому мужчине, а бесхитростно схватил за шкуру, слегка дернул назад. Почувствовав на воротнике крепкую хватку, беглец повел себя как нашкодивший котенок: понурился, втянул голову и, если бы мог, наверное, поджал лапы.

Поднявшийся шум и возмущения Шешель задавил в зародыше. Назвался, сообщил о поимке мошенника и потребовал разговора с начальником всего этого безобразия с целью выяснения наличия сговора. Честно говоря, ни в чем таком главного врача и прочий персонал он не подозревал, зачем бы им это, но угроза помогла переключить персонал на более подходящий следователю лад.

Но в конце концов из санатория Стеван уехал, так никого и не задержав. Тот, кто выдавал себя за Гожковича, на самом деле оказался его же садовником. Проблемы со здоровьем у них были одинаковыми, о чем знали оба, и когда две недели назад Гожкович предложил своему служащему целый месяц полечиться вместо него в этом замечательном месте, тот, разумеется, возражать не стал. Причинами доброты, конечно, скромно поинтересовался, но вполне удовлетворился отговоркой про срочно возникшие дела.

В подлог был посвящен и главный врач, который просьбе поместить другого пациента вместо оговоренного заранее удивился, но решил, что большой беды не будет. В конце концов, деньги заплачены, оба пациента идут на это совершенно добровольно, оба приличные люди, Гожкович — так и вообще давний клиент, отчего бы не пойти ему навстречу?

Конечно, во всей этой истории можно было найти нарушение, придаться, устроить санаторию вместе с главным врачом веселую жизнь, но Шешелю стало лень из-за такой мелочи разводить волокиту. Состав преступления во всем этом не было, так, мелкие бумажные нарушения, а целитель и без проверок оказался достаточно наказан. Выяснив, что таким подлогом вероятный убийца обеспечивал себе алиби, распереживался он совершенно искренне. Стеван пришел к выводу, что в его случае муки совести окажутся гораздо лучшим наказанием, уже как минимум потому, что так страдал только

виновный, а в случае заведения дела и проверок досталось бы и остальным служащим, и пациентам.

Из ближайшего населенного пункта с телефоном Шешель позвонил в родной СК с тем, чтобы объявить Сташко Гожковича в розыск, после чего выдвинулся в сторону столицы.

Приехав в Беряну за полночь, Стеван плюнул на все и отправился домой, отсыпаться: он, конечно, выносливый, но почти сутки за рулем все равно измотали. Усталость оказалась гораздо сильнее посторонних мыслей, поэтому отключился Шешель быстро, едва оказавшись в постели. А вот утро испортило настроение тем, что стены родного дома, которые он и без того недолюбливал, наполнились новыми воспоминаниями и ассоциациями, против чего совсем не помогла генеральная уборка.

Стевану неотвязно мерещился запах той женщины, которая сидела сейчас в изоляторе. Запах, легкие шаги босых ног, тепло ее тела... Пальцы помнили мягкую, бархатистую кожу и тяжелый шелк волос. Вспоминался лукавый взгляд, искренний смех и привычка кусать нижнюю губу в задумчивости. Причем из воспоминаний пугающе легко и быстро стерся облик Цветаны Ралевич, и мерещилась ему именно Чарген.

От назойливости этих ощущений Шешель буквально зверел, но сделать с ними ничего не мог. Осталось только признать собственное поражение и сбежать на службу, где отвлечься от подобных чувств и мыслей было куда как проще.

И мир явно услышал просьбу следователя, желавшего хотя бы временно забыться в работе: день выдался насыщенным. Сначала Стеван принялся обзванивать пострадавших от рук мошенниц мужчин и расспрашивать их о посещении известного ресторана. Таким нехитрым способом удалось сократить число возможных жертв до восьми человек. Однако на этом мысль останавливалась, потому что предъявить госпоже Янич по-прежнему было нечего: по заверениям фиолетовых специалистов, эта ее маскировка меняла не только лицо, но и папиллярный узор, и ауру — подлинный магический шедевр. И это, безусловно, вызывало восхищение и уважение, но не давало ответа на самый важный вопрос: а Шешелю-то что со всем этим делать?

Немного поднял настроение ответ, пришедший из Регидона. Заокеанские коллеги буквально горели желанием поскорее спихнуть гиблое дело, тем более если принимающая сторона так любезно согласилась оплатить транспортировку. Обещали в ближайшем будущем прислать и тело, и все материалы, и заодно — результаты экспертиз. Правда, ждать предстояло еще несколько дней, но это мелочи, все равно Гожкович продолжал где-то прятаться.

А потом заскучившего было следователя развлекли другие жители славного города Беряны, и Стеван втянулся в рутину. Так что в состоянии своего обычного деятельного оживления господин Сыщик пребывал до самого вечера. До тех пор, пока не отправился провожать буйного задержанного в изолятор, составив компанию умотавшимся за день стражам.

Нет, сдали его честь по чести, без вопросов, и засадили в пятую, выполнявшую функции карцера для особо буйных: из мебели там имелись только намертво прикрученная к полу койка да жестяной туалет, бить и гроыхать нечем, да еще располагалась камера в дальнем углу и имела самую хорошую звукоизоляцию. Потом дежурная смена отчиталась о том, что его, Шешеля, задержанные ведут себя прилично. Даже пошутили, но как-то вяло, без огонька.

А вот потом, когда Стеван уже вышел, его за дверь изолятора окликнул Тримир Бажич, чья смена снова совпала с визитом следователя.

— Ты чего пост покидаешь? — со смешком укорил его сыщик.

— Да я ненадолго, — отмахнулся тот: Бажич прекрасно знал, что Шешель — не крюкотвор и жаловаться на такое нарушение устава не побежит. — Слушай, я что сказать хотел... Ты бы с девицей этой как-то того, помягче, а?

— С какой девицей? — «Помягче» настолько озадачило не склонного к жестокости и рукоприкладству с задержанными следователя, что он сперва и не понял, о ком вообще идет речь.

— Ну этой, Кокетка которая. Янич.

— А что я с ней сделал? — еще больше растерялся Шешель. — Что, неужели жаловалась на побои?

— Да ни на что она не жаловалась, — поморщился Бажич. — И я уж не знаю, что ты с ней там делал, только... ты как третьего дня от нее вышел, так бедняжка полночи потом прорыдала.

— Тримир, ну ты меня знаешь, я ее и пальцем не трогал! — опешил Стеван.

— Да слышали мы, как ты ее... не трогал, — вздохнул стражник. — Нет, ты не подумай, я ж не о том. Оно тебе, конечно, виднее, как ее ловить было и все такое. Но а все-таки — помягче бы ты с ней, а? Язык у тебя иной раз что бритва, а она... Ну преступница, ну ладно, но все равно — влюбленная женщина, зачем лишний раз обижать-то?

— погоди, Тримир, тебе что, голову напекло? Или ты поддал в честь какого-то праздника? — едко спросил Стеван. — Какая влюбленная женщина, что ты несешь?!

— Хороший ты следак, Шешель. Очень хороший. Но только на всю голову. Ты как-нибудь попробуй, что ли, на людей как на людей смотреть, а не на фигурантов уголовного дела, — припечатав следователя такой философской сентенцией, Бажич махнул рукой ошеломленному собеседнику и поспешно скрылся за дверью изолятора, пока Стеван не опомнился.

Впрочем, мог не особо спешить, потому что более-менее опомнился Шешель только у себя в кабинете, когда сел за стол и машинально начал оформлять документы по последнему задержанному.

Причем Стеван затруднялся вот так, с ходу определить, что его впечатлило больше: форма заявления, потому что прежде Бажич не рвался никого воспитывать, да еще в таком тоне, или суть. Наверное, последнее, поскольку это было настолько просто и вместе с тем неожиданно, что упало на Шешеля как кирпич на голову посреди открытого поля.

Любовь и ревность в практике следователя встречались часто, уверенно занимая место лидера среди возможных мотивов преступлений рядом с корыстью. И в случае с Чарген этот мотив с лихвой объяснял все мелкие и крупные странности ее поведения. В конце концов, она даже аферы свои проворачивала скорее из любви к семье, чем из жадности наживы: жила мошенница скромно и явно не питала страсти к красивой жизни и многозначным суммам. Наворотить глупостей, влюбившись в того, в кого не следовало, — да, это прекрасно сочеталось с горячей ромальской кровью и бедовой

наследственностью ее матери, наступившей в молодости на те же грабли, только с другим итогом.

Но все равно сознавать это было странно. Потому что... ну ладно, влюбилась, но — в него? С чего бы вдруг? А сильнее всего Стевана настораживала собственная реакция на это открытие. Потому что оно по непонятной причине поднимало настроение. То есть, наоборот, по вполне понятной, но вот об этом думать уже совсем не хотелось.

ГЛАВА 11

Если женщина не идет из головы, то голову эту можно считать потерянной

Оказалось, к лучшему, что Стеван решил провести ночь в кабинете — не только для его собственного душевного равновесия, но и для статистических показателей СК. Потому что вечером поймали и доставили Гожковича, и Шешель отправился допрашивать его и предъявлять обвинения сразу, не дав опомниться.

Прежде этого партнера покойного Ралевича следователь видел только на фотографиях, успел много услышать о нем от разных людей, а теперь вот разглядывал лично. И впечатление беглец производил исключительно благоприятное, этакий почтенный и достойный во всех отношениях господин.

— Я не вполне понимаю, почему меня задержали, — обратился он к следователю, когда тот вошел в допросную. — Набросились посреди улицы, поволокли...

— Прошу прощения, если стража немного переусердствовала. Стеван Шешель, следователь. — Он протянул руку, а вежливость заставила собеседника приподняться и ответить на пожатие. Того, что его крепко схватят за ладонь, потянут и начнут внимательно эту руку разглядывать, задержанный явно не ожидал.

— Что вы делаете? — возмутился Гожкович.

— Вы не маг, так ведь? — спросил Шешель, жестом указал на стул, приглашая садиться обратно, и занял свое место.

— Не маг. Господин Шешель, что происходит?! Что вы делаете?

— Это просто допрос, — проговорил следователь. — В связи со смертью вашего партнера, господина Ралевича.

— А его убили? — вполне убедительно изобразил удивление Гожкович. — Но кто?

— Полагаю, вы, — спокойно ответил Стеван.

— Но я...

— Да, вы сейчас находитесь в санатории в Мадире, на лечении, — невозмутимо кивнул следователь. — Вот уже почти две недели. И,

конечно, не летали в Регидон следом за Ралевичем, не убивали его там ножом для бумаг и не поранили об этот нож руку, не пытались имитировать последствия бытовой ссоры супругов. И уж конечно не думали убивать его молодую жену. Собственно, у меня к вам всего два вопроса: за что вы все-таки убили бедолагу и как именно подлили Цветане Ралевич снотворное?

— Да вы... Да я... — Гожкович покраснел — не то от злости, не то от страха. Растерянно булькнул пару раз, но потом все же собрался и заявил: — Я требую адвоката!

— Ваше право, — так же невозмутимо кивнул Шешель. — Хотя и напрасно, добровольное признание облегчает наказание. Но только перед тем, как вы разбудите этого достойного человека, примите к сведению следующее. Через пару дней придут материалы дела, включая орудие убийства, бокалы, труп и показания свидетелей. Вы, безусловно, вылечили руку, и рана почти незаметна, но фиолетовый специалист определит вмешательство и сумеет восстановить пусть не давность, но форму повреждения. Насколько я помню тот жутко неудобный нож для бумаг, вы, скорее всего, оцарапали руку вот здесь и здесь.

Он показал на собственной ладони, где должны располагаться повреждения, и, дав Гожковичу пару секунд на осознание, продолжил в том же быстром деловом тоне:

— Вряд ли тот маг, к которому вы обратились за помощью, пытался скрыть следы своего вмешательства, его бы слишком насторожила такая просьба. Как вы понимаете, повреждения эти настолько специфически расположены, что это окажется достаточным доказательством. Кроме того, несмотря на то что вы протерли рукоять, полностью убрать с нее вашу кровь наверняка не вышло. Дальше мы установим, под каким именем вы летали в Регидон. Да, скорее всего, в воздушном порту вас никто не вспомнит, там слишком много людей, но мы знаем, в какой момент вы вылетели и к какому вернулись. Не думаю, что делали вы это под разными именами. Да, придется убить на это пару дней, устанавливая личности всех пассажиров и сличая их с вами, но к тому времени как раз придут остальные материалы. Строго говоря, мне от вас даже ответы не очень-то нужны, — задумчиво протянул он. — Я и так предполагаю, что Ралевича вы убили из-за его финансовых махинаций, а горничная... Требование

выдачи преступника — дело хлопотное, но никто не мешает мне полететь туда и допросить ее на месте.

— Только Маргу в это не впутывайте! — устало вздохнув, попросил Гожкович.

— Она ваша любовница?

— Нет, просто хорошая женщина, — отмахнулся тот. — Три года назад я помог ей, у нее тогда сын очень болел, нужны были деньги на лечение.

— А она помогла вам, — удовлетворенно кивнул Стеван, мысленно потирая руки.

Проделать все вышеописанное он, конечно, мог и непременно сделал бы, но времени на это ухлопал бы прорву. И еще неизвестно, как регидонская полиция проводила осмотр места происшествия и не потеряла ли «случайно» орудие убийства. Вряд ли, конечно, — Рофелю это было не нужно, но чем боги не шутят...

— Помогла. Только девочку эту я убивать не собирался, — твердо заявил он. — Она мне ничего плохого не сделала.

— Только подставить, — не удержался от замечания Шешель.

— А вы всерьез думаете, что за Ралевича она вышла по любви? — хмыкнул он. — Наверняка ведь охотница за деньгами.

— Это, безусловно, справедливо, только подводить ее под убийство права не давало, — возразил Стеван. — Зачем вы, кстати, запугивали ее страшными слухами о муже?

Гожкович отреагировал на это неожиданно — явственно смутился.

— Я так... Просто к слову пришлось, — пробормотал он. Но Шешель продолжал выразительно смотреть и молчать, Сташко еще немного поерзал и наконец сознался: — Зло меня взяло, хотелось ему какую-нибудь мелкую гадость сделать.

— Хотите сказать, убийство вы на тот момент еще не планировали и подставить будущую вдову не собирались? — все-таки спросил следователь, хотя в сказанном явно была немалая доля истины — прятать эмоции Гожкович умел плохо и смущался вполне искренне.

— Да ничего я не планировал! Думал, конечно, что придется, но... Я до последнего не знал, решусь ли вообще! Я же даже детективы не читаю, откуда мне знать, как правильно все это делается? Не так-то

просто решиться. Если бы он не начал смеяться и снова оскорблять, может, и не смог бы его ударить вовсе!

— Ладно, давайте с самого начала. Почему вы вообще решили убить партнера?

— Потому что Павле совершенно потерял голову от жадности. Он и так втравил всех нас в проблемы, а дальше было бы только хуже. И по-хорошему решить с ним этот вопрос не получилось.

Со слов Гожковича, о том, как именно партнер вел дела, он узнал совсем недавно, заподозрив неладное по слишком уж стремительно растущим прибылям. Почему только теперь, хотя прибыли эти начали расти уже несколько лет как, внятно ответить не сумел, а дальше Шешель уже не перебивал и вопросов не задавал.

Заподозрив партнера, Гожкович начал осторожно копать и накопал на приличный срок не только Ралевичу, но всем совладельцам, поскольку доказать собственную непричастность им бы было очень сложно. Конечно, сами дураки, потому что подписывали кое-какие бумаги не глядя, но в тюрьму от этого сильнее хотеться не стало.

Несколько попыток добром воззвать к Ралевичу провалились, а в последний раз Павле вообще вышел из себя, назвал партнера трусливым червяком и бесхарактерным ничтожеством и потребовал, чтобы тот по дешевке продал свою часть, пока он, Ралевич, не решил проблему с таким сложным партнером радикально.

Угроза его впечатлила, и Гожкович бы даже продал свою часть, но остановило его понимание: не спасет. Документы-то с его подписями никуда бы не делись, и попытка сбежать ничего бы не исправила. Вот тогда-то Сташко решился на убийство, посчитав поездку в Регидон удобными декорациями. Зная нравы Норка, он был уверен, что особо усердствовать в расследовании никто не станет, и очень надеялся, что после смерти Ралевича удастся подчистить и исправить все то, что он наворотил.

Он же не знал в тот момент, что немного припозднился со своей расправой и в еще более грязное дело Павле уже влез.

Шешель мог бы возразить против такой трактовки событий и облика Гожковича как запутавшегося и пострадавшего борца за справедливость. Мог, но, подумав, не стал. В конце концов, история выходила складной, а установить и доказать, насколько Сташко себя обелил по сравнению с реальным положением вещей, было бы весьма

проблематично. Больше того, Стеван был склонен верить, что убийца действительно долго колебался и, даже помчавшись за партнером через океан, не был до конца уверен, что он сделает и как. Иначе как минимум озаботился бы другим оружием, а не схватил попавшийся под руку нож.

Однако писать явку с повинной без адвоката Гожкович, несмотря на прозвучавшее признание, не стал, и, пока того ждали, свое дело сделал дежурный фиолетовый маг. К удовольствию Шешеля, он придал дополнительного веса его словам, указав следы повреждений именно там, где предполагал следователь.

Правда, нашлось одно небольшое отклонение: залеченная царапина посреди ладони. Прикинув, как это могло случиться, Стеван предположил, что последний удар Гожкович наносил по уже лежащему телу и нож не вонзал, сжимая в руке, а заталкивал, опираясь на причудливое навершие ладонью. Подтвердить это мог только отчет о вскрытии, но на дело такая деталь в любом случае не влияла.

Адвокат выслушал Шешеля, наедине поговорил с Гожковичем и помог тому грамотно составить признание. Правда, в результате тот предстал еще более несчастным, напуганным и запутавшимся, просто робкий ягненок. Который еще и очень раскаивался в минутном помутнении, подтолкнувшем к попытке подставить Цветану Ралевич, дескать, изначально он усыпил ее только для того, чтобы она не стала невольным свидетелем.

Шешель посмеялся, читая это творение, но великодушно махнул рукой и спорить не стал. Он свое дело сделает, а с такими эфемерными материями пусть суд разбирается. В конце концов, женщину Гожкович в воду не запикивал и вены ей там не резал, Чарген, она же Цветана, сама пошла принимать ванну, и Гожкович уж всяко не планировал это «самоубийство» заранее. Так что весь умысел на ее счет являлся бездоказательными фантазиями самого следователя.

Спровадив в изолятор еще одного «клиента», Стеван порадовался, что нет никакой необходимости идти с ним вместе: сталкиваться со слишком разговорчивым Бажичем не хотелось.

Ночь, с перерывом на сон, Шешель снова посвятил бумагам. Еще раз без какого-либо результата пролистал все отобранные по делу Кокетки материалы и быстро бросил это занятие, потому что мысли упорно съезжали не туда. Стевана так и подмывало пойти и допросить

ее еще раз, но этот порыв удалось сдержать: он прекрасно понимал, что ведет его не стремление разобраться с делом, а желание увидеть и, может быть, получить подтверждение словам Бажича.

Вскоре после начала официального рабочего дня порадовали артефакторы. Они закончили работу над «Щитом», чем обеспечили Стевану занятие на ближайший час: дозвониться в приемную владыки, даже по особой линии, — то еще приключение. А после того как разговор с секретарем состоялся, позвонили уже Шешелю, и какой-то другой, незнакомый голос сообщил, что владыка желает принять следователя за обедом. Естественно, вместе с «подарком».

Кто бы сомневался.

Пришлось спешно организовывать охрану артефакта вместе с артефактором, а самому — ехать домой, чтобы надеть костюм попримичнее.

Несмотря на подозрения и предположения многих знакомых и не очень, не слушавших возражений самого Шешеля, следователь в контрразведке не состоял: просто не хватило бы времени на все сразу, даже при его кипучей энергии и уникальной работоспособности. Но он находился в этой структуре на особом счету, и, если в поле зрения СК попадало какое-то уголовное дело соответствующего масштаба, до сих пор не порученное кому-то из «своих», отдавали его обычно именно Шешелю. Так произошло, например, с крушением дирижабля, при котором погибла почти вся княжеская семья Недичей,^[4] так получилось и сейчас, с этим браслетом и смертью его создателя. А уж если вляпался в то или иное приключение, приходилось тянуть его до самого конца, в том числе и держать ответ перед владыкой или куда чаще — перед его строгой супругой, той самой контрразведкой и руководившей.

Поначалу Стеван еще пытался трепыхаться и отказываться от такой сомнительной чести, но было это больше десяти лет назад. За прошедшие годы Шешель вполне освоился в новой роли и даже начал получать от нее удовольствие: подобные дела хоть и доставляли массу проблем, но обычно являли собой нетривиальные, сложные загадки, требовали больших усилий и чрезвычайно бодрили. Да и Тихомира лично, и его супругу Стеван искренне уважал и находил их общество — неформальное, без присутствия посторонних, — приятным.

Интересные, умные люди, отличные собеседники — почему бы не поговорить лишний раз?

В этот раз, как и обычно в таких случаях, правящая чета встречала гостей в узком кругу, то есть вдвоем. Владычица Айрина благосклонно выслушала смущенного высокой честью артефактора, приняла из его рук небольшую шкатулку с артефактом.

— Прекрасная работа, — похвалила женщина, ласково погладив драгоценное переплетение нитей. — Жаль, что создатель этого чуда не может представить его сам, — вздохнула она. — Скажите, мастер, есть возможность изготовить подобную вещь более... дешевой? Может быть, с некоторой потерей в качестве.

— Я думаю, если поработать... Схема в целом ясная, использовать ее можно. Если заменить бриллианты... — Он сначала воодушевился, но потом снова стушевался, сообразив, что технические подробности сейчас вряд ли кого-то интересуют.

— Прекрасно. Я отдам распоряжение вашему руководству, — заполнил повисшую неловкую паузу владыка. — Составите нам компанию за обедом или у вас дела?

Артефактор с явным облегчением уцепился за предложенную возможность удрать, а Шешель ради интереса попытался вспомнить, сколько раз на его памяти кто-то из таких случайных гостей соглашался остаться. Случай вспомнился всего один: он сам, когда его пригласили на завтрак, отчитаться по первому в его жизни делу, лежащему в компетенции контрразведки. Учитывая, что Стеван явился туда после бессонной ночи на ногах и, как обычно в таких случаях, голодный, от заманчивых запахов его не отвратило бы и куда более зверское общество. Кажется, именно тогда и пал на него внимательный взгляд владыческих глаз.

— Стеван, а ты развлечешь нас беседой? — мягко улыбнулась Айрина.

— Почту за честь, моя госпожа, — кивнул Шешель.

Слуг на таких вот камерных завтраках или обедах не предполагалось, и в первый раз это Стевана озадачило. Но ничего, сейчас уже привык и не обращал внимания на то, как владыка самолично орудует половником, ухаживая за супругой.

Годы тренировок не прошли даром, Стеван прекрасно наловчился болтать, успевая при этом есть. Про свои приключения в Регидоне

рассказывал без утайки, умолчав разве что о совсем уж интимных подробностях.

— Значит, все-таки кланы, — задумчиво протянула владычица, глядя сквозь следователя. — Честно говоря, эта ситуация в Регидоне уже очень расстраивает, — заметила она. — Одно дело — противостоять другому государству и его разведке, это я понимаю. Но когда за государственными тайнами начинают охотиться перешедшие грань преступники, почему-то уверенные, что океан им не помеха, это совершенно другое. Это... удручает.

— Ну, положим, воспитывать их через океан — дело гиблое, — заговорил ее супруг. — Но сделать так, чтобы сюда они больше не совались, можно. Какой, говоришь, клан все это устроил?

— Рофель. Госпожа, а для кого все же предназначался артефакт? Я полагал, лично для вас, но сейчас уже не уверен.

— По официальной версии — да, — кивнула владычица. — Разработки чего-то подобного велись очень давно, просто увенчались успехом они именно сейчас и весьма кстати. На будущей неделе объявят, что наследник выбрал себе супругу.

— Поздравляю, — слегка растерялся Шешель: о том, что все настолько серьезно, даже слухов нигде не мелькало. — Есть причины опасаться за ее жизнь?

— Они всегда есть, — улыбнулась владычица. — И если имеется возможность немного подстраховаться, то почему бы этого не сделать?

— Стеван, а кто в итоге все-таки убил вора? — поинтересовался владыка. Он искренне любил болтовню следователя и случаи из его практики, поэтому, получив такую возможность, предпочитал наслушаться впрок.

К счастью, ответ на вопрос у Шешеля уже имелся. Никто бы его за отсутствие оногo, конечно, не наказал, но Стеван и сам любил травить байки, а владыка радовался каждый раз почти как ребенок. Наверное, если бы ему не пришлось исполнять собственные обязанности, Тихомир выбрал бы для себя именно стезю следователя.

После завершения рассказа хозяева некоторое время обсуждали детали и последствия этого преступления и вообще всех делишек Ралевича, позволяя гостю спокойно есть и с интересом прислушиваться. Главный вопрос, конечно, заключался в том, что теперь делать с «Северной короной». Тихомир твердо был настроен

вмешаться и имел на это полное право, раз уж сам покойный попытался запустить лапу в государственные дела.

— А с Живко мне что делать? — полюбопытствовал Шешель. — Он вроде и соучастник, и наследник покойного, и вероятная жертва, и свидетель, но при всем при этом толку с него — ноль.

— Пусть пока посидит, — отмахнулся владыка. — Я поручу кому-нибудь всю эту историю — и «Северную корону», и вопросы с Рофелем, в конце концов, все это слишком тесно связано, чтобы раздавать разным людям. Так что можешь об этом не беспокоиться, закрывай свою историю с убийцей и занимайся другими делами.

— Стеван, а что с той девушкой? — подала голос Айрина. — Ну, которая фальшивая жена Ралевича. Кем она оказалась?

— С ней... — Шешель не удержался от недовольной гримасы. — Все сложно с ней.

— То есть? Мошенница она или нет?

— Мошенница, — вздохнул следователь. Обсуждать болезную тему не хотелось, но весомого повода уйти от ответа у него не было, оставалось делиться. — Но настолько ловкая, что доказать что-то невозможно. Я пытаюсь, но почти уверен, что это все бессмысленно.

— Как это?

— Маскировка. Она оказалась талантливым магом-самоучкой. Профессионалы смотрели — в восторге от ее маски, не только лицо меняет, но даже ауру с отпечатками пальцев. Так что доказать я сейчас могу только использование поддельных документов, причем использование для брака с Ралевичем и для честной работы в библиотеке и в ресторане. И, боюсь, именно на этом все заглохнет.

— Тогда почему ты полагаешь, что это не первое ее дело? Чутье? — заинтересовался владыка.

Пришлось переступить через себя и вдаваться еще и в эти подробности. Рассказать, что несколько лет Чарген Янич прожила под личиной буквально через стенку от Шешеля, упомянуть визит к ее матери и разговор без протокола. Раз уж начал рассказывать полностью, то упомянул и занятие Йованы Янич.

Неожиданно эта история заинтересовала владыку едва ли не больше, чем все прочие. Во всяком случае, расспрашивал он на удивление дотошно, Шешелю пришлось вспоминать все детали рассказа мошенницы.

— Забавно. Так вот где она нашлась...

— Вы знаете, кто она? — искренне удивился Шешель.

— Есть подозрение, — неопределенно пожал плечами владыка. —

Если судить по возрасту, внешности и времени пропажи, я почти уверен, что это дочка одного посаденя^[5] с востока Ольбада. В свое время эта история стала большим скандалом, правда, говорили, что дочка его сбежала с романом. Только беглянки такие обычно хоть где-то засвечиваются, если живы остаются. Полагаю, родные успели ее похоронить. А самое забавное, что посадень тот сравнительно недавно умер, и она имеет полное право претендовать на часть наследства, потому что он хоть ругался тогда, что дочери у него нет, но завещания не оставил, а такие публичные крики юридической силы не имеют. Ты не интересовался, она не пыталась встретиться с родственниками?

— Да как-то не подумал, — растерянно кашлянул Стеван. — И что, со всеми этими махинациями и внебрачными детьми претендовать?

— А почему нет? — улыбнулся владыка. — Да ты ханжа, оказывается! В наше просвещенное время внебрачный ребенок — это не преступление.

— Да я не об этом, — поморщился Шешель. — Я про то, что она... ведь аферистка же!

— А это еще одна очень интересная деталь, — совсем уж развеселился Тихомир. — Очень может быть, что ее угрозы имеют под собой весьма существенную почву. Понимаешь ли, от таких ситуаций в этом мире никто не застрахован, и она вполне могла родить от какого-нибудь человека, по-настоящему не заинтересованного в огласке. И в конце концов, какой смысл ворошить прошлое, если она сейчас ни на что не претендует и никуда не лезет? Я точно знаю одного очень заметного мужчину, который влип в подобную историю... Нет, не смотри так выразительно, это не я.

— А кто? — Стеван все-таки не удержал язык за зубами.

Владыка смерил его задумчивым взглядом, видимо, оценивая благонадежность.

— С владельцем Мадеры в давние времена случилась очень похожая история. — Оценка явно получилась в пользу Шешеля. — То есть тогда он еще никаким владельцем не был, а был третьим сыном и о титуле не задумывался.

— И вы полагаете, что именно он может быть...

— Нет, не полагаю. Я точно знаю, что это был не он, потому что ту женщину уже нашли. Произошло это очень давно, еще до того, как Йована начала свой путь. Скандала и так едва удалось избежать, не нужно ворошить прошлое и провоцировать новые.

— Я ничего не понял, — честно признался Стеван, потряхнув головой.

— Мой дорогой друг после той истории здорово корил себя за слабость и трусость. За то, что предпочел малодушно дать денег, вместо того чтобы плюнуть на возможный скандал, расторгнуть удобный, но бездетный брак и жениться на любимой, которая к тому же должна была родить ему сына. Страдал он лет пять, потом... Не стану утомлять тебя подробностями, но в конечном итоге он нашел ту мошенницу. И женился на ней.

— Погодите, вы хотите сказать... — в растерянности уточнил Шешель, но не договорил.

— Именно. Нынешняя владетельница Мадиры не самая... благополучная в прошлом особа. Но зато мой друг счастлив, у власти в провинции надежная и крепкая династия, и второй брак владельца оказался гораздо более успешным. Сейчас у них пятеро вполне законных детей и уже внуки на подходе. Поэтому и говорю: не вороши ты эту историю. Не хуже меня знаешь, что в старых шкафах старых фамилий полно разнообразных скелетов. Если бы речь шла об убийстве и чем-то еще столь же серьезном, я бы, конечно, сам первый велел тебе разобраться. Но здесь... внебрачные дети — это совсем не тот масштаб проблемы, согласись.

Шешель, конечно, согласился: можно подумать, у него оставался выбор! Впрочем, нельзя сказать, что Тихомир подрезал ему крылья, Стеван и сам не очень-то хотел во всем этом копаться. Правда — слишком скользкая и опасная штука, обнародование которой иногда может принести куда больше проблем и трагедий, чем утаивание. А тут... Дети счастливы, родители тоже как будто не страдают, и какой прок палить из всех орудий и бить в набат?

— Выходит, дочь пошла по стопам матери? — задумчиво подала голос владычица. — Будет обидно, если такой талант пропадет.

— Пожалуй, — согласно кивнул владыка. — Говоришь, обвинить ее можно только в подделке документов? А нужно ли?

— Что вы имеете в виду?

— Может, лучше применить ее таланты на благо Ольбада? Мне кажется, коль уж эта женщина так многому научилась самостоятельно, в весьма стесненных условиях, если дать ей возможность для роста, это пойдет на пользу всем.

— Вы хотите предложить ей учебу вместо тюрьмы? — опешил Шешель.

— А почему нет? Насколько я помню, эта история с документами на серьезное наказание в любом случае не потянет. И даже если удастся доказать мошенничество... Дадут ей лет пять. И кому от этого станет лучше?

— Но ведь она преступница!

— Стеван, ты... увлекся, — укоризненно вздохнул владыка. — Не знаю, почему именно сейчас у тебя такое острое желание посадить эту мошенницу, но... Смысл любого наказания все же в искуплении вины перед обществом, ты не находишь?

— Нахожу, — вынужденно согласился тот.

— Так как эффективнее она искупит свою вину? Как талантливый маг, работающий на благо Ольбада, или в какой-то богами забытой дыре, выполняя простую работу, которая вполне может угробить ее дар? Я уж не говорю о том, что тюрьма еще никого не сделала лучше. Тем более, судя по твоему рассказу и отдельным обмолвкам, она не так ужасна, чтобы стремиться изолировать ее от общества. И один уже секрет этой ее маскировки вполне стоит того, чтобы простить какие-то мелкие грехи.

— Все это так, но...

— Но ты почему-то именно сейчас упорствуешь, хотя обычно тебе такая логика понятна и близка. Из чего легко сделать вывод, что для тебя это что-то личное. Странно, я прежде не замечал... Почему ты так зол на эту женщину? Что она натворила, о чем ты умолчал? Причем лично тебе.

— Она мне ничего не сделала, и я на нее не злюсь, — устало огрызнулся Шешель. — Я признаю вашу правоту и предложу ей такой вариант. Скорее всего, она его примет. Разрешите идти?

— Иди, — после паузы кивнул владыка. Кажется, хотел сказать что-то еще, но передумал.

Следователь покинул дворец в крайне взвинченном состоянии и полном эмоциональном раздвиге. Потому что, чтоб ему посереть, владыка был абсолютно прав. А самого его, Стевана, отношение к ситуации было исключительно предвзятым.

Проклятье! Да он же сам, если копнуть глубже, неоднократно нарушал этот пресловутый закон. Ладно, убивал в порядке самозащиты, но остальное? За одно только путешествие в Регидон умудрился нарушить пяток законов и набегать по совокупности на приличный срок! Да, это вражеская территория, и Шешелю ни на секунду не было стыдно за все те действия. Но он ведь и дома позволял себе разные вольности в пылу охоты! Может, если так копнуть, и разобрать, и припомнить все нарушения, лично Стевану грозил бы срок даже побольше, чем Кокетке.

А Чарген... Прав владыка. Он вообще очень проницательный. Это действительно личное. К мошенникам, к пресловутой Кокетке. Наконец, к Чарген, потому что он окончательно запутался в собственном отношении к этой женщине и не понимает, то ли очень хочет ее оправдать и потому чересчур старательно борется с собой, то ли на самом деле желает посадить, потому что она вызывает слишком много неуместных эмоций.

Когда следователь добрался до своего кабинета, ему полегчало: самая надежная и преданная женщина в его жизни — работа — приревновала и постаралась завладеть всем его вниманием. Проще говоря, Шешелю пришлось ехать на вызов, на бегу отмахнувшись от коллеги с сообщением о том, что к задержанной Янич приходил адвокат и очень желал видеть следователя по ее делу. Не объяснять же всем и каждому, что нет уже никакого дела и не будет. И вообще, не до мошенниц ему: произошло убийство, причем дело обещало быть непростым и запутанным, так что волей-неволей вынудило встряхнуться и отвлечься.

Вернулся в кабинет он уже затемно, уставшим, но заметно успокоенным и с твердым намерением окончательно разобраться в собственной голове. Прикинув варианты, решил, что лучше всего в его ситуации поможет взгляд со стороны, а поскольку он еще не настолько плох, чтобы идти к целителю, то лучше всего подойдет совет хорошего человека, достойного доверия. Несколько давних друзей подходили

для этого мало, но одна кандидатура — или правильнее сказать «жертва»? — все же нашлась.

— Недич, слушаю! — раздался из телефонной трубки бодрый голос.

— Привет, князь, — удовлетворенно кивнул самому себе следователь: как минимум нужный человек оказался дома. — Ты сейчас очень занят?

— Стей? Привет, — явно растерялись на том конце. — Нет, не занят. Что-то случилось?

— Случилось, но ты подумал не в том направлении, — усмехнулся Шешель. — Никаких кровавых историй и страшных подозрений, мне нужен твой совет.

— Мой совет? — еще больше растерялся Недич. — Ты заинтересовался дирижаблями или все-таки собрался покупать авто?

— Мимо! — с удовольствием сообщил следователь. — Да ты не гадай, зуб даю — все равно не выйдет. Ты мне нужен не как технарь, а как надежный человек феноменального благородства, граничащего с идиотизмом. По личному делу.

— Я окончательно заинтригован, — засмеялся князь. — Ладно, рассказывай.

— Вот тут проблема, — поморщился Стеван. — Это разговор долгий и не телефонный, так что, если у тебя есть свободный час-другой, я бы подъехал. Хотя и не срочный, если жена ругается — так и скажи. В целом я и сам разберусь, но с тобой получится надежней.

— А я тем временем умру от любопытства, зачем бы мог понадобиться Шешелю, да еще по личному делу! Приезжай, конечно, я не занят.

— Ну тогда отбой, через полчаса жди.

— До встречи.

Повесив трубку, Стеван еще несколько секунд насмешливо улыбался пустому кабинету, точно зная, что там, на противоположном конце телефонной линии, озадаченный Май сейчас пересказывает своей неумной супруге разговор и строит какие-то бредовые предположения. И следователь лишний раз убеждался, что выбрал для консультации очень подходящего человека, здесь как раз кто-то такой и нужен — правильный, добрый и, возможно, более чуждый привычному для Шешеля образу мыслей.

Наведя порядок на столе, Стеван закрыл кабинет и покинул рабочее место почти вовремя, всего-то на пару часов позже окончания рабочего дня.

ГЛАВА 12

Хороший друг — это здравый смысл, хранящийся отдельно

Дверь ему открыла княгиня собственной персоной. Правда, за весь тот год, что она провела рядом со своим родовитым мужем, больше напоминать чопорную аристократку Майя не стала: все те же задорные белые косички, все та же искренняя улыбка и вечно немного удивленный взгляд котенка, у которого только что открылись глаза. Но Шешель искренне считал, что это к лучшему. Ему вообще нравилась эта забавная парочка, за ними было интересно наблюдать со стороны. А еще с ними было очень легко — именно то, чего следователю сейчас не хватало.

— Привет! Проходи. Смотри-ка, и правда пришел. Что у тебя такое стряслось? Мы тут уже извелись все от любопытства!

— И тебе не хворать, чудо магической мысли, — отозвался Стеван. — Только я не к тебе, а к твоему мужу. Привет еще раз, — обратился он уже к вышедшему на звуки разговора хозяину дома, внешне — полной противоположности собственной супруги. Смуглый брюнет, типичный ольбадец, из которого постоянно выпирало классическое аристократическое воспитание, несмотря на все попытки жены испортить князя.

— Ты серьезно думаешь, что он не расскажет мне подробностей? — Майя насмешливо вскинула брови, многозначительно поднырнув под локоть мужа. Тот посмеивался, но в обмен любезностями не лез: прекрасно знал, что оба участника получали от этого удовольствие. — Меня, между прочим, волновать нельзя, а умирать от любопытства — это знаешь как тревожно!

— От любопытства, насколько мне известно, в этом мире еще никто не умер, вряд ли ты будешь первой. Умирают в основном от попыток его удовлетворить, — серьезно возразил Шешель. — Я прекрасно понимаю, что у вас даже имя одно на двоих, и мне, честно говоря, плевать, что расскажет тебе дражайший супруг, а что — нет. Главное, чтобы я при этом не присутствовал. Как говорил один умный

человек, в мое отсутствие можете меня даже немного побить, не возражаю.

— Стей, ну мне же интересно, я могу пообещать сидеть тихо-тихо! — Она построила умоляющую мордашку.

— Пообещать ты можешь что угодно, вот только исполнишь ли? — усмехнулся Стеван. — А даже если исполнишь... Это явно не тот вопрос, который я готов обсуждать в присутствии женщины, да еще глубоко беременной.

— Это шовинизм и дискриминация! — пробурчала Майя. — Вы там секретничать будете, а мне скучай и лопайся от любопытства!

— Не ворчи, родная, — вмешался князь, поцеловал жену в макушку. — Сама знаешь, если он вбил себе что-то в голову, спорить бессмысленно. Ладно, что мы стоим посреди холла? Пойдем в кабинет.

— Ну хорошо, боги с вами! — сделала над собой волевое усилие хозяйка дома. — Пойду печенье, что ли, испеку, раз у меня мужа на вечер отняли...

— Не отняли, а одолжили, — насмешливо поправил тот, еще раз поцеловал жену и жестом пригласил гостя проходить.

В кабинете у Недича было уютно. Часть большого письменного стола занимали бумаги, часть — очередная недособранная модель дирижабля, которые Май мастерил в свободное время. До знакомства с князем Шешель искренне полагал, что подобные вещи создают не люди, а если люди — то точно психи, потому что с трудом представлял, как кто-то может делать столь мелкую, нудную и кропотливую работу только для собственного удовольствия. Потом от этого мнения пришлось отказаться, потому что уж кем-кем, а психом Май Недич точно не был.

— Садись. Налить тебе чего-нибудь выпить? — предложил хозяин кабинета.

— Для храбрости? — понимающе хмыкнул Стеван. — Нет, я хочу решить одну проблему, а не попойку устраивать.

— Ладно, все, считай, интригу ты выдержал в лучших театральных традициях, рассказывай уже, что стряслось.

— Да ничего, просто... Вот скажи мне как человек благородный и справедливый. Мошенничество — это преступление?

— Это тебе и свод государственных законов скажет, — растерялся Май. — Но — да, преступление.

— Если женщина с поддельными документами знакомится с мужчиной с целью выманить у него крупную сумму денег — это ведь мошенничество?

— Мошенничество, — согласился Недич, со все большим недоумением и меньшим пониманием глядя на гостя.

Правда, высказывать просившийся на язык вопрос, кто попытался обмануть самого Шешеля, не стал и вообще подобрался. Следователь был как-то уж слишком хмур и серьезен, непривычно не настроен шутить, и Май решил ему не мешать.

— Прекрасно. А если деньги она тратила на содержание семьи? Толпы младших братьев и сестер. Причем те не нищенствовали, просто ей хотелось улучшить и облегчить им жизнь. Все равно преступление?

— Пожалуй.

— И стремиться посадить такую вот мошенницу — это нормально?

— Нормально, — покладисто кивнул Май.

— Уже хорошо, — вздохнул Шешель. И замолчал.

— Слушай, я вообще ничего не понимаю! Что стряслось-то? Мошенницы какие-то... А, погоди! Ты же свою Кокетку поймал, я и забыл! Это про нее?

— Стевич проболтался? — понимающе усмехнулся следователь. Фиолетовый маг из Зоринки дружил с князем и даже был косвенно причастен к его женитьбе, так что осведомленность Мая не удивляла. — Ну... сложно сказать. В некотором смысле, наверное, поймал. Во всяком случае, она на эту роль тянет больше других. Правда, очень ловкая оказалась, я могу доказать только подлог документов, и то в том деле, где она никакой выгоды получить не успела.

— Кхм. Ты этим расстроен? Что нельзя ее посадить?

— Да не совсем, — скривился следователь. И опять замолчал.

С десятков секунд повисела тишина, которую гость не спешил нарушать, и не выдержал уже Май. Правда, задавать наводящие вопросы не стал, а заговорил, как ему казалось, о постороннем:

— Слушай, я давно хотел спросить... А почему ты с таким маниакальным упорством за этой Кокеткой бегаешь? Как-то это на

тебя не похоже. Ладно бы маньяк был какой-то кровавый, а то простая аферистка.

— Это... Ну, в некотором роде это навязчивая идея, да. Вообще там старая и слезливая история, — неприязненно поморщился Шешель.

— Она обманула тебя? — все же предположил Недич.

— Не совсем. Ай, да чтоб мне посереть! Я ж, собственно, за этим и пришел... В общем, слушай. Особое отношение к мошенницам у меня из-за отца. Он... Нет, тут так в двух словах не выйдет. В общем, мы с ним никогда особенно не ладили, но по нераспространенной причине: он всегда был тряпкой, а меня это жутко злило.

— Ты не слишком категоричен? — опешил Май.

— Я совершенно объективен, — возразил Стеван. — Пока была жива мать, именно она в семье являлась головой и силой воли. Когда она умерла, отец превратился совсем уж в размазню. Нет, он не лежал целый день в постели, бесцельно глядя в потолок, иначе я бы точно сдал его мозгоправам. Он работал, общался с друзьями, но при малейшей сложности в жизненных вопросах опускал руки, садился и ныл, как все плохо. Чтоб ты понимал, что я объективен... Когда мать умерла, мне было тринадцать, и похоронами занимался именно я, отец оказался не в состоянии. Он вообще, особенно в первое время после ее смерти, был жутко пассивным, жил словно бы по накатанным рельсам, и на какую-то полезную деятельность за пределами привычной колеи его можно было подвинуть только очень весомыми пинками. Ты, кстати, до встречи со своей благоверной, — он кивнул на дверь, — кое в чем очень его напоминал и, между нами, тоже меня злил. Но у тебя хоть повод для этого имелся серьезный, а у него — просто характер.

— И он в итоге стал жертвой мошенницы? — предположил Недич, потому что гость опять замолчал. — Но мне казалось, преступники подобного рода никогда не идут на убийство...

— Ну как? Почти стал, — вздохнул Шешель. — Я тогда служил, потому что с детства хотел стать следователем, а без армии о такой работе не стоит и думать. То есть долго отсутствовал. Он мне позвонил и как-то так говорил... Не объясню. Но, помню, он меня своим нытьем сильно разозлил тогда, ответил я ему резко. А потом поостыл и понял, что он себя вел уж как-то слишком странно, не так, как обычно. И ощущения от разговора нехорошие остались. Я попросил опять

позвонить, командиру все объяснил. Тот был мужик хороший, понимающий, разрешил в порядке исключения — все-таки отец. Только я не дозвонился, трубку никто не брал. Попросил друга заглянуть, проверить, у него ключи от квартиры были. Ну и... Не успел он, короче. Отец вскрыл себе вены. Я не поверил поначалу, что он на такое решился, думал — убили.

— А на самом деле?

— На самом деле он попался такой вот аферистке. Ну лакомый же кусок — одинокий мужчина, доверчивый, как трехлетка. Она его обработала быстро, но, видимо, не слишком хорошо подготовилась, иначе знала бы, что вся собственность записана на меня, вот именно потому, что он такой доверчивый. Так что всерьез кинуть она его не смогла, но проблема в другом: он в нее влюбился. А когда все выяснилось и она его бросила... В общем, единственный раз он решился на поступок и лучше бы не начинал, честное слово.

— То есть ты с тех нор так невзлюбил мошенниц? — предположил Май. История действительно оказалась грустной, только князь прекрасно понимал, что выражать сочувствие будет более чем неуместно, не за тем к нему Шешель пришел в таком странном настроении.

А вот зачем — большой вопрос!

— Ну... Как-то так. Вообще, наверное, если совсем уж закапываться в глубинные мотивы, то злился я поначалу на себя и себя считал виноватым. Может, я его тем телефонным разговором и дожал. Но винить себя в такой ситуации очень непродуктивно, поэтому я благополучно переключился на преступников. А потом какая-то газета на волне очередного случая раздула эту шумиху с Кокеткой, и идея, что называется, упала на благодатную почву. Я их, если посчитать, с полсотни за эти двадцать лет переловил, аферисток этих, у меня на них уже специфический нюх выработался.

— Учитывая, что ты и Майю подозревал поначалу, это скорее паранойя, — хмыкнул Недич.

— Может быть, — не стал отрицать следователь. — Но даже если и так, ошибаюсь я гораздо реже, чем угадываю, так что польза от нее в любом случае есть.

— Но пришел ты явно не ради этой истории, так?

— Нет. Это ты спросил, да и... оно все предыстория, облегчающая понимание ситуации. Проблема в нынешней моей... добыче. Вернее, нет, с ней-то как раз все ясно, а проблема во мне. Она очень талантливый маг-самоучка. Те чары, которыми она пользовалась для маскировки, наших спецов привели в искренний восторг, но только разобраться в них по результату, как ты понимаешь, невозможно, нужно знать механизм. А она, конечно, не дура, чтобы такой информацией делиться. Если знаешь механизм, гораздо проще научиться противостоять и, возможно, вычислить, где именно она этим пользовалась. И этой магией, а также самой мошенницей заинтересовался владыка. Предложил полное прощение всех грехов в обмен на учебу и работу на благо Ольбада.

— Владыка... практичен, — вздохнул Недич. — Но вы вроде раньше прекрасно понимали друг друга в подобных вопросах, разве нет? Честно говоря, в этой ситуации даже я не вижу ничего ужасного. Она не убийца и не маньячка, просто аферистка, и если есть возможность заставить ее отработать собственные грехи перед обществом более эффективно, в роли мага — то почему нет? Хотя с учетом того, что ты мне только что рассказал... Проблема в твоей навязчивой идее, да?

— Отчасти, — признал Стеван. — Хотя, наверное, будь дело только в ней, было бы легче.

— А в чем тогда? — окончательно запутался Недич.

— Так. Извини. — Шешель поморщился, зажмурился, потер обеими ладонями лицо. — Я тут к тебе за советом явился, а ты в итоге из меня все клещами вытягиваешь. Тьфу. Сложно сформулировать все это вслух, а когда пытаюсь, такая чушь выходит... Знаешь, наверное, главная проблема в том, что я в этой ситуации чувствую себя идиотом.

— Потому что поймал, но посадить не можешь?

— Нет, не поэтому. Я ее поймал буквально за руку, но — в Регидоне, совершенно случайно, — попытался он зайти с другой стороны. — Меня туда занесло по другому делу, а ее завезла очередная жертва. Потом эту ее жертву убили, что, впрочем, лично к ней не имеет отношения... Короче, так совпало, что удирать нам оттуда пришлось вместе. И самое нелепое во всей этой истории, что я с самого начала подозревал — она аферистка, и почти сразу нашел тому

подтверждение... Слушай, твое предложение выпить еще в силе? Плесни чего покрепче, а!

Май молча поднялся из-за стола, подошел к бару, которым в этом доме пользовались редко, налил в бокал брадицы, задумчиво поглядывая на гостя. Все же Шешель, который не может найти слов и внятно о чем-то рассказать, — явление сродни извержению вулкана посреди Беряны. То есть нечто невозможное, но однозначно пугающее.

Подумав, он плеснул пару глотков и себе — больше из вежливости, чтобы гость не пил в одиночестве. Впрочем, тому явно было не до таких мелочей: бокалы тихо звякнули друг о друга, и свой Стеван опрокинул залпом.

— Короче, проблема в том, что, несмотря на все сказанное ранее и отчетливо понимая, с кем имею дело, я... влип. Очень крепко.

— Куда влип? — не понял Май, а потом предположил, сообразив наконец, что могло довести до такого состояния этого обычно чрезвычайно рассудочного типа: — Погоди, ты что, влюбился в нее?!

— Ну... Да, наверное. Наверное, именно так это и называется.

— Кхм. И что именно не так, если ее вроде бы лично владыка согласен помиловать на благо всего Ольбада? Тебя беспокоит, что ты повторяешь глупость отца? Так ты вроде не собираешься сводить счеты с жизнью, разве нет?

— К счастью, я не настолько тронулся умом. Да и отец тут, несмотря на иронию судьбы, все же ни при чем...

— Хм. Женщина категорически против твоей компании? Ее можно понять, тебя трудно выносить, особенно в больших количествах, — проговорил Недич.

— Когда мы разговаривали последний раз, она кричала, что ненавидит меня, и явно мечтала свернуть мне шею, — иронично улыбнулся Шешель.

— Это явный успех, — насмешливо фыркнул Май. — Но мне почему-то кажется, что тебе не нужен совет в вопросе завоевания женского сердца. Тогда что?

— Я не понимаю, на кой оно мне вообще нужно.

— Что — оно?

— Сердце, — лаконично отозвался следователь, задумчиво заглянул в пустой бокал.

Недич тоже посмотрел на свой, допил все, что там было налито, и пошел за бутылкой, потому что от вывернутой логики гостя уже начала пухнуть голова и требовалось немного расслабиться. И вообще, обсуждение таких вопросов на трезвую голову шло со скрипом, тут он Шешеля отлично понимал.

— Поясни, — налив себе и гостю, попросил Май. — Что значит — на кой?

— Да очень просто. Я не понимаю, что со всем этим делать. До сих пор все было просто и понятно. А сейчас... Чтоб мне посереть! Она пробыла в моей квартире часа три, а я теперь не могу туда возвращаться, потому что она мне там мерещится. Я постоянно о ней думаю и с трудом заставляю себя сосредоточиться на работе, и это ненормально!

— Я тебя, наверное, сейчас расстрою, но это как раз нормально, — растерянно улыбнулся Недич. — Это совершенно нормально — думать о любимой женщине, хотеть ее увидеть и скучать. Слушай, Стей, не обижайся, но... Может, тебе к доктору надо?

— Зачем? — искренне озадачился тот.

— Потому что у тебя явные проблемы с головой, если возникают подобные вопросы. Я до сих пор не верю, что ты вот это все всерьез говоришь. Ты что, вообще никогда не влюблялся?

— Бывало, но уже очень давно. И мне кажется, тогда все это проходило гораздо легче.

— Детские болезни во взрослом возрасте вообще, говорят, тяжелее переносятся, — засмеялся Май. Немного нервно, потому что странный разговор все время казался ненастоящим, и хотелось ущипнуть себя, чтобы проверить, не сон ли это. И он радовался, что Майи сейчас здесь нет, потому что... Ничего удивительного, что Шешель не хотел обсуждать все это при ней. — Вообще, для большинства нормальных людей любовь — это важная часть жизни. И ты сейчас говоришь очень странные вещи. Может, просто попробовать расслабиться и получить удовольствие? Это приятно, честно.

— Да уж, приятно, — нервно усмехнулся Шешель.

— Не работой единой, — развел руками Май. С задумчивой улыбкой посмотрел на закрытую дверь кабинета и добавил чуть тише, словно опасался подслушивания: — Они, конечно, переворачивают

жизнь с ног на голову, и в какой-то момент начинает казаться, что мир рушится. Но без них хуже. Без них он действительно... рушится.

— Без них? — не сообразил Стеван.

— Без любимых женщин, — улыбнулся князь, вновь кивнув на дверь, отсалютовал бокалом и пригубил. Следователь поморщился от такого тоста, но все-таки сделал глоток. — Помнится, ты отмечал благотворное влияние на меня Майи, когда она появилась. Неужели так сложно перенести это на себя?

— Не на всех и не всегда это влияет благотворно, — отмахнулся Шешель. — Ну и... да, то, что привык наблюдать со стороны, сложно примерить к самому себе.

— Мне чрезвычайно интересно посмотреть на женщину, которая довела тебя до такого состояния, — задумчиво качнул головой Недич. — Какая она?

— Странная, — пожал плечами Стеван, хмурясь. — Если я, конечно, правильно разобрался в ее характере, и это не была какая-то очередная из масок. Сильная, самостоятельная, умная. Что особенно непривычно, она находит мои шутки смешными, обычно все ругаются. — Он усмехнулся. — Но в некоторых вопросах настолько наивная... Я даже в такие моменты почти верил, что ей всего семнадцать.

Слово за слово, и Шешель рассказал историю их знакомства, ощущая, что поступил совершенно правильно, решив обсудить неожиданную проблему с посторонним и остановившись в итоге на князе. От этого разговора ему в самом деле становилось легче — с каждым словом и каждым глотком.

Но когда он закончил рассказ, помянув даже озвученный Бажичем вердикт, в кабинете повисла настороженная тишина.

— Мне кажется или ты молчишь как-то особенно укоризненно? — все же спросил Стеван, отчаявшись истолковать выражение лица князя.

— Я впечатлен. И радуюсь, что тут нет Майи. Мне кажется, за такой талант к обхождению с женщинами она бы тебя побила. У нее вообще-то давно руки чешутся, но после этого она бы точно не сдержалась.

— Ты о чем? — искренне озадачился Шешель.

Князь задумчиво склонил голову к плечу, разглядывая гостя и пытаясь вот так, на глаз, определить, издевается тот или нет. Выходило — нет, зверски серьезен.

Май залпом допил брадицу, плеснул себе еще.

— Нет, Стей, тебе все же надо поговорить с мозгоправом. Я, конечно, замечал, что ты изумительно непрошибаем и равнодушен, когда дело касается чувств окружающих, но, признаться, надеялся, что это видимость...

— Да что не так-то?!

— Хм. То есть ты, точно зная о предстоящем аресте, хладнокровно, прости за грубость, отымел влюбленную в тебя женщину, потом цинично сдал ее конвою. А теперь сидишь и на полном серьезе не понимаешь, что не так и почему она на тебя злится. Нет, я в целом понимаю твою логику, это... наверное, на самом деле логично. И женщина вроде не против, и время убить надо, и все равно она собиралась удрать. Но, знаешь, если она тебя простит... Если она каким-то невероятным чудом вдруг тебя простит, женись сразу! — усмехнулся князь. — Потому что вторую настолько безнадежно влюбленную дуру, способную терпеть твой паршивый характер, ты точно никогда не найдешь.

— А потом ты пытаешься доказать мне, что это приятно, — хмыкнул Шешель, проигнорировав слова о женитьбе.

— Извини, я в тот момент еще не знал масштабов проблемы! — Хозяин кабинета развел руками. — Нет, определенно, мне все больше хочется на нее взглянуть, это должна быть более чем неординарная особа. Приходите в гости, как помиритесь.

— Ты только что утверждал, что это будет чудо.

— Я передумал, — рассмеялся Май. — Я просто прикинул, что с твоим упорством, дотошностью и занудством ты либо добьешься своего, либо кто-то из вас кого-то убьет, но тогда точно никаких гостей не получится.

— Ты забыл про тот вариант, в котором я просто плюну на всю эту чушь.

— Не-а, не плюнешь, — улыбнулся князь. — Если бы мог, уже бы сделал. А ты в себе копаешься, меня вот пугать пришел и даже готов признать, что был не прав.

— Последнее ты зря приплел. Если я не прав, я всегда это признаю. Но... чтоб мне посереть! Ты очень верно сказал.

— Что сказал?

— Если бы мог — уже бы сделал, — криво усмехнулся Шешель в ответ. — И как меня только угораздило?..

— Держу пари, твоя ромалка уже который день думает о том же, — хмыкнул Май.

— Не исключено, — задумчиво согласился следователь.

— А вообще, забавная из вас получится пара. Очень неклассическая.

— Ты о чем? — не понял следователь.

— Ты называешь ее Кокеткой, она тебя, сам говорил, господином Сыщиком. Я не то чтобы знаток мадирского театра, но все равно не припомню ни одной пьесы с такой парой. Так что если где-то и есть, то явно в порядке исключения.

— Да, пожалуй. Забавно совпало. Ладно. Спасибо, мне здорово полегчало. Конечно, не настолько, как хотелось бы, но, по крайней мере, пропало ощущение, что голова вот-вот лопнет.

— Полетишь отпускать свою красавицу?

— Нет уж, не среди ночи, сначала надо нормально выспаться, а то я ее и правда убью. Или еще что-нибудь нехорошее сделаю. Такие вопросы надо решать на ясную голову.

— Тогда как ты смотришь на то, чтобы поужинать? Мы-то обычно раньше ужинаем, но ты, уверен, как обычно, не помнишь, когда последний раз ел.

— А вот и не угадал, я сегодня у владыки обедал! — рассмеялся Стеван. — Так что все я прекрасно помню. Но от ужина, конечно, не откажусь, твой гомункул слишком хорошо готовит.

— Дать бы тебе в морду за такие высказывания, чтобы хоть немного за языком следил, — с оттенком мечтательности протянул Май, поднимаясь из-за стола.

— Но? — уточнил гость.

— Но толку-то? Ты же независимо от результата продолжишь, причем с еще большим энтузиазмом, просто из вредности.

Стоило открыть дверь, и о серьезном думать сразу перестало: по квартире плыл потрясающий аромат готовящегося мяса.

— погоди, она же про печенье говорила?.. — озадачился Шешель.

— Молчи! — сделал страшные глаза Недич и двинулся в сторону кухни, сопровождаемый в голос ржущим гостем.

— Вы чего такие радостные? — подозрительно спросила Майя, сидевшая за кухонным столом с книжкой. — Насекретничались? Теперь-то мне можно узнать, что у вас там за великие тайны?

— Шешель нашел себе даму сердца и не знает теперь, что с ней делать. Приходил советоваться, — улыбнулся князь.

— Да ну тебя! — надулась его жена. — Так и скажите, что у вас там какие-то секретные государственные дела! Зачем так уж откровенно издеваться? Откуда у него дама сердца?!

— А почему ее не может быть? — любопытно спросил следователь.

— Потому что сердца нет! — припечатала княгиня. — Так что если дама и может быть, то явно какого-то другого органа.

В подобном ключе прошел остаток вечера. Майя со Стеваном обменивались шпильками, к общему удовольствию соревнуясь в остроумии, Май в основном наблюдал и порой пытался осаживать кого-то из увлекшейся пары. Раньше на ехидные замечания Шешеля в адрес жены он реагировал более нервно, но со временем смирился, что следователь не ставит себе цели оскорбить, а Майя и не думает обижаться. А если всех все устраивает, то зачем лезть?

Стей же в такой приятной компании окончательно перестал дергаться по пустякам, расслабился и успокоился. В конце концов, вот же, пожалуйста: живут люди, неплохо себя чувствуют. Так, может, не стоит с ходу принимать изменения в собственной жизни в штыки? Может, они в чем-то к лучшему?..

ГЛАВА 13

Женская обида как грипп: внезапна, неразборчива и приносит осложнения

Смешно сказать, но сидеть в изоляторе Чарген даже понравилось. Наверное, еще пара дней, и такие условия начали бы тяготить, но пока все выглядело совсем не столь страшно, как рисовало прежде ее воображение. А уж после коротких, но насыщенных дней с приключениями в Регидоне — так и вовсе отличный отдых.

Тихо, спокойно, никуда не надо бежать, никто не пытается убить. Постель жесткая и странно пахнет, но явно стерильно чистая. Можно читать книги, которых тут на удивление много и есть из чего выбрать. Кормят по часам и даже вкусно. Да и стража на удивление приветлива, не цепляется. А хмурый начальник караула с вислыми седыми усами Чару откровенно жалел и все пытался как-то облегчить ее участь — развлекал разговорами, даже пару раз пирожные приносил.

Она, конечно, понимала, что в настоящей тюрьме будет гораздо хуже. Здесь все же столичный СК, в эти стены попадают очень разные люди, а у этих людей — очень разные адвокаты, уж, наверное, никто не станет рисковать и нарываться на возможный скандал. Но все равно за время этой «отсидки» Чарген полегчало, и будущее рисовалось уже куда менее мрачными красками. А если еще напомнить себе, что вряд ли следователю удастся найти что-то серьезное и она за использование поддельных документов, вполне возможно, отделается на первый раз крупным штрафом, то и вовсе нет повода для паники. И, наверное, стоило бы потребовать адвоката, чтобы он вытащил ее отсюда до суда, но...

Думать о следователе лишний раз было тяжело, и видеть его совсем не хотелось. Даже для того, чтобы призвать к порядку и отстоять собственные права. Стоило вспомнить холодные глаза и еще более холодный голос — и сразу зеленые стены начинали казаться уютными, даже почти домашними, а к горлу подкатывал колючий комок.

Здравый смысл пытался осторожно достучаться до разума и напоминал, насколько глупо и самонадеянно было ожидать от Шешеля снисхождения, все же он выполнял свою работу. Но голос этот глох на фоне обиды и злости. Да, он делал свою работу, но не мог он ее делать как-то более... человечно? Все-таки лично ему она ничего плохого не сделала, так чем заслужила подобное отношение?!

И когда мысли раз за разом невольно сползали к Стевану, все неизменно сводилось к проклятиям этому человеку, ругани и либо гневу, либо боли — по ситуации. Днем Чара обычно злилась, вечером...

А вечером долго лежала без сна, потому что лишённые нагрузки разум и тело не уставали за день, и перебирала в памяти отвратительно яркие воспоминания последних дней. И тосковала. Ругала себя за это, ругала проклятого господина Сыщика, но ужасно скучала по его поцелуям, насмешливой улыбке и болтовне ни о чем. Пыталась напомнить себе, что все это глупости, что Шешель желает только одного — засадить ее подальше и надолго. Но все это не облегчало жизнь, а только окончательно портило настроение, и засыпала Чарген обычно в слезах. Она, кажется, за всю прошлую жизнь столько не плакала, сколько за эти несколько дней.

Четвертый день слегка разнообразил дневной визит адвоката, присланного матерью, даже требовать ничего не пришлось. Ничего нового он, впрочем, не сказал, только заверил, что серьезных обвинений Чарген не грозит и на первый раз она наверняка отделается штрафом. Представительный мужчина в очках явно знал свое дело, и мошенница только согласно покивала, пообещав быть умницей. И постаралась отогнать неуместное разочарование: сопровождал адвоката другой следователь, Шешеля почему-то на месте не было.

Утро пятого дня мало отличалось от остальных, если не считать самого трудного, первого, когда она просто не могла поверить, что все происходит на самом деле. Пробуждение, умывание, сытный завтрак, книга — все размеренно и сонно. Еще было бы здорово потихоньку практиковаться в магии, потому что слова фиолетового мага, абсолютно серьезно восхищавшегося умениями прочно засели в памяти. Но увы, эти занятия можно отложить до освобождения — в стенах изолятора она о них лишь мечтала.

Но потом все пошло не так, как обычно.

— Янич, на выход, — загремел ключами в замке один из охранников. К сожалению, не тот приятный немолодой господин с усами, какой-то другой, более хмурый и на вид недружелюбный.

Но Чара все равно попыталась выяснить:

— Что случилось?

— Вот у следователя и спросишь, что у него там случилось, — недовольно буркнул тот.

Сердце екнуло и тревожно подскочило к горлу, но продолжать расспросы Чара не отважилась.

На выходе Чарген передали конвою из двух человек, и те даже наручники надевать на нее не стали, предсказуемо не ждали никаких неприятностей. С каждым шагом Чара все больше нервничала, гадая, куда ее ведут, потому что они все спускались и спускались. В прошлый раз ее водили всего на этаж ниже, а сейчас... куда?

Бесконечная лестница, бесконечный коридор, по которому сновали бесчисленные люди — здесь, внизу, их было гораздо больше, чем на верхних этажах.

Остановились конвойные у ничем не примечательной двери с номером «213», короткий стук...

— Да, войдите!

От звука отлично знакомого голоса сердце ухнуло в пятки, и ноги на мгновение ослабели от какого-то неопределенного дурного предчувствия.

— Задержанная Чарген Янич доставлена, — сообщил один из конвойных, когда все трое вошли. В и без того небольшом кабинете сразу стало совсем тесно.

В дальней стене — большое окно, под ним низкий диван, чуть ближе — письменный стол с парой простых деревянных стульев перед ним. Вдоль левой стены — ряд шкафов, на правой — карта Беряны и грифельная доска с небрежно стертыми меловыми надписями, от которых остались разрозненные бессмысленные обрывки.

Хозяин кабинета стоял у карты, и за прошедшую пару дней он совсем не изменился. Разве что был слегка взъерошен, но чисто выбрит и вообще выглядел вполне бодрым. Свежая белая рубашка с небрежно закатанными до локтя рукавами, кобура поверх, серые брюки — все как обычно; разве что пиджака не хватало, тот висел на спинке стула.

— Спасибо, можете идти, — смерив вошедших взглядом, кивнул Шешель. — Проходи, садись, — это уже Чаре, мимо которой он прошел к двери.

Тихо и зловеще — раз, другой — щелкнул замок, закрываясь. Ключ исчез в кармане брюк, и Чарген стало совсем уж неуютно и даже почти жутко. Не то чтобы она всерьез боялась, будто господин Сыщик опустится до чего-то исключительно гадкого, но поведения его не понимала и потому опасалась.

— Спасибо, я постою, — выдохнула мошенница. Следователь приблизился, заложив руки в карманы брюк. Вроде бы стоял на вполне приличном расстоянии, но тревога все равно лишь крепла. — Зачем ты меня сюда притащил? — пытаюсь справиться с беспокойством, излишне резко спросила она. — Я уже говорила, что от меня ты ничего не узнаешь, ищи сам!

— Я уполномочен сделать тебе... предложение, — с непонятной паузой проговорил Стеван. Медленно обвел Чару взглядом, и та нервно сглотнула вставший в горле колючий комок, с трудом поборов нелепый порыв прикрыться руками: под этим взглядом она остро ощутила себя беззащитной и даже как будто голой. — Твои... таланты были высоко оценены, поэтому есть вариант. Свобода и прощение всех прошлых прегрешений скопом, включая те, которые могут всплыть позже, в обмен на работу на благо Ольбада. Что скажешь?

Пару секунд Чарген растерянно смотрела на него, не понимая, о чем речь. А следом опалила догадка, и в лицо плеснула краска ярости.

— Да как ты смеешь?! — возмущенно прошипела Чара.

— Смею что? — Шешель вопросительно вскинул брови. — Для тебя это лучший вариант...

— Да пошел ты! Сволочь! — Сдержаться она опять не сумела, опять попыталась врезать по этой наглой невозмутимой физиономии. Опять безуспешно.

Короткий рывок, мир крутанулся, и Чара оказалась в очень нелепом и неловком положении: спереди в ее бедра упирался край стола, а сзади — слишком тесно, слишком недвусмысленно, — прижимался мужчина. Правая рука оказалась сильно завернута за спину и зажата между двух тел.левой рукой следователь придерживал добычу за вывернутое запястье, а правой — обнимал под грудью, и назвать последнее захватом язык не поворачивался.

Чарген на пробу дернулась, но держал Шешель крепко, а вырваться всерьез она поостереглась: он же явно сильнее, еще покалечит случайно.

— Что тебе не нравится? — продолжил недоумевать Стеван.

— То есть ты со своим начальством собираешься подкладывать меня под каких-то мужиков и удивляешься, что мне не нравится?! Да пошли вы все! Я лучше в тюрьме посижу, лишь бы не видеть больше твою рожу! Ты! — Она захлебнулась злостью и словами, когда в ответ на ее возмущение господин Сыщик рассмеялся. От гнева буквально потемнело в глазах, и Чара пару раз беззвучно хватанула ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

А Шешель, прижавшись лбом к ее затылку, проговорил, все еще веселясь:

— Какие у тебя мысли, однако... Магические. Магические таланты. Твоя маскировка привела магов в восторг.

Дыхание его щекотало шею, нервируя и отвлекая, поэтому смысл сказанного дошел не сразу.

Чара нервно закусила губу, не зная, что сказать. Давно она не чувствовала себя настолько глупо... Но и он тоже хорош! Не мог нормально сказать, без этой двусмысленности и этого взгляда?!

За последнее она в итоге и уцепилась, и прошипела зло:

— Ты постоянно называешь меня шлюхой и очень выразительно раздеваешь глазами. Что я еще должна была подумать?!

— Ну... *подложить* тебя я тоже не против. Но только если под себя. — Опять тихий смешок, а ладонь его сдвинулась выше, крепко, но аккуратно сжала грудь через плотную ткань платья.

— Воспользуйся правой рукой! Это единственная женщина, к которой тебя можно подпустить! — опять вспыхнула от злости Чарген. — Пусти меня, ты! Тварь! Скотина!

Она опять трепыхнулась, попыталась ударить свободной рукой, но мешался мужской локоть, да еще под таким углом получился только слабый шлепок по бедру. Мотнула головой, но в первый момент Шешель успел уклониться, а потом его ладонь с груди переместилась на шею — не сдавливая, придерживая.

— Боги, Чара! — тихо выдохнул он, уткнулся носом ей за ухо. Шумно втянул воздух, коснулся кожи губами. — Ты меня с ума сводишь...

— Было бы с чего сводить! — огрызнулась мошенница. — Пусти! Немедленно!

— Не могу. — Новый глубокий вздох, щекочущий чувствительную кожу. По спине стекла волна легкой дрожи. — Ты тогда уйдешь.

— С-сволочь! — прошипела Чарген.

— Удиви меня чем-нибудь новым. Я скучал. Очень...

— И именно поэтому, конечно, явился в камеру, чтобы меня оскорбить?

— Я не хотел тебя оскорбить.

— То есть «шлюха» — это был комплимент? — процедила она.

— Я вообще не для тебя это говорил...

— О, ну да, теперь еще скажи, что страдаешь галлюцинациями! Или ты так развлекал охрану? Да пусти ты меня наконец!

И совершенно неожиданно Стеван послушался. Не отпустил совсем, но немного отступил, аккуратно, придерживая за локоть, выпрямил ей руку, явно стараясь не причинить боли, развернул Чарген к себе лицом. Ладони его тут же уверенно легли ей на талию.

Наверное, стоило бы вывернуться, оттолкнуть, но Чара только напряженно уперлась обеими руками следователю в грудь, испытующе, с подозрением и вызовом глядя в лицо.

Глаза у него — как обычно холодные. Брови нахмурены, взгляд — серьезный, острый, пробирающий. Но что-то такое было в выражении лица — непривычное, новое, — что заставило Чарген замереть.

— Себе. Я говорил это для себя. Ты там сидела, расчесывала ладонью волосы, а у меня пальцы ныли от желания сделать вот так. — Шесель одной рукой поймал кончик ее косы, закопался в волосы пальцами, намотал на ладонь, крепко сжал.

— Ты больной, — проворчала Чарген. Но косу не отняла.

— Наверное. Мне вчера уже советовали сходить к мозгоправу. — Он как-то странно усмехнулся. — Я правда не хотел тебя обидеть. Просто не подумал, что...

— Не хотел, но обидел.

— Прости. То, что я говорю, часто надо делить на десять.

— А то, что делаешь? — спросила Чара. — Тоже делить?

Стиснула зубы, не позволяя себе поддаться этому мгновению, опасной близости мужчины, безумной надежде, которую будили его

слова.

Несколько секунд он молчал, продолжая рассматривать ее лицо, словно впервые видел. Впрочем, к этому лицу у него действительно не было времени привыкнуть.

А потом Стеван напомнил себе прописную истину: если не знаешь, что сказать, лучше говорить правду. И, проигнорировав вопросы, перескочил на другое:

— Я не хотел тебя обидеть, и тогда — тоже. Я думал, ты не согласишься поехать ко мне, собирался арестовать сразу. Потом... когда мы приехали, вызвал стражу, но попросил приехать позже. Мне было интересно посмотреть, как и когда ты попытаешься сбежать. А потом... Сложно удержаться от большего, когда ты рядом. Даже сейчас.

— Ну да, я же... опытная шлюха, да? — Чарген зло усмехнулась. Грубость сказала нарочно, чтобы увидеть его реакцию, опять услышать оправдания. Но — не дождалась.

— О твоём опыте я могу судить только в теории, — усмехнулся он. — Ты же так и не призналась, скольких провела...

— Ах ты!.. — Чара дернулась в сторону, опять замахнулась...

И через мгновение подумала, что жизнь ее ничему не учит. На этот раз Стеван просто завел ей руки за спину и опять обхватил, прижав к себе — тесно, горячо. И всего ее упрямства и возмущения не хватило, чтобы остаться к этой близости равнодушной. К близости, к сводящему с ума жару твердого тела, к его странному поведению, словам и, главное, всему тому, что, невысказанное, висело в воздухе.

— Ну хватит, — проговорил Шешель странно мягко и уткнулся лбом в ее висок. — Ты же понимаешь, что я все равно не отпущу, пока мы не закончим. А опыт... Ты сама об этом заговорила. И сама его ругаешь. А по-моему, с цветочком вроде твоей Цветаны было бы смертельно скучно. И ее легко получилось бы выкинуть из головы. Она не приходила бы во сне, не грезилась наяву. Совсем не то что Чарген Янич. Горячая, порывистая, яркая... Ты можешь ругаться, можешь драться, но я тебя не отпущу. Честно пытался, но не могу. А самое удивительное, что уже и не хочу.

— А чего хочу я, тебя не волнует? — спросила Чара, пытаясь унять сердце, торопливо колотящееся где-то в горле. И хотелось бы

сказать, что от страха или возмущения, но — нет, это был восторг. Предвкушение. Возбуждение. Торжество...

Особенно когда Стеван, не спеша с ответом, прошелся губами вдоль ее шеи к уху, поймал мочку. Потом легко провел языком по контуру уха, и Чара непроизвольно дернулась от остроты ощущения. И напрочь забыла, о чем она вообще спрашивала.

— Меня очень интересует твой положительный ответ, — с тихим смешком проговорил Шешель. — Оставайся со мной. Насовсем.

— В каком смысле? — Она с трудом заставила себя сосредоточиться на словах — слишком отвлекали близость и прикосновения. Его ладонь, скользнувшая вдоль плеча вверх, чтобы приласкать шею и мягко накрыть затылок, и вторая, уверенно обосновавшаяся на талии.

А вот на сопротивление Чарген уже не хватило, и ее руки независимо от воли хозяйки обняли следователя в ответ.

— В прямом. — Стеван едва заметно улыбнулся. — Выходи за меня замуж, — проговорил твердо. И через пару секунд, пока Чара пыталась поверить в услышанное, уже чуть менее уверенно добавил: — Пожалуйста.

— Нет, — после нескольких секунд молчания все-таки заявила Чара, наконец убедив себя в реальности происходящего.

— Нет?

— Нет, — повторила еще тверже, изо всех сил стараясь не улыбаться — и сказанному Шешелем, и тому, как он растерянно хмурился, словно не верил своим ушам, потому что совсем не ожидал такого ответа.

— Почему? — последовал закономерный вопрос.

— Потому что не заслужил! — с удовольствием припечатала Чарген, ткнув его пальцем в грудь. Шальная радость добавила легкости и уверенности, Чара окончательно сбросила оцепенение. — На сделку твою я согласна, но при условии, что мне дадут учиться. А все остальное... Посмотрим на твое поведение! Я не собираюсь связывать жизнь с типом, которого знаю несколько дней, и за это время он успел обидеть меня так, как никто прежде!

— Но? — Шешель вопросительно выгнул брови.

— Но ты все-таки спас мне жизнь, и обстоятельства были сложными, так что я согласна дать тебе второй шанс. Начать все

сначала, сделать вид, что всего этого не было. Будешь ухаживать за мной, как это делают нормальные люди. Так что отодвинься, ты ведешь себя неприлично, — резюмировала она, сильнее уперлась ладонями в грудь следователя.

Пару секунд тот, не шевелясь, с непонятым выражением разглядывал лицо Чарген. А потом, вместо того чтобы послушно отстраниться, рывком приподнял Чару и усадил на край стола, оказавшись между ее разведенных ног.

Чара ойкнула от неожиданности, попыталась увернуться от поцелуя в шею и оттолкнуть Стевана, но тот прижал ее крепче — одной рукой чуть выше лопаток, другой — чуть ниже поясницы. Уператься стало затруднительно.

— Пусти! — шикнула Чарген. — Прекрати сейчас же! Я не хочу!

Выпустить ее он не выпустил, но и начатого не продолжил — не тронул пуговицы платья, не попытался задрать подол еще выше, как будто вот такой близости было достаточно.

Пока достаточно. Потому что Чара прекрасно чувствовала, что хочется-то ему совсем иного. Да ей и самой... Хотелось.

— Предлагаю компромисс, — тихо выдохнул Шешель возле самого уха. Несколько легких, невесомых поцелуев заставили Чарген шумно вздохнуть. Потому что...

Да, вопрос был принципиальным, и, переступи следователь грань, на которой до сих пор умудрялся балансировать с изяществом канатоходца, она уперлась бы совсем — закричала, забилась, и вряд ли он после такого продолжил бы настаивать. Может, он и сволочь, но не до такой же степени! Но то, как он держался сейчас, как обнимал, оналял дыханием кожу... Тело помнило, и близость была приятна.

Чарген сама позволяла Стевану сократить дистанцию, пусть это и было неправильным. А тот наступал, не тратя время на сомнения. Игра. Волнующая, доставляющая удовольствие обоим.

— Компромисс? — спросила Чара, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Я не против... поухаживать за тобой.

Видя, что она перестала вырываться, Шешель слегка ослабил хватку. Ладони его скользнули ей на талию, потом уверенно легли на бедра, фиксируя. Стеван немного отстранился, чтобы заглянуть Чарген в лицо, и та опять положила ладони ему на грудь.

Вот только разглядеть в этом жесте попытку к сопротивлению не удалось бы при всем желании. Чара замерла под пристальным тяжелым взглядом словно бы потемневших глаз — наверное, просто так по-особенному падал свет. Сил сбросить вызванное этим взглядом оцепенение не нашлось, не говоря уже о том, чтобы унять бешено, заполошно стучащее сердце.

— Но? — все-таки сумела выдохнуть Чара.

— Но забывать *все* я не хочу, — тихо уронил Шешель. И столько обещания прозвучало в его тоне, что перехватило дыхание, и новый вдох дался Чарген с большим трудом. — Да и если бы хотел — не смог, — продолжил Стеван.

Опять потянулся к ее шее — и Чара непроизвольно, словно околдованная, склонила голову набок, чтобы ему было удобнее. Несколько легких, почти невинных поцелуев заставили ее оставить видимость сопротивления, и она почти испуганно ухватилась за плечи Шешеля.

— Так нечестно, — пробормотала обиженно.

— Чара, я не могу выкинуть тебя из головы. — Следовательно опять с легким вздохом отстранился, обхватил ладонью ее лицо, второй... кажется, второй он пытался расплести косу, но Чара не обратила на это внимания, вновь оказавшись в плену его взгляда. — Даже сделать вид. Одержимость это и психическое отклонение или любовь и все так и должно быть — я не знаю, но бороться с этим не получается. Так что если тебе очень хочется — будут кафе, цветы, что там еще входит в ухаживания у этих твоих «нормальных людей»? Но спать ты при этом будешь со мной.

— Как-то все это совсем не похоже на компромисс, — проворчала Чара.

— Поверь мне, это он и есть. Я бы предпочел уговорить тебя сразу.

— Это как? — искренне озадачилась она.

— У меня есть несколько часов времени до конца рабочего дня, когда сюда придут убираться, диван и замечательный стол. Но, думаю, где-то через час ты согласишься на все, — многозначительно ухмыльнулся Стеван.

— Подлец и сволочь! — проворчала Чарген, ткнув его кулаком в грудь.

И поспешила задвинуть подальше любопытство и возбуждение, всколыхнувшиеся внутри при этих словах. Она не сомневалась, что процесс подобных уговоров ей понравится.

— Ну нет, это было бы как раз честно, — со смешком возразил Шешель. — А грязные приемы я предпочту оставить на совсем уж крайний случай.

— Например? — даже растерялась она.

— Например... Чара, я ведь знаю, что ты тоже меня любишь, иначе вела бы себя по-другому — и раньше, и теперь. И мы оба знаем, что ты очень хочешь согласиться и обязательно согласишься, получив некую моральную компенсацию за причиненную обиду. Не знаю, дело принципа это, месть или что-то другое, но я согласен извиниться таким образом. — Пользуясь тем, что Чарген ошарашенно слушала все эти откровения и вовсе уже не пыталась вырваться, Стеван невозмутимо взялся за ее косу. Двумя руками дело пошло гораздо быстрее, узел тесемки быстро сдался, а дальше пряди словно сами стремились освободиться. — В конце концов, я действительно виноват. Я не ставил себе целью сделать тебе больно, просто не учел этот момент, не подумал об эмоциональной стороне вопроса. Вот только... Если ты всерьез решишь лишиться меня удовольствия, я ведь могу ответить тем же.

Ладони его зарылись в густые черные волосы, сжались в кулаки, натянув пряди — почти больно. Но ощущение это, а главное, тихий блаженный вздох Шешеля вызвали у Чары новую волну жара, прокатившуюся по телу и собравшуюся внизу живота.

— Что ты имеешь в виду? — Чарген с трудом отвлеклась от волнующих ощущений и в которой уже раз волевым усилием заставила себя сосредоточиться на разговоре.

— Тоже не давать того, чего ты хочешь. Дразнить. Манипулировать чувствами.

— И кто тебе сказал, что я на это поддамся? — возмутилась она.

— Ну, сейчас, может, и нет, потому что я тебя предупредил, — усмехнулся Стеван. Пальцы его начали аккуратно, мягко массировать ей голову. — Заметь, я стараюсь быть честным, обсуждаю проблему и ищу варианты — все, как советуют мозгоправы.

— Шешель, ты... все-таки ты сволочь! — выдохнула Чара устало и на несколько мгновений прикрыла глаза, наслаждаясь лаской.

— Ну уж какой есть, другого не будет, — насмешливо фыркнул он в ответ. Помолчал пару секунд. Одной рукой провел по ее волосам, протягивая пряди между пальцами, опять набрал в горсть, прижал к губам и глубоко, шумно вдохнул запах. — Как же хорошо, что я не дал тебе их отрезать...

— Еще и псих с нездоровыми пристрастиями, — проворчала Чара. — Откуда у тебя эта болезненная привязанность к длинным волосам? Потому что свои не растут?

— Болезненной она была бы, если бы я их отрезал и коллекционировал, — легко рассмеялся Шешель. — А так... Просто нравится. Очень приятные ощущения. Ну так что, мы договорились?

— Договорились до чего? — все-таки спросила Чарген, хотя прекрасно понимала, о чем речь.

— До того, что я буду... заглаживать свою вину и стараться вести себя хорошо. Как... нормальный человек, — со смешком ответил Стеван. Ладони его легли на голые колени Чарген и медленно-медленно двинулись вверх по ногам — осторожно, ненавязчиво, давая возможность оттолкнуть. Но Чара, к стыду своему, даже не попыталась ею воспользоваться. — Но, как психу, мне еще полагается лекарство, помогающее держать себя в руках и думать хоть о чем-то еще, кроме моей навязчивой идеи. Тебя.

— Боги! Как я вообще умудрилась вляпаться в эту историю? — тяжело вздохнула Чара. Ладони ее огладили твердые плечи, прошлись по рукам до локтей...

— Я уже который день задаюсь этим вопросом, — усмехнулся Стеван и наконец сделал то, чего давно хотелось: поцеловал.

И Чарген, мгновение поколебавшись, окончательно сдалась, ответила на поцелуй, прижалась к мужчине крепче.

Наверное, можно было продолжить упорствовать, разругаться. Потому что — да, сделал очень больно, и прошедшие дни дались ей тяжело. Вот только вряд ли от этого станет легче и вряд ли это вызовет какое-то действие, кроме описанного Стеваном.

Да и большой вопрос, кого она этим протестом будет мучить сильнее, потому что... Она ведь тоже тосковала и хотела его поцелуев, его прикосновений. И сейчас, вот именно в эту минуту, на протяжении этого разговора, хотела их как никогда остро. Хотела убедить себя, что все это — на самом деле. Что — да, случилось чудо, и та мечта,

которую она боялась даже оформить в слова, совершенно неожиданно сбылась.

Правда, как это часто бывает с мечтами, счастье несло в себе подвох. Но за это стоило винить, наверное, только саму себя, потому что никто не заставлял ее влюбляться именно в этого человека со всеми его многочисленными недостатками. Да, он расчетливый циник, он хладнокровен и слишком логичен, с ним сложно, он порой жутко злит этой своей невозмутимостью. Только если бы всего этого не было или вдруг не стало сейчас, это был бы уже не он...

А еще, и это отчасти примиряло Чару с нынешней капитуляцией, ему прошедшие дни тоже, похоже, дались не так-то просто. И ей — именно ей, и это определенно тешило ее самолюбие, — удалось все же пробить броню его самоконтроля. И он явно нервничал, переживал, скучал и отчаянно боролся с собой, в итоге проиграв этим чувствам. Так что еще большой вопрос, кто первым сдался!

Поцелуй получился долгим, страстным, он легко вымел из головы все рассуждения и здравые мысли и заставил Чарген забыть, где она находится. Слегка очнулась только тогда, когда Стеван отвлекся от ее губ, чтобы проложить дорожку поцелуев по шее на оголившееся плечо. Запоздало сообразила, что крупные пуговицы платья-халата расстегнуты уже до самого низа, ладони Шешеля оглаживают обнаженную кожу и неспешно, словно смакуя момент, подбираются к застежке белья.

— Стей, ты уверен, что это подходящее место и время? — пробормотала Чара, но сама взялась за его рубашку.

— Скорее наоборот, — усмехнулся он, все-таки стащил с нее платье и стряхнул со своих плеч кобуру. Но бросать не стал, дотянулся и повесил на спинку стула. — Больше того, у меня куча работы, и за отключенный телефон мне наверняка влетит, потому что меня точно потеряют.

— Но?

— Но мне плевать. И это удивительно приятное ощущение.

Чарген нервно и радостно рассмеялась в ответ, с огромным удовольствием снимая его рубашку. Крепко обняла за талию и с наслаждением прильнула к сильному телу, чувствуя звенящую легкость в голове и сладкое томление в теле. Поцеловала в плечо, провела языком вдоль ключицы, добралась до шеи и, целуя ее,

спустилась ладонями на бедра мужчины, прижала к себе крепче. Получила в ответ новый жадный поцелуй...

Ее разрывали противоречивые стремления. Одновременно хотелось растянуть это мгновение подольше, насладиться собственным предвкушением и наконец утолить мучительное, иссушающее желание близости.

Но Стеван такими сомнениями не терзался. Пара мгновений ушла на то, чтобы избавить Чару от белья и расстегнуть брюки, а дольше ждать он явно не собирался. Опрокинул ее на стол. На пол от неловкого движения ее локтя полетели какие-то папки, но обоим было не до них. Чарген подалась навстречу мужчине, с губ сорвался тихий блаженный стон.

Ощущение горячих ладоней на бедрах — твердых, уверенных, властных. Его движения — глубокие, сильные, и от каждого нового толчка по телу прокатывается волна сладкой дрожи. Взгляд — потемневший, ласкающий, жадный, обжигающий и... боги, неужели она могла считать его холодным?!

Она цеплялась пальцами за край стола, словно боялась не удержаться и взлететь. Кусала губы, чтобы не стонать в голос, и попеременно с бессвязными мольбами выдыхала его имя. Раз за разом, пока наслаждение не прокатилось по телу пульсирующей волной, заставив полностью потерять контроль.

Через пару секунд достиг пика и он, и на несколько секунд оба замерли, часто, загнанно дыша. Потом Стеван взял ее обеими руками за талию, потянул к себе, вынуждая сесть. Чарген не возражала, охотно обняла его, уткнулась лбом в плечо.

— Все-таки ты громкая, — проговорил следователь, глядя ее по спине и то и дело вновь зарываясь пальцами в распущенные волосы.

— Думаешь, кто-то мог услышать? — немного смутилась она. Потому что... Они все-таки не одни, это кабинет в стенах следственного комитета, и там за дверью, ходят люди!

— Кто-то наверняка слышал, здесь тонкие стены и двери, — невозмутимо заверил Шешель. — Но, может быть, не поверил или не понял, что именно и откуда. Или понял, но благородно не стал мешать. Главное, что никто не решил, что я тебя тут убиваю, иначе уже ломились бы в дверь...

— Это совсем не смешно, — проворчала она, чувствуя, однако, что улыбается в ответ. Но, чтобы окончательно стряхнуть совсем неуместную истому, заговорила о деле: — Мне сейчас придется вернуться в изолятор?

— Зачем?

— Ну как... Пока ты подготовишь все документы, нет?

— У меня... — Стеван через ее плечо посмотрел на стол, растерянно кашлянул. — Кхм. В общем, где-то здесь было распоряжение владыки о помиловании тебя и освобождении под мою ответственность.

— И давно оно у тебя? — подозрительно спросила Чарген, морально готовясь опять высказывать Шешелю собственное негодование. Но все оказалось не так плохо.

— Сегодня утром прислали, — усмехнулся он в ответ. — Как принесли, я сразу за тобой и послал. Мы с ним вчера обсуждали вопрос твоего будущего, но разговор с тобой я решил немного отложить, заручившись сначала всеми нужными документами.

Господин Сыщик, видимо, тоже настроился на деловой лад, потому что отстранился и принялся одеваться, начав с возвращения на место спущенных штанов. Чарген осталась сидеть на столе, с улыбкой наблюдая за его действиями. Такой вот, полуодетый, Шешель выглядел совсем не грозно и очень мило.

— Чара, если ты продолжишь так сидеть и смотреть на меня, боюсь, мы пойдем на второй круг. — Усмехнувшись, он застегнул брюки и опять приблизился, чтобы поцеловать. — На моем столе, обнаженная, ты выглядишь слишком привлекательно, чтобы я мог долго это игнорировать.

— Извини. Просто очень хочется принять душ и совсем не хочется надевать опять это тюремное платье. Оно, конечно, не так ужасно, но...

— С душем помочь не могу, он в здании есть, но на первом этаже и в другом конце, так что в любом случае придется одеться. Ну или тот, что в изоляторе. А с платьем... Я что-то такое подозревал, поэтому зашел в твою квартиру. Вон там, посмотри.

Указанный шкаф оказался почти пустым, там висел только потертый мужской плащ, черный зонт и — да, ее платье. Изумрудно-

зеленое, слишком смелое для мышки-Белич, поэтому Чара его не носила. Но не удержалась, купила — слишком оно ей понравилось.

— Стей, а чем ты руководствовался, когда взял именно его? — Чарген обернулась, сняв наряд с плечиков.

— Красивое, я его на тебе ни разу не видел. — Следователь, который уже успел надеть рубашку и сейчас ее застегивал, пожал плечами. — А что, с ним что-то не так?

— Наоборот, оно мне очень нравится. Оказывается, у тебя хороший вкус. — Она с улыбкой приблизилась к следователю. Тот не разочаровал, привлек к себе, поцеловал.

— Хороший, — спокойно согласился Шешель. — Именно поэтому твое настоящее лицо нравится мне гораздо больше, чем все маски. И... Чара, я тебя последний раз предупреждаю: если ты не оденешься, мы продолжим с того момента, на котором закончили.

— Какой ты ненасытный, — засмеялась она и потянулась за новым поцелуем.

— Просто не железный, — со смешком возразил Стеван, окинув ее новым, очень выразительным взглядом.

Чарген рассмеялась и, дразнясь, встряхнула волосами, крутанувшись на носочках. Все недавние страхи вдруг улетучились, она ощущала удивительную легкость — и на душе, и в теле. Хотелось улыбаться, хулиганить и провоцировать этого мужчину, и от понимания, что теперь она имеет на это право, кружилась голова, как от доброго стакана брадицы.

А то обстоятельство, что она стоит обнаженная, посреди его кабинета, перед полностью одетым следователем, очень заводило. И ей совершенно серьезно хотелось, чтобы он все-таки не сдержался. То есть это было ужасно неправильно и неуместно, но как же ей нравился его ласкающий взгляд!

И он не сдержался. Подошел со спины, поймал в охапку, прижал к себе.

— Дразнишься? — спросил со смешком, опять щекоча дыханием ухо. Только в этот раз Чара и не подумала вырваться, с удовольствием откинула голову ему на плечо, наслаждаясь прикосновением сильных ладоней к обнаженной коже. — А кто-то, помнится, совсем недавно хотел начать все сначала и требовал приличного поведения.

— А кто-то вообще хотел меня посадить! — рассмеялась Чарген. — Давай не будем об этом? Мне сейчас так хорошо...

— То есть одеваться ты отказываешься? — весело уточнил Шешель.

— Нет. Просто мне нравится, как ты на меня смотришь. *Теперь* нравится, не надо опять напоминать о том, что было сто лет назад. И мне не хочется надевать старое белье...

— Ну, у тебя есть целых два варианта: пойти так или надеть свое.

— Свое?.. — озадачилась она. — Погоди, ты что, и белье прихватил?!

— Ну да. — Что бы там господин Сыщик ни говорил про пределы собственной выдержки, а из объятий Чару все-таки выпустил, пусть и с неохотой, и шагнул к столу. — Сейчас, куда-то я его... Вот.

Кусочки черного кружева Стеван достал из ящика стола, и Чара рассмеялась при виде этой картины. С ума сойти, грозный следователь хранит в ящике женское белье! Ее белье. И это тоже, оказывается, очень возбуждает.

Боги, да что же он с ней делает?! Ведь невозможно же думать о чем-то постороннем...

— А его ты тоже выбирал, полагаясь на собственный вкус? — с иронией спросила Чарген, бросив платье на спинку стула, чтобы надеть сначала тонкое кружево. Белье следователь прихватил... откровенное.

— Отчасти. Мне просто хотелось взглянуть на тебя в этом. — Шешель наблюдал за ней, сидя на краешке стола.

— И как? — прекрасно зная ответ, Чара повернулась на месте, позволяя разглядеть себя со всех сторон.

— Жду момента, когда смогу его снять, — отозвался следователь. — Одевайся уже, надо еще в изолятор подняться, получить твои вещи и оформить освобождение.

— А ты, может, еще и туфли мне принес?

— В шкафу, внизу.

— Все-таки ты замечательный! — улыбнулась Чарген, на ходу застегивая платье. С глубоким треугольным вырезом, летящей юбкой чуть выше колен, с рукавами до локтя, оно идеально сидело по фигуре и ласкало кожу мягкой шелковистой тканью, еще и холодило, что при нынешней погоде оказалось большим плюсом.

— Как недалеко у тебя «замечательный» лежит от «сволочи», — рассмеялся Стеван. — Причем в обоих направлениях.

— Это просто ты очень противоречивый, — возразила Чара, нехотя обуваясь.

С туфлями Шешель не угадал, но тут уже стоило пенять на себя, а не на него. Потому что выглядели лаковые лодочки безупречно, и невысокий каблук казался удобным, но откуда было следователю знать, что конкретно эта пара жутко натирает ей мизинцы? Выбросила бы вовремя — сейчас не мучилась!

Когда интересное зрелище закончилось, Стеван отклеился от стола и принялся наводить порядок, собирая разбросанные папки и отдельные листы. Поднял плотный конверт с надломленной владыческой печатью, остальные бумаги небрежно бросил на стол.

— Это оно? — спросила Чара, складывая казенное платье и белье в знакомую, то есть свою собственную полотняную сумку — видимо, именно в ней Шешель принес одежду.

— Да. — Не дожидаясь просьбы, следователь достал из конверта лист гербовой бумаги и протянул Чарген.

Приказ о помиловании действительно распространялся не только на аферу с документами, но и на другие преступления, совершенные до сегодняшнего числа, за исключением тяжких — тех, которые касались умышленного причинения значительного вреда здоровью и жизни людей, государственной измены и всего в таком роде. Чарген длинно вздохнула с огромным облегчением — ничего столь серьезного за ней не водилось.

Размашистая подпись владыки Ольбада, государственная печать с гербом... Солидная бумага.

— погоди, но тут же ничего нет про условия. Просто... помиловали? И все?

— Говорю же, под мою ответственность, — поморщился Шешель. — Склонить тебя к сотрудничеству должен я.

— А если не склонюсь? — полюбопытствовала Чарген.

— Давай не будем фантазировать о совсем уж несбыточном? — усмехнулся следователь. — Ты же хочешь учиться.

— Ну я так, для общего развития. — Чара пожала плечами. — Интересно же. Но почему владыка поступил так странно? Почему нести за меня ответственность должен именно ты?

В ответ Стеван состроил недовольную гримасу, но от ответа уходить не стал:

— Он передо мной не отчитывается, но... Полагаю, ему очень не понравилось мое особое и откровенно предвзятое к тебе отношение, и он решил вот так меня встряхнуть и призвать к порядку. Или ему было любопытно, как я поступлю и дам ли ход его распоряжению.

— А ты мог не дать?

— Мог, — подтвердил Шешель. С рассеянным видом приобнял Чару, привлек ближе. — Теоретически. Он прислал его лично мне, и дата на документе не стояла. Но это все, конечно, голые догадки, я не знаю, что происходит в голове у Тихомира и тем более — его почтенной супруги. Ладно, раз ты убедилась, что помилование — правда, а не хитрый ход, направленный на усыпление твоей бдительности, может, удовлетворишь мое любопытство?

— О чем ты?

— Среди них есть твои? — спросил, хлопнув ладонью по стопке из нескольких тонких папок.

Чарген тоже стало любопытно, и она сунулась перебирать документы.

— Ну... ничего удивительного, — вздохнула, просмотрев всю стопку. — Все-таки ты хороший следователь. Пять. Сказать какие?

— Давай так, я еще немного подумаю и отберу их, а ты потом скажешь, угадал или нет, — удовлетворенно улыбнулся он. — Надо же закрыть, а то что они будут висеть мертвым грузом. Готова? Пойдем.

Выходила из кабинета Чара с некоторым внутренним напряжением, мысленно ожидая за дверью любопытных взглядов случайных свидетелей их со С-теваном «общения». Но, видимо, люди здесь не слонялись по коридорам просто так, и, если кто-то что-то слышал, он уже давно умчался по своим делам, так что Чарген окончательно успокоилась.

Идти по коридорам СК под руку с господином Сыщиком было... потрясающе. Чарген готова была танцевать и дразнить всех встречных людей в форме, которые были ей теперь совсем не страшны. Да и озадаченные взгляды Стевановых коллег, которые сам Шешель невозмутимо игнорировал, добавляли веселья.

— Почему они на нас так смотрят? — все-таки спросила Чарген, когда пара поднималась по лестнице.

— Точно не знаю, меня пока еще не расспрашивали о подробностях, — пожал плечами господин Сыщик.

— Что? О каких подробностях?..

— После нашей с тобой... беседы в изоляторе, часть которой на своем посту прекрасно слышала охрана, по СК явно пошел гулять какой-то слух. Это тесный коллектив, здесь любят делиться новостями о коллегах. А тут редкий, замечательный повод: мало того что пикантная связь следователя с подозреваемой, да еще и следователь этот — я.

— И чем именно ты такой особенный? — спросила Чарген со смесью иронии и любопытства. Особенный же, глупо с этим спорить, но интересно, что имеется в виду сейчас?

— Тем, что прежде о моей личной жизни сложно было сплетничать по причине ее отсутствия. В основном гадали, все ли у меня нормально с головой и другими органами, — усмехнулся он. — Теперь вот благодаря тебе реабилитируюсь.

— Какой ужас! — пробормотала Чара. — И тебя это совсем-совсем не задевает?

— А должно? — искренне озадачился следователь. — Ну скажут, что я выхлопотал любовнице помилование у владыки, пользуюсь вхожестью к нему. В какой-то мере это так и было. Те, кто хоть немного знает Тихомира, не поверят в такую чушь, будто я мог на него повлиять. Те, кто не знает... Почему я должен о них беспокоиться?

— В какой-то мере? — уцепилась Чарген. — То есть ты правда его просил?..

— Ты хочешь что-нибудь приятное или правду? — искоса глянул Шешель.

— То есть нет? — вздохнула она.

— Правда в том, что к тому моменту я еще не понимал некоторых важных вещей, и мне просто не могло прийти в голову просить о чем-то подобном.

— Например, каких вещей? — заинтересовалась мошенница, решительно задвинув подальше легкую обиду и досаду. Ну да, ну вот такой он, что теперь делать!

— Например, насколько сильно моя навязчивая идея поймать Кокетку и давнишняя война против твоих коллег по ремеслу влияет на картину мира.

— У тебя есть такая навязчивая идея? — озадачилась Чара. — Боги! И я умудрялась жить рядом с этим человеком и не привлекать к себе внимания!.. Но откуда?

— Напомни, потом как-нибудь расскажу. — Он недовольно скривился. — Были причины.

— А теперь, когда разобрался? — перескочила Чарген. — Попытался бы меня освободить?

— А теперь ты вроде бы и так свободна, — усмехнулся Шешель.

— Не прикидывайся, ты прекрасно знаешь, о чем я, — проворчала она.

— Знаю. Если ты вляпаешься куда-нибудь сейчас, я точно постараюсь тебя вытащить, ты же это хотела услышать? Но давай ты обойдешься без проверок, потому что второго шанса владыка может и не дать.

— Да я и не собиралась, это так, чисто гипотетически, — отмахнулась она.

И вроде понятно, что слова — это просто слова, но признание, пусть и выбитое буквально силой, согрело душу. Совершать преступления Чара, конечно, не собиралась, но приятно было еще раз услышать, что она для него особенная.

— А гипотетически я тебя, скорее, сам выпорю, если опять полезешь в какую-нибудь аферу.

— Подумать только, какой грозный! — рассмеялась мошенница.

На этом разговор пришлось прервать, потому что они наконец дошли до изолятора. Там все формальности много времени не заняли, никаких дополнительных вопросов никто не задавал, но смотрели... выразительно. В свете рассказанного раньше сложно было не догадаться, о чем эти люди думали, так что Чарген почти смущалась и с трудом боролась с желанием спрятаться за следователем. Но все это оказалось странно забавным и даже немного приятным — еще одно маленькое подтверждение того, во что никак не получалось до конца поверить.

— Теперь я могу поехать домой? — спросила Чара, когда они опять подошли к лестнице.

— Нет.

— Почему?

— У тебя нет пропуска, квартира опечатана. Но главное, я пока не хочу отпускать тебя одну.

— Не доверяешь? — нахмурилась она.

— Понимаю, что ты не станешь совершать глупости, но... Если ты останешься здесь, под рукой, я скорее смогу сосредоточиться на работе и не буду дергаться по выдуманным поводам. Не волнуйся, скучать не придется. Я тебя сейчас к нашим магам отведу, думаю, вам найдется о чем поговорить.

— А, ну если к магам, то я согласна. — Чарген улыбнулась: такое объяснение и мотивы следователя ей понравились. — Хотя душ все равно не помешал бы, а то ощущения... не настраивают на рабочий лад.

— И вид письменного стола теперь тоже, — усмехнулся Стеван в ответ.

После такого признания и, главное, жаркого поцелуя, которым господин Сыщик с ней попрощался, настроения «сдаваться» фиолетовым магам не осталось вовсе.

ГЛАВА 14

Мужчины не понимают намеков и очень активно этим пользуются

Громкий стук сначала заставил Чарген дернуться от неожиданности, потом — растеряться и прислушаться в попытке сообразить, что происходит. Через пару секунд она поняла, что кто-то колотит в дверь, причем, кажется, ногой, и вышла в прихожую, не спеша открывать. С добрыми намерениями так не ломятся, да и ждала она всего одного человека, у которого имелся собственный ключ.

— Кто там? — наконец крикнула она, не подходя к двери вплотную.

— Свои, не бойся! — донесся отлично знакомый голос. — Открой, у меня руки заняты.

Почему-то открывать окончательно расхотелось, хотя ждала она вроде бы именно Шешеля.

Следователь появился на пороге с огромной коробкой, сверху на которой стояла еще одна, поменьше. Впрочем, весило все это, кажется, немного, держал свою ношу Стеван без видимого напряжения.

— Привет. Что это? — спросила Чарген напряженно, проходя за следователем в гостиную: в ее квартире он прекрасно ориентировался.

— Подарок.

— Мне уже страшно, — тихо пробормотала она, но господин Сыщик услышал.

— Не бойся, он совершенно безопасен.

— Успокоил... — Конечно, после такого заявления Чара насторожилась еще больше, но пока не знала, как стоит реагировать на происходящее.

Сгрузив ношу на кофейный столик и тем заняв его почти целиком, Шешель поднял с крышки коробки одинокую крупную алую розу на высоком стебле, прежде Чарой не замеченную.

— Так лучше? — спросил, протягивая цветок Чарген.

— Гораздо, — облегченно рассмеялась та, принимая подарок. — Ты делаешь успехи. Спасибо, она чудесная!

Освободив руки, Стеван с удовольствием привлек Чару к себе для поцелуя. Та охотно ответила, чувствуя, что от сердца немного отлегло, хотя тревожная мысль о коробке продолжала зудеть на краю сознания. Говоря о подарке, Шешель явно имел в виду не только цветов.

Рабочий график у господина Сыщика был непредсказуемым и напряженным, домой он возвращался уже затемно, и за день у него зачастую не хватало времени не то что подготовить нечто романтическое, но элементарно поесть. Глядя на это, Чарген даже немного жалела, что выставила ему какие-то условия, ну откровенно не до того же! Но жалела совсем чуть-чуть: в конце концов, никто не оговаривал, как долго должны продолжаться эти ухаживания и с какой регулярностью следователь должен выкраивать на них время.

К счастью для обоих, Чара и сама не тосковала в четырех стенах, а активно готовилась к запоздалым экзаменам в Зоринку, которые нужно было успеть сдать до начала учебного года. Фиолетовый маг Горан Стевич, заинтересовавшийся ею еще в СК, охотно составил протекцию, да и других покровителей у Чарген неожиданно хватало, но хотелось учиться с остальными на равных. Или хотя бы попытаться, потому что пробелов в знаниях у нее имелось множество, и наверстывать было необходимо как минимум весь первый год обучения.

О том, что после Зоринки ей предстояла отработка прежних грехов, Чара и вовсе не задумывалась: в выборе направления учебы и будущей работы ее никто не ограничивал, поэтому загадывать настолько далеко прямо сейчас казалось бессмысленным.

В общем, дел хватало, поэтому по Стевану она успевала соскучиться как раз в той степени, чтобы не тосковать весь день, но вечернее воссоединение дома оказывалось приятным.

С домом у них все складывалось странно. Не менее странно, чем со всем остальным.

Чарген нравился район, да и квартира — тоже, но за годы, что она здесь провела, эти стены не стали в полном смысле родным домом. Может, из-за того, что жила здесь Биляна Белич, а не сама она, может, еще по какой причине. Здесь было удобно, имелось все необходимое, но и только. Поэтому на окончательном переезде к ней следователя она не настаивала — было непринципиально, где жить, тем более квартиры через стенку.

Похоже дела обстояли и у Шешеля. Стеван привык к своему жилью, но особой любви к нему не питал — следовательно был весьма неприхотлив, да и неприятные ассоциации наверняка сказывались. То есть он заверял Чару, что никаких тяжелых воспоминаний, связанных с квартирой, у него нет, но после рассказа об отце и отношениях с ним Чарген в это не верила. Но зато взглянула на любимого мужчину с другой стороны, и... да, это действительно многое объясняло в его характере и жизни.

Но в итоге получилось, что жили они в двух квартирах одновременно, и те потихоньку диффундировали отдельными вещами. Слово это подобрала Чара, и ей очень нравилось, как оно отражало ситуацию, которая вполне могла бы считаться забавной, если бы не приходилось регулярно разыскивать эти самые блудные вещи.

Впрочем, несмотря на все эти особенности, общий режим дня сложился у пары быстро и к взаимному удовольствию.

Завтракали они у Чары, независимо от того, где засыпали: она предпочитала готовить на своей кухне, а ждать от Шешеля регулярной готовки не приходилось. Чарген, в общем-то, тоже было лень, и она бы предпочла утром ограничиваться кофе, с тем, чтобы перехватить что-нибудь в столовой Зоринки, но... Это она перехватит, а вечно голодного мужчину было жаль, так что приходилось хотя бы завтраком его кормить плотно. Благо в еде господин Сыщик был неприхотлив и ел, что давали. Даже против нелюбимых каш и творога не возражал.

После они разбегались по своим делам — или пешком, или, если Стеван вечером приезжал на казенном автомобиле, он подвозил ее в Зоринку. А вечером Чара, как правило, ждала его в его же квартире, оценив отличную библиотеку.

Нет, один раз Шешель честно попытался устроить свидание и пригласил возлюбленную в ресторан, но опоздал почти на полтора часа и появился настолько взмыленным и замученным, что у Чарген язык не повернулся укорить его за ожидание. Но выводы она сделала.

Потом — то ли в порядке извинений, то ли просто так — было изумительной красоты и изящества тонкое колье, и Чарген снова с искренним восторгом убедилась, что вкус у Стевана отличный: серебро и горный хрусталь подарка выглядели настолько чарующе, как не снилось иным бриллиантам.

Однако через несколько дней Чара задалась вопросом: а какая, собственно, разница между тем, как они живут сейчас, и тем, как жили бы, согласись она на замужество сразу? Ответа до сих пор не нашла, хотя с ее освобождения прошло уже одиннадцать дней.

Нет, одно свидание у них все-таки вышло. Стеван честно старался перестроиться на новый ритм жизни, учесть наличие в ней требующей внимания женщины и, как нормальный человек, устроил себе в конце недели выходной. Так что Чара с удовольствием проспала почти до полудня, после чего была приятнейшим образом разбужена, накормлена яичницей, успевшей за время затянувшейся побудки остыть, но все равно вкусной, напоена кофе и получила в подарок красивый яркий цветок в горшке.

Разведением домашних растений Чарген никогда не увлекалась и цветы предпочитала в срезанном виде, но не расстроилась. В конце концов, он действительно был очень красивым. И даже если красота эта погибнет из-за неправильного ухода, все равно сколько-то простоит, так что Чара отнесла его к себе и поставила на видное место в гостиной.

После они с большим удовольствием погуляли по городу, как самая настоящая влюбленная парочка, с поцелуями на скамейке в парке и посиделками в кафе. Чарген искренне наслаждалась чудесным днем, да и Стеван неожиданно для себя обнаружил, что вот так болтаться без определенной цели, оказывается, иногда очень приятно.

Все было прекрасно ровно до театра, а потом пошло наперекосяк. Чара никогда не была заядлой театралкой, но после этого вечера знала точно: она предпочитает исключительно классические постановки. Потому что «экспериментальную пьесу» не получалось описать цензурными словами, а от попыток понять, что вообще происходит на сцене, быстро заболела голова. Так что Чарген запросила пощады в антракте, твердо заявив, что еще двух действий не выдержит, и всю дорогу домой очень ругалась на тех, кто подобное придумал. На вопрос, как Шешеля вообще угораздило взять такие билеты в такое странное место, тот ответил, что много слышал об этой постановке и решил взглянуть лично. И совершенно искренне заверил, что больше спутницу в такие места водить не станет.

А вот о том, что в театре этом он хотел осмотреться из-за случившегося там на неделе убийства актера, Стеван благоразумно

умолчал, справедливо полагая эту информацию лишней. Он сделал выводы из предыдущего опыта, старался работать над собой и учитывать эмоциональную реакцию любимой на его поступки.

Но самое интересное ждало их дома. Стеван открыл дверь квартиры, вежливо пропуская возлюбленную вперед, и та через мгновение пулей выскочила обратно, зажимая рот и нос. А следом выкатилась волна очень характерной вони.

За долгие годы службы Шешелю на какие только трупы ни доводилось выезжать, поэтому столь бурной реакции, как у спутницы, запах у него не вызвал. Зато вызвал много ассоциаций, воспоминаний и грубых слов.

Отправив Чару отдышаться в соседнюю квартиру, следователь шагнул через порог, на всякий случай с пистолетом наготове. Обычно если какой-то труп так пах, то ждать от него агрессии не приходилось, но кто-то же притащил его домой к госпоже Янич!

Однако ни следов постороннего присутствия, ни каких-либо покойников в квартире не нашлось, только жужжала над цветком одинокая муха, невесть как просочившаяся через отпугивающие чары на окнах. Убрав пистолет, Стеван открыл все окна, убил муху и с подозрением осмотрел цветок, почему-то заинтересовавший насекомое.

Хорошим нюхом господин Сыщик обладал разве что в переносном смысле, но это не помешало сделать логичный, но неожиданный вывод: «благоухало» именно растение.

Уж лучше бы труп.

Правда, Чарген с этим утверждением не согласилась, но ругаться и ссориться из-за такой мелочи милостиво не стала, простив любимому невольный промах. Кто ж мог знать, что безобидный с виду цветок подложит такую гадость! В итоге отрезанная красота отправилась в канализацию, а квартире оставили сквозняк и ушли в соседнюю, искренне радуясь такой возможности.

На следующий день Чара нашла экзотическое растение в энциклопедии в Зоринке, на что потратила часа три, потому что Шешель понятия не имел, как оно называется и где произрастает. Цветок, помимо сложного научного, имел несколько говорящих названий, в числе которых были «роза мертвых» и «ночной покойник». Он оказался неприхотливым, но требовал постоянного освещения,

потому что ночью, то есть в темноте, начинал источать вот этот «дивный» аромат, приманивая каких-то эндемичных ночных насекомых-падальщиков. А днем он для опыления «пользовался услугами» обыкновенных бабочек, которые покупались на нектар и яркие цветы.

Запах растения, без цветка стоящего на подоконнике и прикидывающегося безобидным, кажется, не выветрился из дома до сих пор, поэтому появление обыкновенной и понятной розы Чарген встретила с облегчением. Нежные лепестки пахли изумительно и ласкали взгляд, и Чара поспешила поставить эту красоту в подходящую вазу.

Наслаждаясь цветком, она слишком расслабилась и отвлеклась от коробки и ощущения подвоха, поэтому, когда вернулась в гостиную, в первый момент растерянно замерла на пороге. Стол в гостиной теперь занимал внушительных размеров пустой аквариум со стеклянной крышкой. Точнее, не пустой, там был насыпан песок, камни, лежали какие-то сухие ветки, но воду налить явно забыли.

— Это что? — Озадаченная Чара подошла ближе.

А потом увидела его.

Он сидел на ладони мужчины, занимая ту целиком, и вяло шевелил лапами. То есть явно был жив.

— Стей, ты... — пробормотала она, потрясенно разглядывая здоровенную тварь и изо всех сил пытаюсь говорить спокойно. — Я все понимаю, но... Какой логикой ты руководствовался, когда решил притащить сюда вот этого... Вот это!

— Ты же вроде бы не боишься насекомых, — озадаченно проговорил следователь, поглаживая тварь по спинке. И Чарген готова была поклясться: той нравилось!

— Шешель, ты издеваешься? — тяжело вздохнула хозяйка квартиры, стараясь смотреть на следователя, а не на существо в его ладони. — «Не боюсь» — это значит не падаю в обморок и не впадаю в истерику. Но как это связано с тем, что ты притащил домой здоровенного паука?! Он же наверняка ядовитый!

— Ну, для человека их яд несмертелен. К тому же людей они не кусают, мы для них слишком крупная добыча.

Чарген прикрыла глаза, несколько раз глубоко вздохнула, силясь успокоиться. Либо он действительно не понимал, что не так, либо

гениально изображал недоумение.

— Стей, почему паук?! — выдохнула Чара, с опаской косясь на маленького монстра на ладони следователя, который встал и подошел ближе.

— Ты сама упоминала, что неплохо завести кого-нибудь милого и пушистого, — пожал плечами Шешель. — Смотри, какая красавица, и как раз пушистая. Мне кажется, вы даже похожи.

— Чем? — усталым, севшим голосом спросила Чарген. — Обе самки?

— Ну... она тоже брюнетка. — Кажется, вот так с ходу ответить на вопрос он и сам не мог.

Это стало последней каплей, и Чара с истерическим хохотом рухнула в ближайшее кресло.

Стеван отнес паука обратно в террариум, вернулся и присел на подлокотник, явно озадаченный поведением возлюбленной. Осторожно, с некоторой опаской обнял рукой за плечи, не зная, какой ждать реакции. Но Чарген вырваться и ругаться не стала. Все еще смеясь и утирая слезы тыльной стороной ладони, уткнулась лбом в бок Шешелю и даже обняла его одной рукой. То есть, как логически заключил следователь, не сердилась. Это радовало.

— Знаешь, а я ее уже почти понимаю, — выдохнула Чара через несколько секунд.

— В каком смысле?

— Очень хочется сожрать самца после спаривания. Стольких проблем удалось бы избежать!

— Вот видишь, а ты спрашивала, чем похожи, — усмехнулся Шешель. Потянул Чару из кресла, съехал туда сам и устроил ее у себя на коленях.

Чарген не протестовала. Ну в самом деле, его уж или сразу убить, или... или смириться. Потому что это не лечится.

— То есть в этот раз я с подарком не угадал?

— Ну так, слегка, — нервно хихикнула Чара. — Стей, ты точно не издеваешься, а? Я просто не понимаю, как можно было всерьез придумать притащить паука! Ну ладно, ну говорила я про что-нибудь милое и пушистое. На щенка у нас обоих нет времени, но почему нельзя было принести, например, кошку?! Или в крайнем случае — хомяка в клетке!

— Не люблю грызунов, — пожал плечами тот. — А вот про кота я не подумал...

— Потрясающий мужчина! Про паука подумал, а про кота — нет! Боги, я... я с тобой с ума сойду! Как?!

— На той неделе обыскивали квартиру по одному делу, ее хозяин их разводит, — честно признался Стеван.

— Хозяина посадили, а питомцев оказалось некуда пристроить? — раздраженно фыркнула Чарген.

— Нет, почему? Он оказался ни при чем, а паука я у него купил. Там даже есть длинная памятка по уходу и содержанию. В террариуме — артефакты, они сами контролируют температуру, свет, влажность, надо только заряжать раз в полгода.

— Какая прелесть! — вздохнула Чара. — Стей, но почему сразу — домашнее животное? Тебе домашнего растения было мало?!

— Я пробую разные варианты, — признался он в ответ.

— Ага, то есть экспериментируешь. То есть подарил и смотришь на реакцию, а там сортируешь по результатам, подошло или нет? Боги, за что мне такое наказание?!

— Тебе перечислить? — ехидно уточнил Шешель. — Это владыка тебя помиловал, а вот они никаких бумаг не подписывали. Не дерись, это нападение на должностное лицо!

Он легко перехватил руки возлюбленной, вяло попытавшейся придушить господина Сыщика, одной ладонью осторожно сжал оба запястья, второй зафиксировал затылок, чтобы закрыть рот поцелуем. Чарген еще пару секунд посопротивлялась из чистого упрямства, но потом сдалась и ответила на поцелуй. И когда Стеван отпустил ее руки, обняла его за шею, не спеша отстраняться.

В конце концов, какой смысл ругаться на правду? И впрямь, иначе как божественной карой этого типа не назовешь. Не смертельной, так и она сама никого не убивала. Только мужчинам нервы мотала. Ну и вот... Почему-то от этой мысли стало веселее и легче на душе.

— Стей, а давай договоримся? — тихо попросила она, прерывая поцелуй и опять устраивая голову на твердом плече. Погладила кончиками пальцев шею, ключицы в расстегнутом воротнике рубашки, расстегнула еще пару пуговиц, чтобы было удобнее. — Давай без экспериментов, а? Оригинальные подарки — это, конечно, очень впечатляет, но... Ты слишком оригинален, и я боюсь, что еще ты

можешь придумать. Давай остановимся на чем-нибудь банальном, ладно? Вот роза сегодня была очень чудесная, и конфеты ты приносил замечательные. И тут суть все-таки во внимании, а не в самом подарке. Хорошо?

— Как скажешь, — со смешком ответил он. — Тогда я даже не знаю, как быть с сегодняшним вечером.

— А что такое?

— Я думал развлечь тебя, но теперь уже не уверен, что ты согласишься.

— Ну так спроси! Опять какая-нибудь экзотика?

— Скорее наоборот. Древнейшая, подлинная классика.

— Почему я чувствую подвох? — риторически спросила Чарген. — Рассказывай давай, а то у меня фантазии не хватит.

— Бои.

— Какие бои?

— Обычные, человеческие. Человек дерется с человеком. Впрочем, сейчас, в отличие от древних времен, оба бойца чаще всего остаются живы, все же цивилизация добралась и до этого развлечения.

— Боги! Я даже не представляю, как нужно было думать, чтобы додуматься до такого варианта! А впрочем... Нет, знаю. Это действительно выходит с точностью до наоборот в сравнении с тем, что получилось в прошлый раз. Так, глядишь, я скоро начну понимать, чего от тебя можно ждать. — Чарген тихо засмеялась и ласково потерлась лбом о шею Стевана. Долго злиться на этого мужчину у нее не получалось, хотя порой бы стоило.

— То есть мы никуда не поедем? — уточнил Шешель.

— Знаешь, вот если бы ты меня притащил без предупреждения, я бы тебя, наверное, убила на месте. Но сейчас даже интересно. А туда, вообще, женщин пускают?

— Отчего нет? В определенных кругах это статусное мероприятие, так что будут не только пьяницы и игроки, но и богатеи с любовницами в бриллиантах, ровно как в театре. Тащить тебя к первым я точно не планировал, так что можешь не волноваться.

— Я не знаю, кто пугает меня больше, — поморщилась Чарген. — От пьяниц хоть понятно чего ожидать.

— Значит, ты согласна?

— Боги с тобой, поехали. Мне даже уже интересно, что из этого выйдет. Надеюсь, я это переживу.

— Все-таки ты азартна и любопытна, — с улыбкой заметил Стеван после короткого поцелуя. — Не волнуйся, это ненамного опаснее Исторического театра в день премьеры.

— Да у тебя все безопасно, включая вон то восьминое! — фыркнула Чара. — Как ее, кстати, кормить, эту мою сестру по разуму?

— Раз или два в неделю, там все написано в памятке. А еда — вон, в отдельной коробке. Это же паук, он в основном насекомыми питается.

— Живыми. То есть там еще какие-то живые насекомые?!

— Да, конечно. Тараканы.

— Фу! — Чарген аж передернуло. — Какая мерзость. Кормить ее будешь сам!

— Хм. То есть мы и паука уже оставляем? — явно озадачился Шешель.

— Оставляем. Не убивать же, жалко, все-таки живая тварь. Ну и я уже чувствую с ней духовное родство. Подружился, и она по-женски поделится опытом общения со сложными мужчинами. Куда кусать, например, чтоб наверняка. — Чара выразительно клацнула зубами возле уха Стея, а потом все-таки не удержалась и укусила его за шею.

Стеван не остался к такому равнодушным и через мгновение уже жадно целовал женщину, запустив ладони ей в волосы и обхватив голову. И обоим очень быстро стало не до посторонних мыслей и экзотических животных.

Поскольку до назначенного часа оставалась еще масса времени, спешить не стали. Из кресла через некоторое время перебрались в спальню с целью продолжить начатое, а потом в кухню, где Чарген занялась обедом, по мере возможности привлекая к процессу следователя. Тот не возражал, послушно чистил и резал, что давали, только все равно больше мешал, чем помогал: отвлекался сам и отвлекал возлюбленную.

Но, назло всем его усилиям, обед даже не подгорел, и поели оба с огромным удовольствием. Потом на некоторое время погрузились в книги, устроившись для этого вповалку на диване, и Чара уже почти спокойно поглядывала на большой террариум.

Сложнее всего для Чарген оказалось придумать, что надеть на такое странное мероприятие. С одной стороны, все-таки драка, а не светский раут, а с другой — слова про любовниц в бриллиантах плотно засели в голове, да и... хотелось быть красивой, чем не повод! Тем более за прошедшие несколько дней Чара ощутимо пополнила гардероб вещами *для себя*, а не для какой-то очередной из масок, и выбор был неплохой.

В конце концов она остановилась на прямом коктейльном платье из шелка глубокого зеленого цвета, к которому прекрасно подходило недавно подаренное украшение, и, подумав еще, на удобных босоножках с невысокими каблуками. Конечно, куда лучше подошло бы что-то менее практичное, но после приключений в Регидоне у Чары выработалось что-то вроде легкой фобии перед неудобной обувью.

Любимый мужчина наряд оценил, о чем вслух не сказал, но что прекрасно читалось по взгляду и поведению — как аккуратно обнял, как жадно целовал. А вот высокую прическу — уже явно нет. Не высказался, конечно, но осторожно потыкал пальцами с крайне недовольным видом. Чарген едва сдержалась от хихиканья: бедненький, любимый фетиш отобрали!

— Стей, а ты всегда носишь с собой оружие? — спросила она уже в лифте.

— Почти. Иногда его приходится сдавать.

— А зачем? Не сдавать, имею в виду, зачем оно тебе? Неужели так часто приходится использовать?

— Нет, нечасто. Но иногда это случается неожиданно, поэтому я предпочитаю иметь его под рукой. Да и привык уже, без него неуютно, — усмехнулся он и вежливо открыл даме переднюю дверь автомобиля. Дверь открылась явно нехотя, со странным хрустом. — Прошу.

Нутро машины оказалось под стать внешнему виду: чисто, но весьма потерто.

— Что это за машина? — спросила Чара. — Тоже собственность СК? Мне кажется, прежние были приличней...

— Ну, тут уже как повезет, — неодобрительно поморщился Шешель. — Вообще, теперь уже точно надо выбрать время и купить машину, сколько можно откладывать!

— А куда мы едем?

— За город. Увидишь.

— За город? — озадачилась она. Но вопрос остался без ответа, и она решила не настаивать — какая разница, действительно ведь скоро узнает.

Правда, происходящее все больше нервировало, потому что машина ехала не в сторону пригородов с особняками, где находился, например, ипподром, а в сторону морского порта. В сам порт, куда вел крутой серпантин, Шешель не свернул, проехал дальше, чем окончательно поставил Чару в тупик: она понятия не имела, что находится в этом районе, но точно знала — ничего интересного. Кажется, выводы были преждевременными...

— Стей, куда мы едем? — спросила она напряженно.

— Уже почти приехали, — отмахнулся следователь, петляя по узким улицам между заборов, жестяных ангаров и старых, ветшающих зданий с кирпичными фасадами и закрытыми фанерой окнами — видимо, складов, переоборудованных из помещений какого-то другого назначения. — Вот тут остановимся, — решил он и задом подогнал машину к ржавым, заросшим травой воротам, слегка утопленным в линию глухого забора.

— Куда ты меня притащил? — все же попыталась добиться ответа мрачная Чарген, когда господин Сыщик открыл ей дверцу и подал руку, помогая выбраться на разбитый асфальт.

— Куда и обещал, — отозвался Шешель. — Пойдем, дальше немного ногами. Тут недалеко.

— О таких вещах предупреждают заранее! — проворчала Чара, но за локоть следователя все-таки уцепилась. — А если бы я надела туфли на каблуках?

— Но ты же не надела. — Стеван невозмутимо пожал плечами. — Если бы ты выбрала что-то неподходящее, я бы предупредил.

— Заранее, Стей, — это *до того*, как женщина уже выбрала одежду на вечер! — возмутилась она. — Если бы мне пришлось переобуваться, я бы тебя... стукнула. И, может быть, вообще никуда не поехала, по настроению!

— Какие сложности! — насмешливо фыркнул следователь, явно совсем не впечатлившись угрозой. — Ну не поехали бы, тоже мне, трагедия.

— Ты... неисправим! — вздохнула Чара. Даже не сердито, лишь немного ворчливо и устало.

— Нам обоим очень повезло, что ты так быстро это поняла, — рассмеялся он.

Идти оказалось не так уж близко, минут пятнадцать. Оставалось радоваться только тому, что солнце еще не село и дорогу хорошо видно, и представлять, что будет вечером, на обратном пути.

Чарген смутно надеялась, что место, куда они идут, каким-то чудом окажется приличней всех остальных зданий в округе, но не очень в это верила. И правильно делала: нужное здание было из самых неприглядных, старых. На ближних подступах дорога оказалась заставлена автомобилями, и, хотя Чара плохо разбиралась в технике, на то, чтобы отметить роскошь отдельных образцов, ее знаний и умений вполне хватило. Это немного успокоило.

Одна створка деревянных, обшарпанных, непонятного уже цвета ворот здания оказалась распахнута, и туда тянулся тонкий ручеек будущих зрителей. И здесь тоже наблюдался контраст: среди входящих наравне шли и богачи с дамами, обещанные Шешелем, и портовые рабочие в робах, и люди совсем уж потрепанного, без малого нищенского вида. Очень впечатляющий контраст...

Возле входа дежурила пара мордovorотов весьма угрожающей наружности, еще пара приглядывала за ближайшими пустыми местами на обочине, кажется, предназначенными для особых гостей.

На входе никто никого не обыскивал, если оружие следователя кто и заметил, то не обратил на это внимания. Шешель продемонстрировал одному громиле какую-то бумагу, тот кивнул и жестом разрешил проходить.

Внутри, в абсолютно пустом и мрачном гулком помещении все выглядело... странно. Ничем не огороженное пространство. Две грубо сколоченные трибуны на шесть рядов, друг против друга, с двух других сторон люди топтались просто так. Здесь зрители уже разделялись: сидячие места занимали богачи, причем, кажется, самый верхний ряд считался наиболее престижным. Среди них сновали шустрые типы, выполнявшие роль официантов. Стоящая публика гомонила и наседала на несколько столов, за которыми принимались ставки.

Освещение имелось только посередине помещения: с потолка свисал большой осветительный шар, позволявший хорошо видеть центральный пятачок, на котором, очевидно, предстояло встречаться бойцам. Обойдя причудливый «зрительный зал» позади одной из трибун, Стеван усадил спутницу во втором ряду на самом краю.

— Шешель, куда ты меня притащил? — шепотом спросила Чара, усаживаясь. Несмотря на опасения, место оказалось удобным: к доскам крепились мягкие сиденья, так что можно было не бояться ни за ноги, ни за платье.

— Я же тебе говорил, — безмятежно пожал тот плечами.

— Да, но почему все проходит в таком месте?!

Однако ответить тот, даже если и собирался, не успел: к ним подоспел какой-то тип с блокнотом.

— Желаете сделать ставку? Или вина? — предложил он.

— Вина, пожалуй, а ставку... не желаешь? — обратился Стеван к спутнице.

— Я все равно понятия не имею, кто тут что собой представляет, — рассеянно отозвалась та.

— В таком случае будем считать, что ты доверила выбор мне, — улыбнулся Шешель и продемонстрировал какую-то бумагу. Кажется, ту же самую, которую показывал на входе.

— О, господин любит риск, ставит на темную лошадку, — с вежливым уважением протянул тот и жестом подозвал официанта с подносом. — Хорошего отдыха.

— Господин любит риск? — иронично покосилась на него Чара, пригубив на удивление неплохое вино. — То есть ты уже успел сделать ставку раньше? Тут и такое можно?

— Тут все можно, — усмехнулся следователь.

— Ты так и не ответил, почему это «статусное мероприятие» устраивают на каком-то заброшенном складе? Почему нельзя где-нибудь в городе?

— В городе не успеют, — отозвался Стеван. — Их посадят раньше.

— То есть?

— То есть это подпольный тотализатор и бои без правил, они в нашей стране незаконны.

Пару секунд Чара ошарашенно таращилась на своего спутника, потом мрачно посмотрела на свой бокал и осушила его в несколько глотков.

— Шешель, ты... — Она осеклась, не в силах подобрать слова. — Ты чем и как думал, когда тебе пришло в голову сюда прийти?! Боги! И это следствие!

— Ты потише с такими признаниями, — со смешком одернул ее спутник. — За такое и убить могут.

Хотелось кричать и бить посуду, причем желательно — о чью-то голову. Но вместо этого Чара забрала у следователя ополовиненный бокал и допила вино.

— Что ты паникуешь? — весело спросил Стеван, отобрал один из бокалов и обнял спутницу за талию. — Хорошо сидим, бои действительно обещают быть интересными. Какая разница, насколько это законно?

— И этот человек попрекал меня прошлыми грехами! — проворчала она. — Теперь он делает незаконные ставки и спрашивает: а что в этом такого?!

Тут ей пришлось прервать возмущенное шипение, потому что по знаку Шешеля подоспел один из официантов с бутылкой и наполнил бокалы повторно. Правда, к этому моменту Чара уже взяла себя в руки.

— Расслабься и получай удовольствие, — улыбнулся Стеван и поцеловал спутницу в висок.

К удивлению Чарген, у нее это даже вскоре получилось. С одной стороны, наблюдать за тем, как незнакомые люди жестоко избивают друг друга, было жутковато и неприятно. Но с другой... это было по-своему красиво, мощь и стойкость сцепляющихся на пяточке пространства мужчин впечатляла, а шумная, активно болеющая за бойцов толпа вокруг делала свое дело. Было во всем этом — в брызгах крови, в улюлюкающей толпе, в звуках и запахах — нечто темное, первобытное, волнующее.

Может, если бы Чара чуть больше знала о тех, кто сталкивался на импровизированной арене, она бы тоже активно болела, тем более что сидящие на трибунах люди не слишком-то себя сдерживали, даже женщины. И тогда происходящее понравилось бы ей еще больше. Но зачем сюда приехал Шешель, она понимала все меньше. Особого азарта он явно не испытывал и поглядывал больше по сторонам и на

трибуны, чем на бойцов. Но расспрашивать в общем гомоне было невозможно, и Чарген решила отложить серьезный разговор на обратную дорогу, а пока старалась получить удовольствие и проникнуться атмосферой. Тем более, если совсем уж честно, это зрелище раздражало гораздо меньше, чем прошлый «театр».

— Пойдем, — вдруг у самого уха велел Шешель и за руку потянул ее за собой. И зачем-то прихватил бокалы, поставленные на пол между кресел — во время боев официанты между рядов не сновали.

— Куда? — попыталась понять Чара, но следователь, кажется, не услышал.

Они успели спуститься с трибуны, когда по залу прокатился пронзительный свист, а потом слаженный вопль нескольких луженых глоток:

— Облава, бляхи!

Мгновение промедления, а потом толпа с визгом и воплями хлынула к воротам — тем, через которые входили. Часть кинулась к другой стороне здания, где виднелись еще одни ворота, а Стеван потянул растерянную и оглушенную Чару к боковой стене.

— Куда?.. Что ты делаешь? — пробормотала Чарген, не рассчитывая, впрочем, что ее услышат за общим гвалтом, тем более дальние ворота распахнулись, внутрь хлынули люди в форме, и в здании началось нечто совсем уж несусветное.

А следователь оттащил спутницу в дальний темный угол, за нагромождение каких-то обломков вроде разбитых ящиков, где был наполовину открыт люк в полу.

— Шешель, я тебя убью! — прошипела Чара.

— Быстрее, за мной! — шикнул на нее следователь и нырнул в люк.

Наверное, регидонские приключения выработали в ней какой-то особый рефлекс, потому что повиновалась Чарген беспрекословно и полезла по сырым ржавым скобам вниз вслед за Стеваном. Испугаться темноты она толком не успела, потому что следователь, спрыгнув, достал карманный светильник — небольшой осветительный шар, утопленный в толстую удобную ручку, — и канализационный сумрак расплылся и расступился под напором слабого желтого света.

— Подожди, — велел господин Сыщик, когда лестница вдруг кончилась и нога на новом движении провалилась в пустоту. — Иди

сюда. — Он обхватил ее за бедра, чуть выше коленей, и Чара, без раздумий доверившись, выпустила скобу. Съехала вдоль его тела вниз, так что платье задралось почти до подмышек.

Поставив Чарген на ноги, Стеван схватил ее за руку и потянул дальше по тоннелю, так что оправлять одежду пришлось на бегу.

— Шешель, я точно тебя убью!

— Хорошо, но потерпи до дома, — со смешком отмахнулся он.

По сторонам Чарген старалась не смотреть. Тоннель явно был заброшенным, но, увы, совсем не пустым. То и дело попадались неопрятные груды какого-то мусора, между которыми кишело и шуршало местное население. Крыс Чара не боялась, даже питала к этим умным грызунам некоторую симпатию, но не в таких обстоятельствах и не тогда, когда на их стороне такое численное преимущество.

Бег под землей показался бесконечным, но на самом деле прошло всего несколько минут, когда Стеван, пару раз свернув, остановился возле еще одного ряда скоб, которые Чарген в первый момент и не заметила.

— Сможешь сама забраться? — спросил следователь у изрядно запыхавшейся спутницы.

— А если нет? — мрачно спросила она, неохотно примериваясь к ступенькам, нижняя из которых находилась на уровне ее подмышек. То есть вроде бы и невысоко, но неизвестно, получится подтянуться или нет.

— Тогда... Ладно, давай попробуем вот как. Будем надеяться, нас двоих эта штука выдержит.

Подсадив Чару, он скомандовал ей подвинуться вбок и вскарабкался уже сам, обгоняя. Разминулись вроде бы без проблем, и Шешель полез вперед открывать люк. Провозился он там долго, порой негромко матерился, но наконец железка с жутким скрежетом поддалась и сдвинулась. От неожиданного пронзительного звука Чарген сначала дернулась, потом нервно вжалась в ступени, прислушиваясь к наступившей следом тишине. Казалось, что там, снаружи, их непременно будут ждать.

Но Стеван налег еще и еще, сдвигая люк все больше, и наконец двинулся дальше. Помог выбраться Чаре, подав ей руки и буквально

выдернув на свежий воздух, воссоединение с которым она встретила с огромным облегчением.

На улице за минувшее время успело стемнеть, поэтому светляк пригодился и здесь, но осматриваться Чарген опять приходилось на бегу. Правда, смотреть было особо не на что: какой-то длинный проход между двумя стенами, заросший чахлым бурьяном и усыпанный чем-то хрустящим под ногами. Над головой через дыры в крыше виднелись ключья тускло белеющих в сумерках облаков.

Шаткой деревянной дверце в перегородившей проход стене хватило одного удара ноги следователя, чтобы выпустить людей наружу, — если замок там и был, то, видимо, давно проржавел. Еще одна короткая пробежка вдоль глухого забора закончилась у ворот, которые, к счастью, оказались заперты на простой засов с этой стороны. А за воротами...

— Ого! — выдохнула Чарген, растерянно наблюдая, как Стеван невозмутимо открывает машину и дверь для спутницы.

— Нырять, поехали.

— Куда? — мрачно спросила она, но села.

— Домой. Можно заехать куда-нибудь перекусить.

— Куда?! — раздраженно повторила Чара. — Нас ни в какое приличное место не пустят! Мое платье на тряпку похоже от этих идиотских ступеней! И босоножку я, кажется, порвала...

— Да, об этом я не подумал, — задумчиво покосился на нее Шешель.

— Да ты вообще ни о чем не подумал! Какого... зачем тебя понесло в это идиотское место?! Почему нельзя было просто спокойно сходить в ресторан?!

— Это было бы скучно. — Он пожал плечами.

— Какой ужас! Зато вот сейчас повеселились! Я просто счастлива! Вот именно побега от облавы стражи через канализацию мне не хватало для полного счастья! Прекрасно, ну что теперь? Зачем ты остановился? Решил высадить?

— Не говори глупостей, — отмахнулся Стеван. Он действительно остановил автомобиль, заглушил двигатель и, на шарив под сиденьем ручку, сдвинул то подальше назад.

— Ты что делаешь? — опешила она.

— Собираюсь тебя успокаивать. Иди сюда.

Шешель обеими руками взял Чару за талию, потянул к себе. После короткой упрямой борьбы Чарген все же сдалась и оказалась у него на коленях, позволила крепко себя обнять и устало пристроила голову на уютном плече.

— Признайся, ты специально издеваешься, да? Не могу поверить, что случайно можно устроить такое!

— Извини, ты права. Не надо было тебя сюда тащить. Мне казалось, это будет забавно, а ты азартна и любишь приключения...

— Я, может, и азартна, но еще от прошлых приключений не до конца отошла! И я тебе уже, кажется, говорила, что страшно устала от всего этого и хочу нормальной, спокойной жизни, — проворчала Чара и тут наконец сообразила, что еще в сказанном прозвучало не так, неправильно: — погоди. Что значит «тащить меня»? Ты вообще зачем сюда приехал?!

— Осмотреться, понаблюдать кое за кем. Тут была назначена встреча пары интересных людей, надо было удостовериться, что это действительно так, и посмотреть, как они будут общаться, кто, что и кому передаст...

— То есть ты сюда потащился по службе?

— Ну да.

— И ты знал, что здесь начнется это безобразие с облавой? Но какого же... Почему нельзя было просто показать страже удостоверение? Зачем нас понесло в канализацию?!

— Ну тихо, не дерись, — ворчливо велел он, перехватил руки Чарген и крепче прижал ее к себе. — Облаву проводили совсем другие люди, которые понятия не имели, зачем я там. Помяли бы, и я уж не говорю о том, что полночи пришлось бы провести за решеткой...

— Шешель, ты идиот! Полный! Нена... Хм!.. Мм!

Сначала Стеван просто закрыл ей рот доступным способом, но потом Чарген все же расслабилась, позволила вовлечь себя в поцелуй. Наверное, стоило бы проявить твердость, но его губы очень быстро, как по волшебству, делали ее мягкой и податливой, особенно когда целовал он вот так — неспешно, ласково, чутко.

— Ладно, уговорил, — через пару минут тяжело вздохнула Чара и опять уткнулась лбом ему в шею.

— На что? — растерялся следователь.

— Я согласна, только прекрати вот это все!

— На что согласна? — продолжил недоумевать тот.

— Замуж. Я поняла, стоило сразу думать головой, от кого я хочу нормальных ухаживаний. Для этого надо было заводить нормального мужчину, а не... В общем, нет уж, хватит! Еще пары таких свиданий я не выдержу и точно тебя сожру! Ладно, с паучихой, так и быть, поделюсь кусочком, надеюсь, она не отравится. Не знаю, что ты нашел в этом смешного, я совершенно серьезно! Если именно в этом была твоя стратегия — замучить меня так, чтобы я махнула на все рукой, — поздравляю, она оказалась успешна!

— Мысль интересная, и она меня посещала, — честно признался Шешель. — Но я решил не рисковать.

— Рисковать чем?

— Тобой, испытывая твоё терпение. Легко можно было бы перегнуть палку. Если я и сейчас далеко не всегда угадываю твою реакцию, то, если бы сознательно пытался вывести из себя и замучить, был шанс совсем разругаться. И это не тот случай, когда я готов был рисковать. А вообще это оказалось даже забавно.

— Что — это?

— Процесс ухаживаний. Для меня это, как ты понимаешь, тоже новый опыт, очень необычный. Но просто сидеть в ресторане — это ведь правда скучно. Разве нет?

— Не знаю, не пробовала! — ехидно отозвалась Чарген. — Боги... Как меня угораздило в тебя влюбиться, а?

— Ты уверяла, что я положительный герой и вообще замечательный, — рассмеялся следователь. — Наверное, в конце концов сама себя убедила.

Возражений у Чары не нашлось, осталось только закруглить разговор поцелуем. Ну в самом деле, он прав, на что тут жаловаться! Сама выбрала, сама убедила, сама напросилась на такие вот ухаживания. Все сама! И что ей с ним всегда, даже несмотря на порой возникающее желание убить, так легко и радостно, тоже, наверное, сама виновата...

— Стей, а давай договоримся, — тихо попросила она, прервав поцелуй. — В следующий раз, когда тебя посетит очередная гениальная идея необычного свидания, давай ты просто обсудишь ее со мной? Включая все твои сторонние интересы и подлинную причину, по которой тебе понадобится это место. Ладно?

— Договорились, — усмехнулся Стеван, невесомо коснулся ее губ, закрепляя договор.

— Ну что, домой?

— Есть идея получше, — задумчиво проговорил Шешель, и ладонь его скользнула по бедру Чары ей под юбку, а губы начали неспешно ласкать шею.

— Ты... что? Прямо здесь?! Стей, ты... маньяк, честное слово!

Впрочем, Чарген и сама понимала, насколько неубедительными выходят ее протесты и насколько наигранным получается возмущение: слишком сильно ее душил смех, а в голосе звучало чересчур много азарта и предвкушения.

— А еще у тебя руки грязные! И у меня тоже, — добавила она, и вот это уже получилось вполне искренне.

— Я один секрет знаю, — рассмеялся Стеван, спуская тонкие бретельки с плеч Чары.

— Мм?

— Руки в этом деле не самое главное, — ответил он тихо, прочувствованно, щекоча дыханием ухо. После чего добавил наигранно-будничным тоном: — А еще мы с тобой сейчас обеспечиваем себе алиби.

— В смысле? — Чара на пару секунд замерла, прекратив на ощупь расстегивать его рубашку.

— В смысле выезда из района все равно перекрыты, и, если нас найдут именно сейчас и именно здесь, ни у кого не возникнет вопросов, с какой целью мы оказались в таком странном месте в такое странное время.

— Тьфу! Шешель! — возмущенно выдохнула Чарген, которая за это время успела устроиться верхом на бедрах следователя и сейчас выразительно сжала руки на его горле. — Ты хоть раз в жизни сделал что-то без двойных мотивов и далеко идущих планов?!

— Ну, кое-что на ум приходит, — отозвался Стеван, и не думая сопротивляться ее рукам, даже голову немного запрокинул, чтобы было удобнее. Ладони его в это время неспешно ласкали грудь возлюбленной, и об их чистоте Чарген совсем не задумывалась.

— Например? — проворчала Чара недовольно, пытаясь стащить с его плеч разом пиджак, рубашку и лямку кобуры. Получалось, конечно, плохо.

— Например, полюбил аферистку, — рассмеялся он, ладонями обхватил ее голову и притянул к себе для нового поцелуя, напрочь лишаящего желания спорить и что-то обсуждать.

ЭПИЛОГ

Иногда нужно обойти полмира, чтобы встретить счастье в соседнем доме.

*Беряна, столица Ольбада
27 черешняра^[6]8152 г.*

— Мы точно все взяли?

— Точно, не суетись, — отмахнулся Стеван и дернул рычаг.

Двери лифта с лязгом закрылись, и он медленно поплыл вниз. Недалеко.

От неожиданного рывка Чарген дернулась и, наверное, упала бы, если бы не надежная рука мужа, обнимавшая за талию. А так ничего, господин Сыщик удержал. И даже магического импульса в этот раз не понадобилось: свет мигнул, но только потускнел, а не погас.

— Боги! — простонала она. — Да это издевательство какое-то! Стей, сделай что-нибудь!

— Да легко. Помнится, у тебя там плед был, — усмехнулся он и привалился спиной к стене, увлекая спутницу за собой. — А все остальное я тебе уже один раз объяснял. Воскресенье, пять утра... продолжать?

— Не надо, — тяжело вздохнула Чарген, крепко обнимая его за талию и удобно пристраивая голову на родном плече. — Ну почему опять?! Почему мы не выбрали квартиру в другом доме и на первом этаже, а? Сменяли шило на мыло...

— Потому что дом нравится нам обоим, — невозмутимо пояснил Шешель, хотя вопрос был явно риторическим. — На других этажах квартиры не продавались, другой подъезд показался хорошей идеей, а лифт... ты сама говорила, что он редко ломается.

— Ага. Редко, но метко...

— Зато в этот раз можно не беспокоиться о такси и дирижабле, — засмеялся Стеван. — Машина возле дома и, надо надеяться, никуда не уедет без нас.

— Да уж. Плохая оказалась идея выехать пораньше... — сокрушенно вздохнула Чарген.

Идея была целиком ее: слишком хотелось поскорее начать первый настоящий совместный отпуск. Она неплохо сдала экзамены летней сессии, и это был отличный, весомый повод для радости, настоящий праздник, а у Шешеля вообще, наверное, выдался первый полноценный отпуск за всю его жизнь. И Чара рвалась поскорее удрать, пока что-нибудь не случилось и в следственном комитете не решили, что справиться с этим способен только один человек во всей Беряне.

Конечно, еще хотелось поскорее увидеть младших и маму и познакомиться с Ангеларовой невестой, но это были дополнительные аргументы. Главное, она боялась, что отпуск вообще сорвется, и поэтому спешила. Верно говорят, поспешишь — людей насмешишь!

Шешеля в качестве зятя Йована Янич восприняла с понятной иронией и не могла удержаться от подтрунивания на эту тему, но ее, впрочем, никто не пытался осаживать: ситуация одинаково забавляла всех участников. Тем более Стеван в ответ обычно припоминал ей ожидающее наследство покойного папочки, и счет неизменно оказывался равным. От наследства следовательская теща отбивалась изо всех сил и категорически отказалась вспоминать свою прежнюю фамилию, но владыка нет-нет да и напоминал ей через Шешеля о вассальном долге. Тоже насмешничал. То ли над ним, то ли над ней, то ли над обоими.

— Нормальная идея, — пожал плечами Стеван. — Всего не предусмотритишь.

— В прошлый раз мы тут три часа просидели. Как думаешь, в этот будет больше или меньше?

— Меньше, — легко отозвался тот.

— Почему?

— Этажом ниже нас живет бодрый старичок с терьером, они всегда спускаются гулять в половине седьмого, и всегда на лифте, у него нога болит, по лестнице вниз тяжело.

— Отрадно, что старичок живет именно в этом подъезде, — рассеянно пробормотала Чара. — Ладно, полтора часа — это не три. Но все равно... Что будем делать? Спать?

Она подняла голову, чтобы взглянуть на мужа. Выражение лица у того в этот момент было мечтательно-рассеянным, а губы кривила насмешливая улыбка.

— Да есть у меня одна идея, которая сама напрашивается. Но ты же опять начнешь ворчать и обзываться, — сказал он.

— Какая идея? — растерялась Чарген, а в следующее мгновение ощутила, что подол ее платья пополз вверх, собираемый рукой мужа. — Стей!

— А я предупреждал, — рассмеялся он. — Ну что, будешь ругаться?

— Да не дождешься! — фыркнула Чара, опомнившись и взяв себя в руки, и потянулась к нему за поцелуем. — Люблю тебя. Очень...

И с каждым днем, кажется, еще больше. Полюбила давно, еще в этом самом доме, зная о нем очень мало, но чувствуя сердцем. Просто тогда невозможно было поверить, что господин Сыщик сумеет не только поймать свою Кокетку, но и простить и принять со всем ее темным прошлым.

Но прошедший год, долгий и насыщенный, показал, что сумел, причем на удивление легко и быстро. Как любимую женщину, как жену — когда они все же выкроили время на то, чтобы посетить храм Черешара. Впустил в свою жизнь, в свое сердце и сам уже удивлялся, как мог сомневаться на ее счет и всерьез полагать, что без нее ему будет лучше.

Ему вообще начало казаться, что Кокетку он ловил именно эту и именно для себя, потому что, стоило ее поймать, как Шешель совершенно остыл к своей великой цели. Он по-прежнему не любил мошенников и не собирался ничего им прощать, но... его личная картотека за этот год не пополнилась ни одним новым делом, и вовсе не потому, что перевелись преступницы.

А пьесы про Кокетку и Сыщика, хотя и пытался, князь Недич так и не нашел. И очень этому радовался, как новому и весьма убедительному доказательству одного очень важного факта: действительность куда сложнее и многогранней любой книги. И каким бы заковыристым и неожиданным ни казался сюжет последней, но жизнь непременно найдет чем удивить и вывернет все так, как ни один писатель не сможет.

notes

Примечания

1

Горешняк — июль (ольбадск.). — Здесь и далее примеч. авт.

Серпень — август (ольбадск.).

Зоринка — так в народе называется Берянский государственный университет имени Тихомира Зорича.

Историю князя Недича можно узнать из книги Дарьи Кузнецовой «Чистый лист».

Посаде́нь — аристократический титул, следующий после княжеского.

Черешня — июнь (ольбадск.).